

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

PHILOSOPHY AND HUMANITIES IN INFORMATION SOCIETY

Выпуск № 1(11)
январь – март
2016

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
От редакции.	6
Состав редакционного совета журнала	8
Состав редакционной коллегии журнала	10

Философия информационного общества

Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития <i>С. В. Орлов.</i>	12
Образование как ключевой фактор социальной дифференциации в информационном обществе <i>Н. К. Оконская, М. А. Ермаков.</i>	26
Необходимость управления рекламой в обществе потребления <i>А. Н. Ильин</i>	39

Теория и история культуры

Концепции взаимодействия культур Запада и Востока <i>Н. В. Выжлецова.</i>	56
--	----

Из истории отечественной науки

О трудной судьбе научного наследия В. С. Дерябина <i>О. Н. Забродин</i>	76
Вклад В. С. Дерябина в учение о физиологических основах аффективности <i>О. Н. Забродин.</i>	96

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	122
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial	6
Editorial Council of the Journal	8
Editorial Board of the Journal.	10
Philosophy of Information Society	
Virtual Reality as an Artificial Form of Matter: Its Structure and Laws <i>S. V. Orlov</i>	12
Education as a Key Factor of Social Differentiation in the Information Society <i>N. K. Okonskaya, M. A. Ermakov</i>	26
Advertising Management in the Consumer Society <i>A. N. Ilin.</i>	39
Theory and History of Culture	
The Concept of Western and Eastern Cultures Interaction <i>N. V. Vyzhletsova</i>	56
From the History of the Science of Our Country	
The Fate of V. S. Deryabin's Scientific Legacy <i>O. N. Zabrodin</i>	76
V. S. Deryabin's Contribution to the Doctrine of the Physiological Bases of Affectivity <i>O. N. Zabrodin.</i>	96
Article Presentation Rules	
Article Presentation Rules.	122

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

24.00.00 – культурология;

19.00.00 – психологические науки.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

От редакции

Первый номер журнала за 2016 год открывается разделом **«Философия информационного общества»**. В нем представлена статья С. В. Орлова «Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития». Автор предлагает свою концепцию компьютерной виртуальной реальности как особой формы материи, искусственно созданной человеком. Аргументация данной точки зрения включает в себя обоснование представлений о специфических чертах этой реальности, делающих ее самостоятельной неосновной формой объективной реальности. К таким чертам относятся специфический субстрат и субстанциальная основа, специфические структуры пространства и времени, особое отношение к сознанию и взаимодействие с другими формами материи на основе объективных общих законов их взаимосвязи. Н. К. Оконская и М. А. Ермаков в статье «Образование как ключевой фактор социальной дифференциации в информационном обществе» рассматривают распространенное мнение, что главная цель образования – знания, навыки и умения в определенной области. Такой подход приводит к обострению противоречий в образовании. Прогрессивное изменение института образования требует активизации его воспитательных функций и встраивания фундаментальных общечеловеческих, а не только узкоспециальных компетенций в профессиональную структуру, созданную общественным разделением труда. Воспитательные функции современного общества в несколько ином аспекте затронуты в публикации А. Н. Ильина «Необходимость управления рекламой в обществе потребления». Автор доказывает, что информационное общество не может позволить себе распространение рекламы, содержащей дезинформацию, романтизирующей преступность, эгоизм, инфантилизм и другие пороки, так как социальный, культурный и нравственный прогресс важнее, чем свобода манипулирования потребительским поведением человека в частных, корыстных интересах.

В разделе **«Теория и история культуры»** помещена статья Н. В. Выжлецовой «Концепции взаимодействия культур Запада и Востока». В двадцатом веке были изучены как конструктивные, так и деструктивные формы их взаимодействия. В это время получил широкое распространение особый «пограничный», раздвоенный тип личности переходной эпохи, который играет роль медиатора, преодолевающего культурные границы и «наводящего мосты» между своими и чужими.

Раздел **«Из истории отечественной науки»** включает в себя две статьи О. Н. Забродина – «О трудной судьбе научного наследия В. С. Дерябина» и «Вклад В. С. Дерябина в учение о физиологических основах аффективности». Публикация и обсуждение работ Викторина Сергеевича Дерябина (1875–1955), психиатра и психофизиолога, ученика И. П. Павлова, были начаты уже в первом номере нашего журнала. Трудности публикации его научного наследия отразили многие проблемы развития научного знания (причем не только отечественного) – особую сложность освоения междисциплинарных областей и

определения механизмов взаимодействия социального и биологического (физиологического) в поведении человека, инерцию мышления научного сообщества, негативное воздействие предвзятых идеологических установок на научное исследование и т. п. Изучая аффективность в психических явлениях (чувствах, влечениях, эмоциях), В. С. Дерябин впервые предпринял их психофизиологический анализ, преодолевая при этом упрощенные социологизаторские представления о психике, частично сохраняющиеся в науке вплоть до настоящего времени. Такого рода новаторские подходы сделали их автора фактически одним из создателей отечественной социальной психологии.

Главный редактор

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

Орлов Владимир Вячеславович – заведующий кафедрой философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по качеству Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры обработки и передачи дискретных сообщений Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения им. Генерала армии А. В. Хрулёва, доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

Состав редакционной коллегии журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Игнатьев Михаил Борисович – директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия.

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Казанская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций ГУАП.

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.

Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.

Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

Малкин Иосиф Гилевич – эксперт, руководитель информационно-аналитического отдела.

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 117; 316.324.8; 004.946

Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития*

Орлов Сергей Владимирович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, профессор, доктор философских наук, профессор. Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: orlov5508@rambler.ru,
196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
тел.: 8(812) 708-42-13.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Понятие виртуальной реальности широко используется в современной науке и культуре, причем под ним может подразумеваться очень широкий диапазон материальных и духовных явлений. Однако на философском уровне сущность виртуального остается нераскрытой.

Результаты: Сущность виртуального наиболее глубоко проявляется в виртуальной компьютерной реальности, которая создается и поддерживается современной электронной техникой. Материальной основой этой реальности являются компьютерные программы и контент файлов, которые в субстратном плане образованы заряженными физическими частицами, объединенными в абстрактные материальные структуры. Субстанцией, создающей данную реальность, являются не силы природы, а компьютерный труд. Компьютерная виртуальная реальность является особой частью объективной реальности, наиболее близко взаимодействующей с сознанием и приобретающей свойства, внешне похожие на свойства субъективной реальности – квазиидеальность и квазисубъективность. Создание человеком виртуальной компьютерной реальности привело к коренным изменениям структуры социального пространства и времени в информационном обществе. Эта реальность вовлечена во взаимодействия с другими формами объективной реальности, протекающие по общим законам взаимодействия низших и высших форм материи.

Область применения результатов: Предложенная трактовка компьютерной виртуальной реальности позволяет описать взаимодействие материальных и духовных факторов в ходе развития современного информационного общества на основе концепции философского материализма.

* © С. В. Орлов, 2016.

Выводы: Виртуальная компьютерная реальность не является духовным, идеальным явлением, а представляет собой искусственно созданную человеком форму материи. Она обладает основными признаками такой самостоятельной формы – своими субстратом и субстанцией, структурами пространства и времени, специфическим отношением с сознанием и взаимодействует с другими формами материи по объективным законам природы и общества.

Ключевые слова: компьютерная виртуальная реальность; формы материи; низшее и высшее; квазиидеальность и квазисубъективность; абстрактные материальные структуры.

Virtual Reality as an Artificial Form of Matter: Its Structure and Laws

Orlov Sergei Vladimirovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, professor, Doctor of Philosophy, professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: orlov5508@rambler.ru

15, Gastello st., Saint Petersburg, 196135, Russia,

tel: +7(812) 708-42-13.

Abstract

Background: The concept of virtual reality is widely used in modern science and culture, and it may imply a very wide range of material and spiritual phenomena. On a philosophical level, however, the essence of the virtual remains uncertain.

Results: The essence of virtual is manifested most deeply in virtual computer reality, which is created and supported by modern electronic equipment. The material basis of this reality seems to be computer programs and files content that are formed of charged physical particles, combined into abstract material structures. The substance creating this reality is not nature forces, but computer work. Computer virtual reality is a particular part of objective reality, interacting most closely with consciousness and acquiring properties that resemble the properties of subjective reality – quasi ideality and quasi subjectivity. The creation of virtual computer reality has led to fundamental changes in the structure of social space and time in information society. This reality is involved into the interaction with other forms of objective reality, obeying the general laws of interaction between lower and higher forms of matter.

Research implications: The proposed interpretation of computer virtual reality describes the interaction of material and spiritual factors of the modern information society development based on materialistic philosophy.

Conclusion: Virtual computer reality is not a spiritual, ideal phenomenon, it represents a form of matter made by humans. This reality has the main features of such a peculiar form, i. e. its own substrate and substance, space and time structures, some specific relationship with consciousness, and it interacts with other forms of matter according to the objective laws of nature and society.

Keywords: computer virtual reality; forms of matter; the lower and the higher; quasi ideality and quasi subjectivity; abstract material structures.

Одна из главных особенностей культуры постиндустриального (информационного) общества – возникновение особой сферы человеческого познания и практической деятельности, получившей название «виртуальная реальность». Это понятие определяют по-разному, и общепринятого взгляда на него и обозначаемые им явления пока не сложилось. Под виртуальным в общественном сознании иногда подразумевается просто нечто вымышленное, нереальное, несуществующее. Нам представляется, что виртуальная сфера бытия – очень важная составная часть современной картины мира. Поэтому феномен виртуальной реальности требует самого глубокого исследования, причем не только с точки зрения теории культуры, но и на философском уровне. Современной науке рано или поздно потребуются онтология и гносеология виртуальной реальности, разработка методологических аспектов ее изучения и даже аксиологический подход к этой не до конца понятой сфере бытия. Пока же (как отмечает, например, Е. В. Грязнова) «даже в тех случаях, когда авторы пытаются внести свойства виртуальной реальности в бытие, то кроме декларации о том, что это необычное бытие, ничего не получается. Сущность виртуального остается нераскрытой» [2].

Конечно, виртуальная реальность проявляет себя в огромном наборе идей, знаний, представлений, художественных образов, которые человек может сформулировать с ее помощью. Она позволяет создавать наглядные зрительные образы, служащие средством не только научного, но и художественного познания действительности, а также своеобразным интерфейсом между миром компьютера и миром человека. Однако с философской точки зрения необходимо прежде всего установить, с какими специфическими материальными структурами и процессами виртуальная реальность связана. В настоящее время это, конечно, материальные физические процессы электрического и магнитного взаимодействия. Их можно охарактеризовать далее, как один из компонентов процессов и структур, входящих в мир культуры, или второй природы – то есть они являются частью объективной реальности, перестроенной материальной трудовой деятельностью человека. Еще конкретнее, это электронная аппаратура, созданная для передачи и переработки информации. Уже до начала эпохи Интернета было предложено различать два типа приборов, работающих с информацией. Первый тип – приборы, передающие и сохраняющие информацию (телефон, телеграф, радио- и телеаппаратура). Второй тип – приборы, моделирующие производство информации в голове человека и способные более или менее самостоятельно, без прямого участия оператора производить новую информацию – компьютеры [см.: 14, с. 125–127]. Материальной основой существования виртуальной реальности являются, конечно, не телефон и радиоприемник, а приборы второго типа, то есть компьютеры. Поэтому наиболее развитым и сложным сущностным проявлением всех виртуальных процессов можно считать

компьютерную виртуальную реальность, в которой и следует искать ключ к пониманию природы виртуального мира.

Какие именно материальные структуры необходимы для существования компьютерной виртуальной реальности, то есть являются ее субстратом? Представляется, что это не компьютеры сами по себе, а специфические материальные структуры, являющиеся непосредственными носителями информации – *компьютерные программы и контент файлы*. В. В. Орлов предложил называть материальные объекты такого рода *абстрактными материальными структурами* [см., напр.: 9, с. 223–224]: **«Производство абстрактных материальных структур – главная современная форма всеобщего, научного труда. ... Предмет и продукт компьютерного труда – не избежать каламбура – не имеет предметной формы, а представляет собой отношение, или, как уже отмечалось, абстрактную структуру»** [9, с. 224]. Связь абстрактных материальных структур с компьютером до какой-то степени раскрывает аналогия с известным высказыванием В. И. Ленина: мыслит не мозг, а человек при помощи мозга. Примерно так же можно сказать: обрабатывают информацию не сами структуры виртуального мира – программы и создаваемый с их помощью информационный контент, а компьютер при помощи программ.

Компьютерные программы и информационный контент физически существуют как микроскопические материальные структуры (заряженные магнитные частицы), позволяющие оперировать с информацией, моделируя при этом некоторые психические процессы. Они образуют новую, специфическую область материального мира, заметно отличающуюся от других его областей. Поэтому нами было предложено рассматривать виртуальную реальность как особую, искусственно созданную человеком форму материи [11, с. 42–54]. Внешне эта форма материи отличается микроскопическими размерами, то есть она не «человекоразмерна» и воспринимается органами чувств только с помощью специальных приборов. В электронных системах контроля и управления она способна, как известно, частично замещать человека и человеческое мышление. Это приводит некоторых специалистов к выводу о нематериальности информации и виртуальной реальности [см., напр.: 3, с. 142; 5, с. 5], хотя, кажется, точнее было бы говорить самое большее о невещественности. Мы уже пытались показать, что виртуальная реальность остается по своей основе частью объективной реальности, но специфической ее формой: виртуальная реальность выстраивается человеком на основе его знаний, как бы на матрице субъективной реальности, и приобретает особое сходство с последней. Отсюда возникает некоторый повод для отождествления компьютерной виртуальной реальности с субъективной реальностью – информацию и виртуальную реальность рассматривают на этом основании как нематериальное. Нам представляется, что виртуальная реальность – например, компьютерные программы – остается материальной: в ней не возникает идеальных образов, протекают не психические, а только электромагнитные процессы. В то же время компьютерная программа и информационный контент обладают значительным внешним сходством с идеальными явлениями и

успешно моделируют некоторые их функции. Это сходство можно охарактеризовать как *квазиидеальность и квазисубъективность* [см.: 12, с. 17–20]. Квазиидеальность состоит в том, что содержание компьютерной программы и созданного с ее помощью информационного контента – не собственные свойства записывающих и сохраняющих их частиц, а содержание предметов и процессов, которые отражены в программе и на изучение (преобразование) которых она нацелена. Внешне это напоминает (но не полностью повторяет) такую основополагающую черту сознания, как идеальность – способность своеобразным образом удваивать мир, придавая материальным вещам и явлениям второе, производное существование – существование не на их собственном материальном субстрате, а на субстрате человеческого мозга в виде мысленных образов реальных предметов. Известно, что отражение действительности в идеальной форме позволяет человеческому сознанию мысленно конструировать потребное будущее и опредмечивать сконструированные таким путем объекты или процессы посредством материальной практической деятельности. Компьютерная программа создает возможность как бы «растянуть» процесс материализации (опредмечивания) идеальных конструкторов, добавив в него переходную ступень. Материализация целевых идеальных образов совершается теперь сначала в форме абстрактных материальных структур (компьютерных программ и контента), не обладающих, как и идеальный образ, реальными физическими (материальными) свойствами вещи. Уже потом, на втором этапе, происходит воздействие на предмет внешнего мира посредством алгоритмов, заложенных в квазиидеальной, материальной компьютерной программе.

Программа принципиально отличается от такого классического носителя информации, как, например, книга. Книга и ее информационный контент не могут самостоятельно воздействовать на технологические процессы в материальном производстве. Она влияет на события, происходящие в материальном мире, только в том случае, если ее прочитал человек, который декодировал имеющуюся в ней информацию, перевел эту информацию в идеальную форму, то есть знание, и использовал ее для практического воздействия на материальные процессы. Компьютерная программа, наоборот, влияет на технологические процессы материального производства прямо и непосредственно (вспомним аналогичную мысль К. Маркса о превращении науки в непосредственную производительную силу). Программа функционирует как микроскопический материальный инструмент (или управляет микроскопическими материальными инструментами, заряженными частицами), который далее с помощью компьютерной техники управляет технологическими процессами – например, движением рабочей машины в механическом производстве. В структуре материального производства появляется новый промежуточный материальный (квазиидеальный) компонент, усложняющий и совершенствующий воздействие идеального образа на материальный продукт труда. Особенности виртуальной компьютерной реальности позволяют отнести ее к тем «дикивинным» формам материи, открытие которых предсказывал еще В. И. Ленин.

В случае, если компьютерная программа используется не в материальном производстве, а для обработки информации и производства знаний (духовного производства), ее особая материальная природа проявляется несколько иначе. Информация, содержащаяся в книге или картине, не может изменяться сама собой. Изменение оценки содержания книги или ценности картины – результат внешних по отношению к ним событий (например, общественного признания научной теории, нового писателя или нового направления в живописи). Информационный контент и компьютерная программа, наоборот, способны в некоторых пределах сами, без участия идеального компонента, производить новую информацию, которую человек потом превращает в знание. Как отмечает М. Кастельс, важнейшая черта информационного общества состоит в том, что информация становится сырьем, предметом и продуктом труда [см.: 4, с. 77; 82]. Внешне это выглядит так, как будто компьютерная виртуальная реальность не только сохраняет информацию, но и порождает новые знания, то есть выполняет функцию, которую ранее могли выполнять только идеальные процессы человеческого мышления. Это тоже проявление квазиидеальных свойств компьютерной виртуальной реальности. В процессе производства нового знания материальные процессы и структуры моделируют и выполняют некоторые функции идеального.

Попытаемся описать главные особенности компьютерной виртуальной реальности как специфической формы материи.

Прежде всего, она не входит в число основных форм материи и составляет часть так называемой «второй природы», или ноосферы, – то есть области природного мира, которая преобразована человеческим трудом. Иными словами, это искусственно созданная форма материи. Она существует объективно, как и всякая другая ее форма, подчиняясь объективным законам природы и общества.

Всякая форма материи имеет свою субстратную и субстанциальную основу. Субстратной основой виртуальной реальности выступают в настоящее время физические объекты – заряженные частицы, посредством которых записываются и сохраняются компьютерные программы и информационный контент. Этот субстрат, используя терминологию В. В. Орлова, можно назвать абстрактными материальными структурами. В будущем нельзя исключить создание информационной техники, использующей более сложные субстраты – химический, биологический и, возможно, социальный. Субстанцией этой искусственной формы материи следует признать человеческий труд, без которого никакой искусственный информационный продукт возникнуть не может. Если абстрактный труд, по Марксу, есть субстанция стоимости, то субстанцией компьютерной виртуальной реальности становится современная форма труда – компьютерный труд.

Как и любая форма материи, виртуальная компьютерная реальность связана со специфическими формами *пространства* и *времени*. Их подробно исследует, например, Мануэль Кастельс в классической работе «Информационная эпоха» [см.: 4]. Его внимание сосредоточено не на том пространстве микроскопических масштабов, в котором существуют

абстрактные материальные структуры. Он показывает, каким образом виртуальная реальность преобразует социальное пространство и время, воздействуя на них через новые технологии, социальные структуры и общественные движения. Организация индустриального общества как пространства мест постепенно заменяется на организацию информационного общества как пространства потоков. **«Место – это территория, форма, функция и значение которой содержатся в границах физической близости»** [4, с. 394]. Современное общество все в большей степени становится пространством не *мест*, а *потоков* – потоков капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. **«Пространство потоков, – продолжает М. Кастельс, – есть материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки.** Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [4, с. 386]. В качестве материальной основы пространства потоков американский социолог выделяет цепи электронных импульсов (1), узлы и коммуникационные центры (2) и пространственную организацию доминирующих менеджерских элит (3) – «скорее элит, чем классов», уточняет он [см.: 4, с. 386–389]. При этом становится понятным, что возникновение виртуальной реальности приводит к новой расстановке классовых сил и новым методам сохранения социального господства, которое обеспечивается, в частности, способностью подчинить себе социальное пространство: «Фундаментальная форма господства в нашем обществе основана на способности господствующих элит к организации, идущей рука об руку со способностью дезорганизовать те группы общества, которые, составляя численное большинство, видят свои интересы частично (если не вообще) представленными только в рамках удовлетворения господствующих интересов. Четкая организация элит, сегментация и дезорганизация масс – вот, по-видимому, двойной механизм социального господства в наших обществах. Пространство играет в этом механизме фундаментальную роль. Короче говоря: элиты космополитичны, народы локальны» [4, с. 389].

Временная организация общества также изменяется вследствие того, что компьютерная виртуальная реальность породила объединенный глобальный рынок капитала, работающий в реальном времени [см.: 4, с. 404]. «Секундные транзакции капитала, гибкое предпринимательство, варьируемое рабочее время жизни, размывание жизненного цикла, поиск вечности через отрицание смерти, мгновенные войны и культура виртуального времени суть фундаментальные явления, характерные для сетевого общества, которые систематически перемешивают последовательность времен» [4, с. 431–432]. Положение усложняется тем, что большинство людей в нашем мире продолжает жить в старой темпоральности [см.: 4, с. 432], равно как и в социальном пространстве старой, сложившейся в индустриальном обществе структуры.

Ценность подхода М. Кастельса состоит, с нашей точки зрения, в том, что он показал зависимость социальной формы пространства и времени от компьютерной виртуальной реальности. Ее формирование привело к крупным сдвигам в материальной и духовной жизни общества. Компьютерная виртуальная реальность, созданная в постиндустриальном (информационном, сетевом) обществе, становится инструментом преобразования социальной реальности, в частности, в организации и структурировании социального пространства и времени. Эта идея дает возможность дальнейшего развития концепции исторического материализма, применения ее к объяснению информационного общества.

Далее необходимо установить место компьютерной виртуальной реальности в существующей иерархии форм материи.

Как отмечалось выше, компьютерная виртуальная реальность не может быть причислена к основным формам материи, она является искусственно созданной формой, входящей в состав «второй природы», или ноосферы. Ее место среди других форм материи пока не обсуждалось в философской литературе. Представляется, что для определения этого места наиболее целесообразно опереться на исследования по закономерностям соотношения (взаимодействия) основных форм материи, уже проведенные в российской философии.

Закономерности взаимодействия низших и высших форм материи начал изучать еще Гегель («Философия природы»), хотя делал это, конечно, на идеалистической основе. Затем данные закономерности уже в материалистическом варианте описывал Ф. Энгельс («Диалектика природы»). В российской философской литературе понятия низшего и высшего исследовали Б. М. Кедров, В. И. Свидерский, С. Т. Мелюхин, А. А. Бутаков, В. А. Штофф, К. М. Завадский, М. В. Мостепаненко, А. Д. Вислобоков. Закономерности взаимодействия низшего и высшего подробно описывались в работах школы научной философии Пермского университета – начиная с серии из восьми сборников научных трудов «Философия пограничных проблем науки» (1968–1975 гг.) [см., например: 7]. Все эти исследования позволили выделить на базе анализа основных форм материи пять таких закономерностей. В настоящее время можно, как нам представляется, осуществить следующий шаг – подробнее описать закономерности взаимодействия неосновных форм материи и их взаимосвязь с основными. Попытаемся сделать это применительно к такой «дикивинной» форме материи, как виртуальная компьютерная реальность.

Фундаментальные законы взаимодействия низшего и высшего, наиболее полно проявляющиеся в отношениях основных форм материи, могут быть сведены к следующим:

1. Возникновение высшего из низшего.
2. Включение низшего в высшее.
3. Сохранение низшего в виде внешней среды высшего.
4. Подчинение низшего высшему.

5. Возникновение интегральной природы (качества, сущности) высшего [подробнее см., например: 8, с. 157–183; 10, с. 178–182; 13].

Сложность и специфика применения этих законов к виртуальной компьютерной реальности обусловлена тем, что данная форма объективной реальности является, во-первых, неосновной, а во-вторых – искусственно созданной формой материи. Тем не менее это описание принципиально важно для определения статуса новой формы материи.

1. Виртуальная компьютерная реальность – высшее, более сложное явление, чем физическая форма материи. Она возникает из физической формы материи, но не как продукт самодвижения и саморазвития последней (так возникает химическая форма материи), а как результат преобразований, вызванных социальной формой, конкретнее – человеческим трудом. Поэтому движущие силы формирования компьютерной виртуальной реальности – не силы природы, а человеческие потребности, способности и реализующая их трудовая деятельность.

2. Закономерность включения низшего в высшее при формировании компьютерной виртуальной реальности реализуется тремя путями. Во-первых, через субстратное включение в нее физических элементов и процессов (заряженных частиц, полей). Во-вторых, в нее включается часть материального содержания социальной формы материи – труд человека и применяемые им технологии. Это включение не субстратное, оно происходит именно на уровне содержания и сущности. В-третьих, в виртуальную компьютерную реальность включается (тоже не субстратно) содержание человеческих знаний, закодированное в виде компьютерных программ и контента файлов.

Возникновение таких разноплановых механизмов включения низшего в высшее приводит к появлению парадокса, являющегося, по-видимому, модификацией парадокса развития [о парадоксе развития см., например: 1; 8, с. 98–114]. Известно, что любые научные знания могут быть выражены в языке, оцифрованы и введены в компьютер, превратившись в содержание виртуальной компьютерной реальности. Однако программы и файлы, записанные с помощью заряженных физических частиц, заведомо проще химических, биологических и социальных процессов, знания о которых представлены в компьютерной реальности. Как может низшая форма материи адекватно, без потери качества выразить содержание высшей, заведомо более сложной формы материи? Или компьютерная виртуальная реальность, носителями которой являются физические частицы и процессы, сложнее химизма, жизни и стоит на одном уровне сложности с социальной формой материи? (Примерно такой точки зрения придерживаются, видимо, некоторые сторонники движения «Россия 2045», собирающиеся в недалеком будущем пересадить человеческое сознание на аватар [см.: 15]). Каким образом более сложное может быть без потери качества, адекватно описано на языке более простого? Такую ситуацию можно назвать парадоксом полного и адекватного выражения содержания высшего в низшем, сложного в простом.

Представляется, что наиболее удачным путем преодоления этого затруднения является использование *концепции теневой системы*, предложенной еще в 60-ые годы XX века [см.: 7, с. 61–63], но не получившей

распространения в отечественной философии. Она сводится в основном к следующим положениям.

«Поскольку элементам высшего уровня неоткуда возникнуть, как *из* и *на основе* элементов низшего уровня, в основе элементов высшего должны, очевидно, лежать *совокупности элементов* низшего уровня. Эти совокупности образуют *индивидуальную основу*, или *эквивалент*, элементов высшего уровня, а взятые в системе, формируют новую, *вторичную* систему комплексных элементов низшего уровня, образующих своего рода *копию*, «*теневую систему*» высшего на низшем уровне» [10, с. 192]. «Система эквивалентов высшего на низшем уровне может быть названа *теневой системой*, ибо она повторяет систему высшего на своем “языке”. *Механизм теневой системы имеет всеобщий характер, является важнейшим механизмом взаимодействия основных форм материи*» [10, с. 193].

Поскольку виртуальная компьютерная реальность есть результат организации физической формы материи человеческим трудом определенного типа («компьютерный труд»), ее можно рассматривать как искусственно созданную теневую систему социальной формы материи (точнее – одну из таких искусственных теневых систем, которые созданы или могут быть созданы в будущем человеческим трудом). Абстрактные материальные структуры состоят из физических компонентов, но создаются и управляются социальной формой материи, которая одна только и обладает способностью декодировать и использовать информационное содержание, вложенное ею самую в свою искусственно сконструированную теневую систему. Самостоятельно возникать последняя не может, но способностью к относительно самостоятельному функционированию и развитию компьютерная виртуальная реальность обладает (до какой степени и в каких формах – это предмет широких дискуссий представителей различных сфер научного знания). Таким образом, сложное, высшее может быть адекватно, без потери качества, выражено в простом, низшем, благодаря тому, что высшее записывает информацию в своей теневой системе само и на своем языке, действуя не только по законам низшего, но и по своим собственным, высшим законам. Этот механизм особенно наглядно действует в искусственно созданных формах материи. Однако он изучен недостаточно подробно.

3. Физическая форма материи является широкой природной средой, в которой функционирует компьютерная виртуальная реальность. Эта среда способна создавать помехи, которые являются для компьютерной реальности своеобразным упрощенным аналогом экологических проблем, возникающих в обществе. При работе в компьютерной реальности экологические проблемы общества конкретизируются и приобретают специфическую форму, выступая как проблемы защиты от разрушительного действия на эту реальность природной среды и налаживания взаимодействий между виртуальной компьютерной реальностью и объектами природы или общества, на которые ее воздействие направлено.

4. В рамках «второй природы» подчинение низшего высшему носит характер управления, сознательного и целенаправленного. Отношение

искусственно созданной формы материи с окружающей средой жестко ограничивается и канализируется социальной формой материи, потребности которой эта искусственная форма удовлетворяет. Так, компьютерная виртуальная реальность своеобразным способом закапсулирована, обособлена от ненужной информации из окружающей природной среды, что позволяет ей функционировать более эффективно. Для компьютерной виртуальной реальности подчинение низшего высшему (социальному) выражает саму сущность ее бытия, так как она была сознательно создана для выполнения поставленных человеком задач (что не мешает ей функционировать и по объективным законам природы). Специфическое информационное содержание этой реальности отсутствует в природе, его создает человек как матрицу знаний или – в случае программ для непосредственного управления материальными технологическими процессами – как микроскопический материальный инструмент для воздействия на эти процессы через компьютерную технику.

5. В иерархии основных форм материи каждая высшая форма интегрирует в себе низшие, образующие в составе высшего целого систему уровней. Для неосновных и искусственных форм материи эта закономерность действует в ограниченной и видоизмененной форме. Компьютерная виртуальная реальность является безоговорочно высшей, по-видимому, только для физической формы материи, на основе которой она создана, причем высшей не в том смысле, в каком химическое – высшее по отношению к физическому. Искусственно созданная реальность выше и сложнее своего природного прототипа не благодаря саморазвитию, а вследствие включения в свою информационную структуру созданного человеком содержания, которое принципиально не могло бы возникнуть в природе. В то же время представляется, что в каком-то специфическом и ограниченном смысле виртуальная реальность превосходит все природные формы материи и оказывается высшей по отношению к ним. Во-первых, она включает в себя уже упомянутую сложную информацию (некую «теневую систему» социальной формы материи), которая в природе не возникает. Во-вторых, универсальность человека, его мышления и трудовой деятельности постепенно разворачивается в историческом процессе и на определенном этапе общественного развития начинает фиксировать свое универсальное содержание – знания и способности к трудовой деятельности – в компьютерной виртуальной реальности. В-третьих, эта реальность наделяется способностью к самостоятельной деятельности, моделирующей (хотя и с потерей качества) трудовую и познавательную деятельность человека. Человек, таким образом, создал такую искусственную форму объективной реальности, функционирование которой основано на его собственных знаниях и навыках и в этом смысле оказывается в некоторых отношениях сложнее других форм материи. В то же время простота физического материального субстрата, лежащего в основе компьютерной виртуальной реальности, лишает ее способности интегрировать в себе все свойства химической, биологической и социальной форм материи. Только социальная форма материи способна во всех аспектах (субстратном, функциональном, информационном и т. п.) объединить в себе иерархию

низших форм материи, что превращает человека, как отметил Карл Маркс, в универсальное существо, совершающее универсальную трудовую и познавательную деятельность [см.: 6, с. 564–566]. Само создание компьютерной реальности – одно из проявлений этой универсальности.

Подводя итог, можно еще раз перечислить обстоятельства, делающие возможным рассматривать виртуальную компьютерную реальность как искусственно созданную форму материи. Во-первых, составляющие эту реальность абстрактные материальные структуры, программы, контент файлов являются микроскопическими материальными образованиями, частью объективной реальности, которые функционируют в электронных устройствах по законам физики (в будущем, возможно – по законам других форм материи), а не по законам психических процессов. Во-вторых, эта искусственная реальность находится в специфических отношениях к сознанию – не таких, как любая другая форма материи (квазиидеальность и квазисубъективность). В-третьих, данная форма материи обладает специфическим субстратом – это заряженные физические частицы, посредством которых сохраняются и функционируют компьютерные программы и информационный контент. Субстанцией компьютерной виртуальной реальности является компьютерный труд. В-четвертых, компьютерная реальность порождает новые формы пространственной и временной организации социальных процессов, которые до нее и без нее не существуют. В-пятых, компьютерная информационная реальность вовлечена во взаимодействия с другими формами материи, происходящие по основным законам взаимодействия низшего и высшего.

Концепция компьютерной виртуальной реальности как искусственно созданной неосновной формы материи подготавливает предпосылки для материалистического анализа современного информационного общества, для дальнейшей разработки концепции исторического материализма. Представляется, что такой материалистический анализ должен стать шагом вперед по сравнению с распространенными точками зрения, согласно которым современное общество определяется, прежде всего, как «общество знания», а материальные предпосылки, механизмы и последствия развития этого массива знаний фактически считаются несущественными и остаются в тени.

Литература

1. Богомолов А. С. Разрешает ли «концепция уровней» парадокс развития? // Философские науки. – 1970. – № 3. – С. 66–72.
2. Грязнова Е. В. Философский анализ концепций виртуальной реальности // Философская мысль. – 2013. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/fr/article_278.html (дата обращения 01.03.2016). DOI: 10.7256/2306-0174.2013.4.278.
3. История информатики и философия информационной реальности: Учеб. Пособие для вузов / Под ред. чл.корр. РАН Р. М. Юсупова, проф. В. П. Котенко. – М.: Академический Проект, 2007. – 432 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

5. Лукин В. М. Может ли материализм объяснить сущность информационного общества? // Проблема материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / Отв. ред. В. М. Лукин. – СПб.: СПбГУ, 2008. – 162 с.

6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – С. 517–642.

7. Орлов В. В. О логике соотношения высших и низших ступеней развития материи (концепция «уровней») // Философия пограничных проблем науки. Ученые записки № 185. – Пермь: Пермский государственный университет, 1968. – С. 5–83.

8. Орлов В. В. Материя, развитие, человек. – Пермь: Пермский государственный университет, 1974. – 397 с.

9. Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2005. – 264 с.

10. Орлов В. В. Проблема системы категорий философии: монография – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. – 262 с.

11. Орлов С. В. Философский материализм в эпоху информационного общества (концепция материи и виртуальная реальность) // Философия и общество. – 2012. – № 1. – С. 42–54.

12. Орлов С. В. Философия информационного общества: новые идеи и проблемы // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=159> (дата обращения 01.03.2016).

13. Философский материализм и современность / Под ред. В. В. Орлова. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1986. – 224 с.

14. Янков М. Материя и информация / Пер. с болгарского. – М., Прогресс, 1979. – 335 с.

15. Эксперты // Россия 2045. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.2045.ru/experts/> (дата обращения 01.03.2016).

References

1. Bogomolov A. S. Does the “Concept of Levels” Resolve the Paradox of Development? [Razreshaet li “kontseptsiya urovney” paradoks razvitiya?]. *Filosofskie nauki* (Philosophical Sciences), 1970, № 3, pp. 66–72.

2. Gryaznova E. V. Philosophical Analysis of the Concepts of Virtual Reality [Filosofskiy analiz kontseptsiy virtualnoy realnosti]. *Filosofskaya mysl* (Philosophical Thought), 2013, № 4, Available at: http://e-notabene.ru/fr/article_278.html (accessed 01 March 2016). DOI: 10.7256/2306-0174.2013.4.278.

3. Yusupov R. M., Kotenko V. P. (Eds.) History of Science and Philosophy of Information Reality [*Istoriya informatiki i filosofiya informatsionnoy realnosti*]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2007, 432 p.

4. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture [*Informatsionnaya epokha: ekonomika, obschestvo i kultura*]. Moscow, GU VSHE, 2000, 608 p.
5. Lukin V. M. Can Materialism Explain the Essence of the Information Society? [Mozhet li materializm obyasnit suschnost informatsionnogo obschestva?] *Problema materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (The Problem of Materialism in Social Philosophy: Collected Papers Dedicated to 70th Anniversary of Professor P. N. Khmylev), Saint Petersburg, SPbGU, 2008, 162 p.
6. Marx K. The Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 [*Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda*]. Marks K., Engels F. *Iz rannikh proizvedeniy* (Marx K., Engels F. From the Early Works). Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1956, pp. 517–642.
7. Orlov V. V. On the Logic of the Correlation between the Highest and the Lowest Stages of the Development of Matter (The Concept of “Levels”) [O logike sootnosheniya vysshikh i nizshikh stupeney razvitiya materii (kontseptsiya “urovney”)]. *Filosofiya pogranychnykh problem nauki. Uchenye zapiski № 185* (Philosophy of the Frontier Problems of Science. Scientific Notes № 185). Perm, Permskiy gosudarstvennyy universitet, 1968, pp. 5–83.
8. Orlov V. V. Matter, Development, Man [*Materiya, razvitie, chelovek*]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy universitet, 1974, 397 p.
9. Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.
10. Orlov V. V. The Problem of the Philosophical Categories System [*Problema sistemy kategoriy filosofii*]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy natsionalnyy issledovatel'skiy universitet, 2012, 262 p.
11. Orlov S. V. Philosophical Materialism in the Era of Information Society (The Concept of Matter and Virtual Reality) [*Filosofskiy materializm v epokhu informatsionnogo obschestva (kontseptsiya materii i virtualnaya realnost)*]. *Filosofiya i obschestvo* (Philosophy and Society), 2012, № 1, pp 42–54.
12. Orlov S. V. Philosophy of Information Society: New Ideas and Problems [*Filosofiya informatsionnogo obschestva: novye idei i problemy*]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2013, № 1. Available at: <http://fikio.ru/?p=159> (accessed 01 March 2016).
13. Orlov V. V. (Ed.) Philosophical Materialism and Modernity [*Filosofskiy materializm i sovremennost*]. Krasnoyarsk, Izdatelstvo Krasnoyarskogo universiteta, 1986, 224 p.
14. Yankov M. The Matter and the Information (*Materiya i informatsiya*). Moscow, Progress, 1979, 335 p.
15. *Experts. Russia 2045*. Available at: <http://www.2045.ru/experts/> (accessed 01 March 2016).

УДК 008.2

Образование как ключевой фактор социальной дифференциации в информационном обществе*

Оконская Наталия Камильевна – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», профессор кафедры философии и права, доктор философских наук, Пермь, Россия.

E-mail: nataokonskaya@rambler.ru

614010, Россия, Пермский край, Пермь, Комсомольский пр., 29, корп. А,
тел.: +7(342)219-80-47.

Ермаков Михаил Александрович – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», ассистент кафедры социологии и политологии, Пермь, Россия.

E-mail: sociovampire@mail.ru

614010, Россия, Пермский край, Пермь, Комсомольский пр., 29, корп. А,
тел.: +7(342)219-80-47.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Происходящие в информационную эпоху качественные изменения в обществе требуют выявления новых смысловых факторов социальных институтов, в том числе и института образования. Ответственность образованного человека приобретает глобальные масштабы.

Метод исследования: Исторический логико-дедуктивный подход к институту образования дает возможность сравнения информационного общества с предшествующими этапами развития для выделения сущностной характеристики данного института (персональной ответственности субъектов образовательной практики) в качестве культурного стержня цивилизации.

Результаты: В информационном обществе образование является причиной ускоряющейся классовой дифференциации, проявляющейся через ограничительную роль образования для тех, кто его не в состоянии приобрести. Набирает силу противоречие между реальной образованностью и ее симулякроем вследствие распространенной идеи о том, что главным предназначением полученного образования являются навыки и умения в определенной области. В этом случае образование не выполняет своего главного предназначения культурообразования, хотя сохраняет значение для социализации личности.

Причина обострения противоречий в образовании системна и включает в себя следующие элементы: неравный доступ к образованию; отсутствие вербализованной воспитательной направленности института образования;

* © Н. К. Оконская, М. А. Ермаков, 2016.

бюрократическое вмешательство в образовательные практики; слабое развитие рынка рабочей силы.

Область применения результатов: Обнаружение новых социальных условий и причин в институциональных процессах системы высшего образования в информационный период дает возможность более точно представить социальную картину реформирования образования и аксиологически обосновать возможные последствия вводимых перемен.

Выводы: Для прогрессивного реформирования образования особенно велико значение новых профессионалов, которые смогут реализовать преимущества информационного общества в противостоянии прекаризации масс, вызванной практикой сохранения социальных систем постиндустриального общества. Формирование новых профессионалов как лидеров, представляющих высшие уровни стратификационной структуры общества, происходит именно через современный институт высшего образования. Прогрессивное изменение института образования определяется активизацией воспитательных функций образования, для встраивания фундаментальных общечеловеческих компетенций (коммуникативности, креативности и обучаемости как способности понимать, критически оценивать и практически использовать новую информацию) в профессиональную структуру общественного разделения труда.

Ключевые слова: информационное общество; социальный институт; высшее образование; социальная структура; новые профессионалы; прекариат; прекаризация; информационная культура; ценный труд.

Education as a Key Factor of Social Differentiation in the Information Society

Okonskaya Natalia Kamilevna – Perm National Research Polytechnic University, Professor of Philosophy and Law Department, Doctor of Philosophy, Perm, Russia.

E-mail: nataokonskaya@rambler.ru

29, Komsomolsky Prospekt, Perm, Russia, 614000,

Tel: +7 (342) 219-80-47.

Ermakov Mihail Aleksandrovich – Perm National Research Polytechnic University, Assistant of the Department of Sociology and Political Science, Perm, Russia.

E-mail: sociovampire@mail.ru

29, Komsomolsky Prospekt, Perm, Russia, 614000,

Tel: +7 (342) 219-80-47

Abstract

Background: New essential factors of education in the Information Age, which are induced by some change of personality in social environment, have not been fully identified yet.

Methodology: The research method is a historical and logical-deductive approach to the institution of education.

Results: The functional characteristic of education as a service sector of information society needs to be critically investigated. The basic contradiction of educational practices as a source of progressive tendencies of the social stratification expresses contemporary tendencies in information society development. In reality, education is the cause of accelerating class differentiation due to the restrictive role of education for those who are not able to purchase it.

Contradiction between the real educational qualification and its similarity (simulacres) is gaining strength, because of the widespread idea that the main purpose of education is to obtain skills in a particular area. In this case, education does not fulfill its main goal of culture formation though it keeps the significance for socialization.

The reason for aggravating contradictions in education is systematic. It includes the following elements: inequality in access to education; the absence of verbalized socialization focus of education institution; bureaucratic intervention in educational practices; slow development of the labor market, etc.

Conclusion: The progressive reform of education falls on new professionals who will be able to realize the advantages of information society in opposition to the precarization of humans. Precarization is a special process, which is caused by social system conservation of post-industrial society. The progressive change of the education institution is determined by fostering fundamental universal competences (communicativeness, creativity and educability as an ability to understand, critically evaluate and use new information). It is through the modern higher education that shaping of new professionals as the social structure leaders takes place.

Keywords: information society; social institution; higher education; social structure; new professionals; precariat; precarization; information culture; valuable work.

В понимании образования сложилось два противоположных по сути исторических подхода. Не пытаясь охватить всю историю возникновения образования, сравним эти подходы, чтобы выявить сущностную проблему появления образования как социального института.

1. Образование является следствием классовообразования в обществе. Такой подход образно отражен, в частности, в концепции социолога Т. Веблена, который рассматривает образование как побочный во многом случайный продукт деятельности праздного класса жрецов [2, с. 336–337].

2. Образование является причиной классовообразования. Этот подход прослеживается в концепции Э. Гуссерля, немецкого философа XX века, исследующего процесс зарождения нового пласта философов в Древней Греции как прообраза профессиональных ученых. Ведя разговор об изменениях давно минувших лет, Гуссерль смоделировал ситуацию, ведущую к принципиально новому структурированию общества информационного. В суждениях Гуссерля важны две социологические закономерности, точно схваченные им. С одной

стороны, новый тип обобществления возникает на основе нового типа деятельности: изменяется экономическая сфера общества. С другой стороны, путем обучения и подражания образовавшаяся страта растет и укрепляется: изменяется социальная сфера общества [см.: 3, с. 101–116].

Сегодня на основе формационного подхода к истории теоретически доказано, что классы – исторически временное, преходящее явление. Классовое общество с его антагонизмами появляется вследствие недопуска части общества к собственности на средства производства, которое стало возможным при отделении умственного труда от физического.

Системным источником такого воспроизводящего себя недопуска является образование, ввиду того, что умственный труд становится следствием его обязательного приобретения. Чем более дифференцировано общество вглубь и вширь, тем более очевидна ограничительная роль образования для тех, кто его не в силах приобрести.

Разделение труда есть единственный объективный источник роста производительных сил общества. Вне разделения труда нет и не может быть человека социального.

Исторически данная логика воспроизводится в появлении частной формы собственности на рабов в момент расцвета умственного труда, выражающегося в возникновении светских форм образования (академия Платона, ликей Аристотеля и пр.).

Данные выводы означают преобразование экономической и социальной сфер общества, осуществляемое на основе нового типа труда – умственного труда, отделенного от физического. Социальным группам, не связанным напрямую с образовательной практикой, не удастся подняться до вновь достигнутого уровня развития экономической и социальной сфер. Так институт образования приобретает характер необходимого элемента производственных отношений общества.

Является ли сегодня образование определяющим институтом дифференциации общества на его информационной стадии развития, или образование играет чисто вспомогательную функциональную роль растущей сферы обслуживания? Функциональная трактовка образования содержит рациональное зерно, однако сведение образования только к сфере обслуживания недостаточно и требует системного пересмотра. Культурообразующая роль образования позволяет уточнить грани образования как социального института.

Многие представители молодежи, воспринимая статус образования в качестве гарантии приобщения к праздности, оказываются заложниками поверхностной, но очень распространенной идеи о том, что главным предназначением полученного образования являются навыки и умения в определенной области.

На современном этапе в обществе набирает силу противоречие между реальной образованностью и ее симулякр. Речь идет об образовании, реализующем дифференцирующую функцию в отношении к акторам информационного общества.

Главными носителями института образования сегодня становятся противоположные группы: те, кто в результате полученного образования могут стать носителями особого труда, – мы назовем их новыми профессионалами, – и те, кто в результате процедуры получения образования не могут стать носителями «ценного труда», представляющего специфику информационного общества.

Противоречия в соединении наемного работника со средствами производства сегодня являются главным образом следствием **персональной ответственности** наемного работника за уровень понимающей части компетенций его деятельности.

Если же реализована возможность приобщения к информации при сохранении *слабых показателей культуры, то образование не выполняет своего главного предназначения культуuroбразования, хотя сохраняет значение для социализации личности*. При отношении к образованию с целью упростить свою жизнь через «приобщение к праздности» работники могут даже пройти образовательный ценз, получить работу, но при этом не стать информационными собственниками своей рабочей силы. «Что бывает, когда название творца не соответствует действительности, какие самообманы, разрушающие коммуникацию, уводят человека в упорядоченную приспособительную активность... Каждый ли участник технически усовершенствованного мира творец своей истории? Вопрос риторический» [12, с. 75].

Нарастают противоречия между реальной образованностью и формальным подтверждением образования (диплом). Согласно Г. Зиммелю, в его исследовании о развитии социальной дифференциации в постиндустриальном периоде развития общества, «зависимость между более ценным трудом и более высокими издержками на его производство обладает своеобразной особенностью, – она не может быть перевернута. Для того, чтобы совершить известную сложную работу, необходимо затратить очень значительные личные усилия, но однако не всегда достаточно большой затраты сил, чтобы исполнить эту работу...» [5, с. 479]. Следовательно, так называемый «ценный труд» становится главным приобретением страты новых профессионалов. Главной качественной особенностью новых профессионалов, не имеющей аналога у наемных работников индустриального типа, является умение составлять динамичные подвижные системы и подсистемы из членов сообщества коллег-профессионалов для решения сложных инновационных задач. Организаторские способности и умение создать эффективную команду коррелируют с высокими моральными качествами менеджеров нового звена, составляющих зачаток т. н. «ретикулярной формации» в сетевом глобальном производстве нового типа. Происходит «общее сокращение числа управляющих высшего и среднего звена, создание наиболее плоской организационной структуры, повышение статуса персонала» [16, с. 162].

В настоящее время наблюдается резкое обострение образовательного противоречия. К основным причинам можно отнести следующие:

1) Неравный доступ к образованию в результате имущественного и других видов неравенства.

Если доступ к образованию останется неравным, то этот фактор (неравности) приведет к добавочным препятствиям для устойчивого осуществления инновационного процесса дифференциации общества, усиливая восприятие института образования в качестве пропуска в «праздный класс богачей». Наиболее отчетливо эта причина проявляет себя в странах третьего мира. Так, к примеру, «эмпирические исследования ... приводят многочисленные причины упадка в успешном продвижении студентов в области фундаментальных наук в нигерийских школах. К таким причинам относятся слабая профессиональная подготовка, низкий академический уровень образования учителей, нехватка практик в подготовке студентов и пр.» [10, с. 24].

Подобные характеристики образования делают его по сути номинальным, хотя и дающим статусные преимущества. Развитие экономики идет таким образом, что достигаемая в конечном счете степень автономности, самостоятельности экономики страны оказывается связанной напрямую с существенным уменьшением нищеты, безработицы и социального неравенства [1].

2) Отсутствие вербализованной воспитательной направленности института образования.

Часто научение принимается за воспитание. Исторически образовательная и воспитательная деятельность в России были соединены неразрывно, сегодня же эта связь нарушена, и необходимо ее восстановить. «Умственный труд приобретает ... все большее значение и постепенно вытесняет труд физический. Основным видом труда становится обработка информации. ... Таким образом, ведущим направлением изменения и развития общества становится не материальная, а духовная творческая деятельность человека» [14, с. 12]¹.

3) Бюрократическое вмешательство в образовательные практики, когда гуманитарное образование оказывается непризнанным со стороны капитала и чиновников.

Чрезмерно высокая признанность в основном технических сфер образования делает общее направление развития образования тупиковым. Обособленным, элитарным положением обладают ученые, занимающиеся исследованием эмпирических (технических) сфер жизни. Однако к мышлению в целом следует относиться с таким же пиететом, как к деньгам, особенно к новому мышлению как воплощению ценного труда. «Мышление втискивается в механическую деятельность, как деньги – в реальные экономические ценности и процессы, внося концентрацию, посредничество...» [4, с. 436]. Гуманитарное образование так же важно, как и специализированное техническое, особенно в обстоятельствах глобализации и сетевой экономики. «При универсализации устойчивость сохраняется в виде потенциального содержания реализуемого в

¹ Следует уточнить, что автор цитируемой статьи формулирует данную точку зрения, но не придерживается ее. Далее она подвергается критике (см.: там же). (Примечание главного редактора).

будущем, но делает малоустойчивым настоящее» [11, с. 146]. Однако при кризисных и других проблемных характеристиках настоящего существует общая заинтересованность в его неустойчивости как общечеловеческий интерес в быстром прогрессивном изменении ситуации.

4) Слабое развитие рынка рабочей силы, вызванное общим кризисным состоянием глобальной экономики.

Рынок покупателей – до тех пор, пока он более могущественен, чем рынок рабочей силы, – обладает возможностью преуменьшать цену рабочей силы, давая шанс трудоустроиться в первую очередь дешевой малообразованной части молодежи. Ценный труд и дешевый труд, не имея институциональных границ в области политики и экономики, смешиваются в восприятии обыденного сознания. Обострение проблем с миграцией в Западную Европу из стран Африки и других менее развитых регионов можно объяснить именно такой неопределенностью границ труда новых профессионалов, носителей ценного труда.

Сегодня для многих стран возможности образовательной сферы в гармонизации общественного развития явно ограничены. Компании-работодатели узко очерчивают требования к наемному работнику, воспринимая его только как исполнителя.

«Выпускник российского высшего учебного заведения ... сталкивается... с явлениями того, что в экономической теории получило название “рынка покупателя”... Так, в 2012 г. почти 10 % экономически активного населения в возрасте 15–29 лет являлись безработными. Причем пик безработицы среди имеющих высшее образование приходился на возраст 20–24 лет» [7, с. 26]. Ценный труд молодых перспективных ученых и специалистов становится потерянным для информационного общества.

Выявленные причины позволяют определить направления перспективного реформирования взаимоотношений в сфере высшего образования в разных сферах.

В международном масштабе мировое сообщество выступает полноправным участником в переустройстве репрессивных сфер социальных отношений любого государства, определяя основные направления ответов на «вызовы» инициативных социальных групп. Необходима направленная переориентация всех ступеней образовательной практики в сторону глобализации, сетевой организации, информатизации для дублирования определяющих изменений общественной жизни.

Очевидно, что сегодня новый тип межнациональных, межкультурных отношений – открытых и равных, свободных от экономического и социокультурного эгоцентризма становится все более настоятельной потребностью.

В духовной сфере нематериальным результатом глобализации и сетевого переустройства общества в эпоху информационных технологий становится коллективный разум. «Именно он является по-настоящему революционным инструментом глобального масштаба: сети соединяют друг с другом не только отдельных людей, но и целые культуры и области знаний» [9, с. 9]. По словам

Ланвэна, не следует считать коллективное мышление абсолютным ключом к гармонии – его результатом вполне может стать и дисгармония.

В области потребления в посредническом положении по отношению к сферам образования и науки будут располагаться те виды деятельности (труда), которые способствуют повышению эффективности функционирования науки и образования, а также потребители данных сфер (т. е. новые профессионалы или иные отдельные социальные институты, которые непосредственно заинтересованы в продуктах деятельности сфер науки или/и образования). Если потребление новых информационных технологий недостаточно эффективно, то в результате формируются так называемые «информационные бедняки» – социальная среда для сохранения структурных атавизмов периода индустриального развития.

Вне устойчивой институализированной заботы о повышении информационной компетентности наемного работника общество окажется вовлеченным в новые острые социальные противоречия. Источником этих противоречий будет возникновение таких низших страт среди «информационных бедняков», как прекариат. «Прекариат – ...это... новые низшие слои, в том числе ... среди нестабильно занятых: тех, кто не имеет гарантий занятости и не имеет социальных гарантий (соцпакета). При этом... состояние прекариата не означает полную нищету и отверженность, а лишь указывает на то, что социально-трудовые отношения в данной ситуации находятся в состоянии нестабильности и ненадежности. Таким образом, прекаризации могут быть подвергнуты представители и среднего, и высшего класса, которым потенциально угрожает потеря рабочего места из-за перевода их на контракт “ноль часов”» [6, с. 009].

В индивидуальном плане роль дифференцирующего фактора для территорий играет разница в способности работников и населения использовать информацию, преобразуя ее и извлекая прибавочную стоимость. Тем самым, мы можем говорить о становлении специфического для информационного общества индикатора – *информационной культуры*. Субъектами информационной культуры становятся прежде всего отдельные личности, от которых зависит успех малых социальных групп, страт и социальных институтов в целом.

Именно молодые специалисты воплощают идею *информационной культуры*, информационной развитости новых профессионалов. Несмотря на низкий статус рабочих мест, где находится работа для молодого специалиста, они зачастую становятся гарантом конкурентоспособности для работодателей мелкого и среднего бизнеса.

Роль личности в социальной структуре общества значительно меняется.

Изменение роли личности в образовании в информационную эпоху. Выделив роль личности в качестве главного направления для разрешения противоречий в области института образования, наметим системное исследование этого направления. Многократное увеличение нагрузки на личность со стороны информационного пространства, связанное не только с ростом количества окружающей информации, но и с повышением ее

значимости как основополагающей детерминанты экономики, выливается в формирование выраженных различий личности индустриального периода и информационной эры. У новых профессионалов состояние социально-экономической нестабильности и ненадежности (состояние прекариата) оказывается более распространенным, чем это виделось в теории. Отделяя необразованную часть общества, загоняя ее в арьергард новой социальной структуры общества, «сильная» часть обрекает себя на полноту ответственности за технизацию и информатизацию общества, лишая традиционной адаптированности страты с пониженной социализацией.

Сегодня для новых профессионалов «ведущими являются ... “человеческие” факторы: коммуникативность как способность работать в команде, творчество как способность генерировать новые идеи и обучаемость как способность быстро осваивать и практически использовать новую информацию» [15, с. 106].

Коммуникативность. Сами университеты как участники глобализации образовательного пространства могут способствовать становлению коммуникативности студентов, лишь практикуя объединенность своих усилий. Коммуникативность как базовая компетенция проявляется в способности ориентироваться и управлять коммуникативными потоками. Внедряемый критерий дифференциации субъектов коммуникации нуждается в более широкой трактовке, предполагающей включение целого ряда характеристик актора, определяющих его так называемую «адекватность» (как субъекта информационного пространства). Например, «возрастает значение индивидуальной состоятельности в процессах социального продвижения людей к более высокому социальному статусу, формируются устойчивые связи, консолидирующие социальный потенциал общества» [8, с. 23]. Возрастает роль личности в истории, и это явно происходит по экспоненте. «Прогрессивный в целом перелив занятых в третичный сектор сочетается в ходе финансово-экономического и социально-политического кризиса с переливами не в отсталые, а, зачастую, наиболее развитые узлы индустриальной, а подчас и научно-индустриальной занятости» [8, с. 25], и это определяется на микро (личностном) уровне. Новые профессионалы как информационно просвещенные и более социально активные элементы производства имеют шанс, покидая первичный сектор, трудоустроиться в третичном секторе так, чтобы не потерять свой социальный статус и даже повысить престиж.

Творческий характер. Помимо стандартных для теории коммуникации положений, предполагающих необходимость освоения личностью набора навыков и умений, определяющих успешность акта коммуникации, должны также подразумеваться и специфические творческие черты нового профессионала. «Современный мир все более определяется нестабильностью, неопределенностью, быстротой смены видов и методов деятельности, уменьшением времени смены знаний. Поэтому решающим фактором существования и развития такого общества становится интеллектуальный потенциал и творческое начало человека» [15, с. 99].

Обучаемость проявляет себя через приобретение информационной культуры. «Все новые научные отрасли требуют жесткой профессионализации, результатом которой становится невозможность единой научной культуры в обычных процессах получения образования» [13, с. 25]; все более актуальна необходимость укрепления нового единства – информационной культуры, своего рода среднестатистического базового индикатора уровня информатизации региона, которая содержит в себе определенные системы ценностей, характеризующие модели поведения и установки социальных групп. Именно информационная культура фактически детерминирует выработку дальнейших отличительных характеристик общества: способность населения к инновационному типу деятельности, способность производить, усваивать и применять информацию как основополагающий экономический и социокультурный ресурс, то есть речь идет об отраженном в культуре «знаниевом» потенциале, являющемся для экономической деятельности информационного этапа особым средством производства. Посредником, позволяющим преобразовать потенциальное преимущество работников в фактическое, является институт высшей школы.

Выводы. Обобщая вышесказанное, можно отметить, что дееспособность и эффективность деятельности отдельных регионов или даже стран определяется информационной культурой, формируемой институтом образования.

Следовательно, успешность информатизации территориальных единиц и целых государств напрямую зависит от целенаправленной деятельности, сопутствующей формированию развитой информационной культуры как новоприобретенной общесоциальной компетенции жителей информационного общества. Неизбежен социальный заказ на существенную перестройку образовательной системы, что предполагает замену доминирующей ориентации высшей школы (на трансляцию готовой «знаниевой» базы) в сторону переноса акцента к стимулированию творческого потенциала обучающихся.

Целью перестройки становится требование «воспитать» специалиста, способного добывать новое знание. Для достижения поставленной цели необходимо сосредоточение внимания вузов на выработке компетентностного набора у нового профессионала, предполагающего умение управлять и оперировать все усложняющимися потоками информации, синтезировать и преобразовывать информацию, используя ее при получении конечного продукта труда. Данный компетентностный набор позволит отличить образование-симулякр от приобретенных реальных способностей обучающихся к коммуникативности, творческой деятельности.

Образовательный институт становится основным источником новых прогрессивных классообразующих противоречий. Так или иначе, личность информационного общества вбирает посредством образования множественные изменения, позволяя вести разговор об ускоренном становлении личности нового типа – «человека информационного», обладателя информационной культуры.

Список литературы

1. Ayodele J. B., Oyewole B. K. Repositioning the Teaching Profession to Meet Developmental Challenges in Nigeria // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2012. – Vol. 3 (3). – С. 47–52.
2. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. Вступ. ст. С. Г. Сорокиной. Общ. ред. д. экон. н. В. В. Мотылева. – М.: Прогресс, 1984. – 368 с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // *Вопросы философии*. – 1986. – № 3. – С. 101–116.
4. Зиммель Г. Проблемы социологии. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования / Г. Зиммель // *Созерцание жизни*. – Избранное. Т. 2. – М.: Юрист, 1996. – С. 301–465.
5. Зиммель Г. Философия труда / Г. Зиммель // *Созерцание жизни*. – Избранное. Т. 2. – М.: Юрист, 1996. – С. 466–485.
6. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2013. – № 3. – С. 005–015.
7. Голиусова Ю. В., Иващенко Н. В. Избыточное образование в России: социально-экономические последствия // *Теория и практика общественного развития*. – 2014. – № 18. – С. 25–31.
8. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Основные характеристики социальной динамики наемных работников в России // *Вестник ВЭГУ*. – 2015. – № 1 (75). – С. 23–33.
9. Ланвэн Б. Эксклюзивное интервью Т. Ершовой // *Информационное общество*. – 2010. – № 6. – С. 6–10.
10. Ndirika M. C. Achievement Variations of Basic Science Students Taught with Teacher-Centred, Teacher-Student Centered and Student-Centered Instructions in Kaduna State, Nigeria // *Journal of Educational and Social Research*. – 2012. – Vol. 2 (8). – pp. 24–33.
11. Оконская Н. Б., Оконская Н. К. Эволюция и генетика общества в фокусе философии. – 2-е изд., перераб. и доп. – Севастополь, ЧП Арефьев М. Э., 2007. – 204 с.
12. Оконская Н. К. Технизация человека в синергетическом аспекте // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право*. – 2013. – № 8 (47). – С. 72–82.
13. Оконская Н. К., Ермаков М. А., Резник О. А. Очеловечивание техники и технизация человека // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. – 2014. – № 4(6). – С. 21–30. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1278> (дата обращения 31.01.2016).
14. Орлов С. В. Философия информационного общества: новые идеи и проблемы // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. – 2013. – № 1. – С. 10–24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=159> (дата обращения 31.01.2016).

15. Петрова Э. Д. Управление образованием: личность или общество // Идеи и идеалы. – 2012. – № 2 (12). Том 2. – С. 99–108.

16. Севастьянова И. Г., Стегний В. Н. Принятие решений и делегирование полномочий как составляющие эффективного менеджмента // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2014. Т. 1. – С. 161–165.

References

1. Ayodele J. B., Oyewole B. K. Repositioning the Teaching Profession to Meet Developmental Challenges in Nigeria. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2012, vol. 3 (3), pp. 47–52.

2. Veblen T. Higher Education as a Cultural Expression of the Monetary [Vysshee obrazovanie kak vyrazhenie denezhnoy kultury]. *Teoriya prazdnogo klassa* (Theory of the Leisure Class). Moscow, Progress, 1984, pp. 334–361.

3. Husserl E. Crisis of European Humanity and Philosophy [Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 1986, № 3, pp. 101–116.

4. Simmel G. The Problems of Sociology. Social Differentiation. Sociological and Psychological Research [Problemy sociologii. Socialnaya differenciatsiya. Sociologicheskie i psihologicheskie issledovaniya]. *Sozercanie zhizni. Izbrannoe, Tom 2* (The Contemplation of Life. Selected Works, Vol. 2). Moscow, Yurist, 1996, pp. 301–465.

5. Simmel G. Philosophy of Work [Filosofiya truda]. *Sozercanie zhizni. Izbrannoe, Tom 2* (The Contemplation of Life. Selected Works, Vol. 2). Moscow, Yurist, 1996, pp. 466–485.

6. Golenkova Z. T., Goliusova Y. V. New Social Groups of Stratification Systems in Modern Global Society [Novye socialnye gruppy v sovremennykh stratifikatsionnykh sistemakh globalnogo obshchestva]. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika* (Sociological Science and Social Practice), 2013, № 3, pp. 005–015.

7. Goliusova Y. V., Ivaschenkova N. V. Overproduction of Education in Russia: Socio-Economic Implications [Izbytochnoe obrazovanie v Rossii: socialno-ekonomicheskie posledstviya]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* (Theory and Practice of Community Development), 2014, № 18, pp. 25–31.

8. Golenkova Z. T., Igithanyan E. D. Main Features of Social Dynamics of Hired Workers in Russia [Osnovnye kharakteristiki socialnoy dinamiki naemnykh rabotnikov v Rossii]. *Vestnik VJeGU* (Bulletin VEGU), 2015, № 1 (75), pp. 23–33.

9. Ershova T. Bruno Lanven: Exclusive Interview [Lanven Bruno. Eksklyuzivnoe intervyyu] *Informacionnoe obshchestvo* (Information Society), 2010, № 6, pp. 6–10.

10. Ndirika M. C. Achievement Variations of Basic Science Students Taught with Teacher-Centred, Teacher-Student Centered and Student-Centered Instructions in Kaduna State, Nigeria. *Journal of Educational and Social Research*, 2012, Vol. 2 (8), pp. 24–33.

11. Okonskaya N. B., Okonskaya N. K. Evolution and Genetics of Society in the Focus of Philosophy [*Evoluciya i genetika obschestva v fokuse filosofii*]. Sevastopol, ChP Arefev M. E., 2007, 204 p.

12. Okonskaya N. K. Mechanization of Man in Main Aspects of Synergetics [*Tehnizacija cheloveka v sinergeticheskom aspekte*]. *Vestnik Permskogo nacionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kultura, istoriya, filosofiya, pravo* (Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Culture, History, Philosophy, Law), 2013, № 8 (47), pp. 72–82.

13. Okonskaya N. K., Ermakov M. A., Reznik O. A. Humanization of Technology and Mechanization of Human [*Ochelovechivanie tekhniki i tehniizaciya cheloveka*]. *Filosofija i gumanitarnye nauki v informacionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in the Information Society), 2014, № 4 (6), pp. 21–30, available at: <http://fikio.ru/?p=1278> (accessed 31 January 2016).

14. Orlov S. V. Philosophy in Information Society: New Ideas and Problems [*Filosofija informacionnogo obschestva: novye idei i problemy*] *Filosofija i gumanitarnye nauki v informacionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in the Information Society), 2013, № 1, pp. 10–24, available at: <http://fikio.ru/?p=159> (accessed 31 January 2016).

15. Petrova E. D. Management of Education: Person or a Society [*Upravlenie obrazovaniem: lichnost ili obschestvo*]. *Idei i idealy* (Ideas and Ideals), 2012, № 2 (12), Vol. 2, pp. 99–108.

16. Sevastyanova I. G., Stegnyy V. N. Decision-Making and Delegation of Authority to Constitute Effective Management [*Prinyatie resheniy i delegirovanie polnomochiy kak sostavlyayushchie effektivnogo menedzhmenta*]. *Formirovanie gumanitarnoy sredy v vuze: innovacionnye obrazovatelnye tekhnologii. Kompetentnostnyy podhod*. (Formation of Humanitarian Protection in High School: Innovative Educational Technology. The Competence Approach). Perm, PNIPU, 2014, Vol. 1, pp. 161–165.

УДК 008 (103)

Необходимость управления рекламой в обществе потребления^{*}

Ильин Алексей Николаевич – федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный педагогический университет», кафедра практической психологии, доцент, кандидат философских наук, Омск, Россия.

E-mail: ilin1983@yandex.ru

644086, Россия, г. Омск, ул. 33-я Северная, 122, 35,
тел: 8-950-338-15-73.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Развитая индустрия коммерческой рекламы – неотъемлемая характеристика общества потребления. Между тем широко распространенные чисто позитивные оценки рекламной деятельности фактически скрывают и вуалируют ее глубокие внутренние противоречия, которые в условиях информационного общества требуют самого пристального анализа.

Результаты: Коммерческая реклама оказывает преимущественно негативное влияние на личность. Она не позволяет дистанцироваться от своего воздействия, поскольку заполняет собой почти все информационное пространство. Вместо информирования о товарах реклама осуществляет манипулирование потребительским поведением и стимулирует к неосознанным покупкам. Реклама – не просто способ продвижения товаров и услуг, а метатехнология создания стандартов поведения, социально-психологических установок, стереотипов сознания, ценностной системы. Посредством рекламы социальные предпочтения и ценности направляются в сугубо материальное, потребительское русло. Реклама, как и вся потребительская инфраструктура, стала одновременно средством изменения социума и институтом специфической социализации.

Один из главных эффектов коммерческой рекламы – мифологизация, гипертрофирование свойств продвигаемых продуктов, что граничит с прямой ложью. Реклама интегрируется в потребительские практики как взрослых, так и детей. Рекламная коммерциализация детей особенно опасна, так как формирует из ребенка типичного бездуховного консюмера. Расширяющееся рекламно-манипуляционное пространство приковывает к себе человека, подчиняет его чувства и волю, формирует потребительский тип мировоззрения.

Выводы: Социальный, культурный и нравственный прогресс требует в настоящее время не защиты рекламы и маркетинга, а, наоборот, поиска средств контроля рекламной индустрии, защиты от нее самого общества. Для борьбы с ее негативным влиянием необходимо, во-первых, резко ограничить пространство для распространения рекламы и, во-вторых, придать ей нравственный облик, ограничив тиражирование литературных, музыкальных

^{*} © А. Н. Ильин, 2016.

произведений и любого контента, в котором романтизируется преступность, эгоизм, инфантилизм и другие пороки.

Ключевые слова: общество потребления; реклама; мифологизация.

Advertising Management in the Consumer Society

Ilin Alexey Nikolaevich – Omsk State Pedagogical University, Department of applied psychology, Associate Professor, Ph. D. (philosophy), Omsk, Russia.

E-mail: ilin1983@yandex.ru

122, 35, street 33 North, Omsk, 644086, Russia,

tel: 8-950-338-15-73.

Abstract

Background: The developed industry of commercial advertising is an integral characteristic of the consumer society. Purely positive widespread assessment of advertising activity, however, actually disguises its deep internal contradictions which demand thorough analysis of information society.

Results: Commercial advertising exerts mainly negative impact on the personality. People cannot keep their distance from commercial advertising as it fills almost all information space. Instead of goods information, advertising manipulates consumers' behavior and stimulates them to make chance purchases. Advertising is not just a promotion of goods and services, but also some metatechnology of behavior standards, social psychological orientations, consciousness stereotypes, values system creation. By means of advertising social preferences and values are directed into a material, consumer channel. Advertising, as well as consumer infrastructure, has become simultaneously a means of society changing and an institute of specific socialization.

One of the main effects of commercial advertising is its mythologization, i. e. exaggeration of promoted goods properties, sometimes leading to consumer fraud. Advertising is integrated into consumer decision making of both adults and children. Commercial advertising is especially dangerous for children, as they become typical mass consumers. The extending advertising landscape attracts people, suppresses their feelings and will, forms consumer type philosophy of life.

Conclusion: At the present time social, cultural and moral progress demands not the protection of advertising and marketing, but, on the contrary, the search of control tools against the advertising industry, society protection from it. For this purpose it is necessary, first, to limit advertising landscape and, second, to give it moral make-up, having limited replication of literary, musical and any other content in which crime, egoism, infantilism and other faults are romanticized.

Keywords: consumer society; advertising; mythologization.

Современное общество вполне справедливо принято называть обществом потребления. Индустрия рекламы и моды, широкий ассортимент товаров и услуг стали неотъемлемой частью нашего бытия. Однако такое развитие

инфраструктуры потребления вовсе не представляется безобидным, поскольку потребительская культура весьма негативно влияет на общество и личность, формируя гедонистические антипатриотические ценности, возводя в культ развлечения (вместо труда), пропагандируя индивидуализм. Реклама оказывает огромную «помощь» в развитии культа потребления.

Рекламу можно встретить не только на телевидении и радио, а буквально везде – на крупных и мелких баннерах, на различных сайтах, на столбах, ограждениях и асфальте, внутри зданий и транспортных средств и на них, в метро и на автобусных остановках и т. д. *Насыщенность медиасреды делает каждого из нас реципиентом ее содержания, а современную цивилизацию – цивилизацией реципиентов, потребляющих образы.* То, с чем человек постоянно имеет дело, что провоцирует его взгляд, что приходится (именно приходится) лицезреть, что окружает повсеместно, на что человек не может не смотреть, в конце концов интроецируется им, становится частью его самого.

В ментальную сферу человека проникает все больше рекламных призывов, поскольку реклама заполонила собой почти все пространство жизни, и она продолжает совершенствоваться, что выражается в выработке новых, более остроумных, хитрых и, соответственно, суггестивных методов влияния. В таких условиях у человека не остается ничего, что препятствовало бы «прочтению» рекламы. Ее «читабельность» не позволяет дистанцироваться от влияния рекламной инфраструктуры. Ранее можно было бы сказать, что реклама умело находит и заполняет собой пустоты и лакуны информационного пространства. Сейчас, в условиях всеобщей рекламизации и брендизации, более точным было бы заявить, что реклама заполняет собой не только пустоты, а все информационное пространство, как вытесняя не-рекламные виды дискурса, так и накладываясь прямо на них.

Потребительские установки детерминируются как инфраструктурой произведенных товаров, так и инфраструктурой произведенной рекламы этих товаров. Реклама – не просто способ информирования потенциальных покупателей о товарах и услугах. Наибольший спектр занимает не информирующая (рациональная), а манипулирующая (нерациональная) реклама, которая крайне навязчива, так как она выходит за пределы специальных изданий и находит себе место везде. Политическая и сектантская пропаганда, а также и реклама, наглядно показывают, что слово используется не только как носитель разума, но и в качестве носителя иррационального внушения. Суггестивная коммерческая реклама зачастую агрессивна, от ее просмотра невозможно отказаться, поскольку она без всякого желания зрителя транслируется во время просматриваемого им фильма или прослушиваемой радиопередачи. И он вынужден знакомиться с содержанием рекламного ролика. В ролике же продвигается то, что зрителю/слушателю вовсе не нужно; например, он, будучи мужчиной, поневоле выслушивает рекламу прокладок. «Эта реклама имеет такое же отношение к удовлетворению потребностей людей в рыночной информации, как изнасилование женщины сексуальным маньяком к любви» [6, с. 429]. Функция информирования такой рекламой инверсируется, заменяясь «функцией» псевдоинформирования.

Реклама – не просто способ продвижения товаров и услуг, а метатехнология создания стандартов поведения, социально-психологических установок, стереотипов сознания, ценностной системы. Но для этого между рекламой и реципиентом должен возникнуть раппорт как состояние согласия: с одной стороны исходит призыв, с другой возникает доверительный ответ на него. Тогда происходит совпадение между обеими сторонами «коммуникации». Однако оно необязательно связано с качеством рекламируемого продукта. Во многих случаях оно формируется благодаря смысловому и технологическому качеству сообщения, наивности реципиента и т. д.

Многие исследователи сходятся во мнении, что реклама создает новые, преимущественно деструктивные, образцы поведения, ценностные ориентации и формы идентичности и в конечном счете стимулирует потребительские тенденции, своими виртуальными мирами образов и брендов предлагая некую индивидуализацию стиля жизни потребителей. Реклама, как и вся инфраструктура консюмеризма, формирует определенную семиосферу, указывает как на функциональные, так и на символические ресурсы товаров, предлагая посредством их потребления приобщиться к референтной группе. Эта семиосфера *замещает* собой действительно социально значимые ценности типа любви, дружбы, верности, честности, и зачастую легитимирует совершенно иные ценностные ориентации, даже противоположные названным. Рекламная семиосфера формирует мировоззрение, задает нормативы жизнедеятельности, демонтирует и реконструирует систему смыслов. Посредством рекламы социальные предпочтения и ценности направляются в сугубо материальное, потребительское русло. Реклама, как и вся потребительская инфраструктура, стала одновременно средством изменения социума и институтом специфической социализации.

Реклама представляет товары и услуги в качестве стандарта потребления, различными (в том числе манипуляционными) средствами пытаясь приобщить человека к данным стандартам, которые зачастую рассчитаны на узкую элитарную прослойку. А что же такое приобщение к стандартам, как ни производство желания? Наличие рекламы и наличие потенциального потребителя, воспринимающего рекламное сообщение, рождает желание. Рекламный знак, нацеленный на отсутствие реальной вещи, конституирует желание ее приобрести; его главная функция – указать не только на красоту, полезность и необходимость вещи, но и на ее отсутствие у потенциального покупателя в данный момент. «Главная функция рекламы состоит в том, чтобы помочь потребителю осознать свой интерес выгодным для данной фирмы образом (“Только товар марки X может помочь мне!”)» [6, с. 184].

Людям свойственно проявлять уверенность в том, что реклама не оказывает на них воздействие. Мы привыкли считать себя достаточно свободными и рефлексивными созданиями, минимально подверженными влиянию извне. Однако рефлексивность здесь не является гарантированным средством защиты от рекламы. Каждый из нас может встретиться с рекламным слоганом, который непроизвольно запомнится в силу своей глупости, подчеркнутой нелогичности, изощренности или еще каких-либо присущих ему

особенностей. А запоминание слогана реципиентом – одна из задач деятельности по созданию рекламы. Или другой пример. Человек приходит в магазин купить стиральный порошок. Он не разбирается в этом виде товара, и из всего ассортимента, насчитывающего десяток наименований, ему надлежит выбрать одно. Никакое название ему равным счетом ни о чем не говорит, кроме одного. Он не помнит, где и когда видел эту марку, но знает точно, что уже видел. И в таком случае вероятность покупки именно ее усиливается. Конечно, здесь может помешать фактор дизайна, когда человек покупает не то, с чем уже когда-то сталкивался, а то, что, на его взгляд, более презентабельно выглядит. Но, тем не менее, «уже виденное» обладает большим кредитом доверия, чем «еще не виденное». Этот кредит доверия не основывается ни на каких рациональных аргументах. Он основан всего лишь на факте поверхностного знакомства с предметом (не говоря уж о практическом его использовании в прошлом), запечатленном в личностной истории покупателя. И пусть даже этот факт поверхностен, по сравнению с другими предметами именно данный выигрывает конкуренцию, поскольку в подсознании покупателя факта знакомства с ними не запечатлено, импринты отсутствуют. А знакомое – значит располагающее к доверию. Знакомый продукт покупается лучше, чем незнакомый. Но «знакомый» в данном случае – не обязательно продукт, характеристики которого человек хорошо знает. «Знакомый» – в первую очередь тот, который узнается. А чтобы он узнавался, реципиент должен его несколько раз увидеть посредством рекламы. Реклама в той или иной степени оказывает воздействие на каждого независимо от его уверенности в обратном и от уровня развитости рефлексивных качеств. В наибольшей степени потребляется именно то, что максимально рекламируется. Люди с меньшим энтузиазмом и доверием будут покупать продукт, который они заранее не увидели. Лидерами прокатов становятся те фильмы, которым была обеспечена масштабная рекламная кампания. Человек зачастую ориентируется при покупке на неотрефлексированное, неосознанное, неявное знание. *Покупая отрекламированный товар и считая, что делаем это осознанно и свободно, мы сами покупаемся. Приобретая, мы приобретаемся. В некотором роде потребитель является свободным субъектом именно потому, что он выступает объектом коммерческих структур, что он признается рекламной риторикой свободным, делающим выбор, а на деле объективируется (становится объектом управления) самой этой риторикой.*

Реклама не столько отражает свойства продукта, сколько их преувеличивает; к реальным свойствам добавляется мифологический компонент. Мифологичность рекламы заключается в ее свойстве представлять предметы в гиперболизированном виде. Причем гиперболизации подвергается не сам рекламируемый предмет, а его основное качество, главная особенность. Формируется *эффект превышения возможностей* рекламируемого продукта, который граничит с прямой ложью. Мифологичность рекламы как раз и заключена в представлении товара как чудодейственного средства, способного излечить от всех болезней, сделать улыбку блистательно белой, одежду – идеально чистой, а реципиента – неподдельно счастливым. *Реклама – это*

предложение не товара, а его мифологизированного идеального образа, с помощью которого товар наделяется гипертрофированными характеристиками, позволяющими решить проблему, несоизмеримую с использованием данного товара. Одно дело – реальные характеристики, а другое – позиционированные. Предлагая мечту, реклама продвигает всего лишь вещь, мифологизируя вещь, создавая между ней и мечтой неразрывную связь.

Рекламная мифология в создании максимально позитивного образа товара доходит зачастую до абсолютной абсурдности. Чего только стоят фразы типа «Водка Аврора. Достаточно одного залпа», «Водка Колыма. Новый этап вашей жизни». Или же название пива – «Дельное». Хотя фраза «Водка Буратино. Почувствуй себя дровами» является не реальной рекламой, а неким демотиватором, подобные рекламные лозунги действительно функционируют в широком поле лоббирования тех или иных продуктов.

Абсурд и преувеличение, противореча логике, становятся логической формой продвижения товаров и услуг. Один из примеров – лозунг «Danissimo – пусть весь мир подождет». Вот прямо остановился и подождал! Или же, продолжая перечисление примеров, следует вспомнить слоганы: «Все в восторге от тебя», «Лучше для мужчины нет», «Вас узнают по...». Подобные слоганы подразумевают наличие некоторой группы людей, которые «подождут» вместе со всем миром, «будут судить о Вас по...». То есть реклама адресует сообщение не к некоему изолированному от всего социального пространства индивиду, а к человеку, который включен в социум и стремится подчеркнуть свое отличие от социума. Этот человек, преисполнившийся стремлением подчеркивать себя в глазах других людей брендовыми товарами, вовлечен в систему отличий. Реклама такими слоганами апеллирует как раз к обществу в целом и в частности к значимым людям, которые оценят по достоинству пользователя рекламируемой вещи. К тому же данные слоганы – одновременно идеологически насыщенные жизненные императивы, отсылки к престижу, эмоционально возбуждающие и ободряющие призывы.

Человек приобретает не товары, а то, что ему обеспечит их приобретение – некоторую вторичную выгоду: социальный статус, имидж, отношение других людей, положительные эмоции и т. д. Мерседес символизирует солидность и престижность, Кока-Кола – вовлеченность в праздник. Можно сказать, что реклама в первую очередь культивирует имидж, который служит дополнением к функциональным особенностям продукта, к его полезности. Другими словами, реклама предлагает не только конкретную марку, но и что-то более фундаментальное. Вместе с тем реклама не только «продвигает» потребление, но и сама является предметом потребления. И это предмет потребления, в отличие от других, получаемый в дар и доступный для всех; если вещь нам продают, то рекламу предоставляют бесплатно [см.: 2]. Но ее бесплатность и доступность в синтезе представляют собой уловку, приманку, следуя которой, человек приобретает определенное желание, на возбуждение которого реклама направлена.

Благодаря рекламе вытесняются из поля восприятия (за ненадобностью) внутренние качества товара, его настоящая полезность. Воплощенная в технических качествах автомобиля его реальность уступает место мифологии автомобиля, выражаемой фразами типа «с ним вы станете вездесущим, свободным и неуязвимым».

Если ранее мифы создавались стихийно вследствие противоречия между потребностью познавать мир и отсутствием достаточной информации о нем, сегодня мифы конституируются целенаправленно и уже не носят когнитивный характер. Вообще, рекламное мифотворчество можно сравнить с архаикой, религией и прочими идеологическими конструктами, которые не укладываются в рамки объективного восприятия и рациональности, которые минимизируют рациональные аспекты потребления. Реклама с ее мифологизацией, создающей мнительного, ведомого, преисполненного необоснованным доверием и поддающегося брендовому обаянию потребителя, принципиально отлична от науки, стимулирующей рационально-критическое мышление. Вера в рекламную информацию, в ее истинность – все равно что вера в Бабу Ягу, Деда Мороза, миф про ребро Адама и в прочих сказочных героев и сюжеты, которые не отличаются достоверностью. По сути, реклама обращена к сфере, локализованной между фактом и вымыслом.

Посредством искусственного формирования желания происходит настоящее выворачивание человека вовне. И потребительски ориентированному окружению становится совершенно неважно, что представляет собой человек, какими внутренними качествами он обладает; главное, как он выглядит, во что одевается, какую музыку слушает и каким одеколоном пользуется. Это выражается лозунгом типа: «Я – ничто, имидж – все!». Его ценность определяется имеющимися вещами, в раба которых он превращается.

Рациональность рекламы в том, что она, используя нерациональные вербальные приемы, приводит к максимизации капитала коммерческих компаний. Рациональность, основанная на корыстных интересах, приобретает безнравственный характер, особенно в рыночном обществе, где возобладал принцип индивидуализма, монетаризма и конкуренции. В условиях рыночной экономики и свободного движения капитала наукой и практикой не руководят надличностные общечеловеческие интересы, а потому наблюдается оторванность данных областей жизни от этики. Они как продукты утонченного разума работают на создание целой машинерии неразумия, о которой мы ведем речь, – рекламы.

Рациональности нужна нравственность, спасающая ее от бесчеловечности, ибо без нравственности она превращается в четко выверенную эгоистическую стратегию. Нравственности нужна рациональность, спасающая ее от безрассудства, ибо без рациональности она мечется в бесполезных попытках найти стратегию для дальнейших действий. Модерн к концу своего существования разделил истину (наука), добро (этика) и красоту (эстетика), после чего получил плоды этого разделения, которые навсегда останутся

черными пятнами на теле эпохи модерна. Он получил в результате культ потребления и общество риска.

Если раньше религия как мифологическая система занимала особое место в жизни человека, а во времена социализма на место религии встала святая вера в пресловутое светлое будущее, то сейчас во многом религиозные (мифологические) функции выполняют предметы обожания, предлагаемые инфраструктурой потребления. Потребкульт формирует система икон, но икон, замаскированных так, что их обожатели редко осознают данную иконичность. Поэтому миф продолжает пронизывать общественное сознание и находит свое применение не только в возрождении неоархаики в искусстве, лживости правительственных обещаний, многообразии религиозных объединений, поп-фетишах, но и в специфике рекламы. Представляется, что без мифа реклама не была бы сама собой.

Многие психологи говорят о скрытой манипулятивности рекламы, что связано с воздействием идеологической или поведенческой программы именно на подсознание реципиента (подпороговые внушения), в обход сознания. Такая технология снижения сопротивления внушению является еще одним аспектом негативного воздействия рекламы на субъектность, а именно на ее сознательную и мировоззренческую составляющие. И эти внутрличностные инъекции конституируют массмедийного субъекта. Предлагаемые ценности, идеалы и нормы, тиражируемые посредством СМИ и рекламы, проникают внутрь человека и претендуют на вакантное место его самости, субъектности. Нередко рекламные лингвистические выверты становятся собственными мыслями людей, существование которых приближается просто к отражению того, что им демонстрируется инфраструктурой потребления.

Важной для нашего анализа представляется проблема направленности рекламы на детей. Сейчас дети приобрели особую покупательскую способность посредством влияния на своих родителей, поэтому они выступают весьма перспективным адресатом рекламных кампаний. Ребенок – потребитель «три в одном»: он тратит карманные деньги, оказывает влияние на покупки родителей и представляет собой материал для воспитания потребительского поведения в будущем – во взрослой жизни. Дети черпают рекламную информацию из телевидения, Интернета, рекламных щитов, детских журналов и т. д. – всех тех источников, которые пользуются способностью обращаться к адресату напрямую, минуя традиционные социальные институты типа семьи и школы. Дети, пользуясь сотовыми телефонами, ICQ, чатом, электронной почтой, фаст-фудом, полностью интегрированы в современную потребительскую культуру, которая ориентирована на нетерпеливую жизнь «здесь и сейчас». В общении со сверстниками товары типа новых игрушек и компьютерных игр занимают важное место; как и во «взрослой», в «детской» потребительской культуре они также подчеркивают статус обладателя.

Появилась целая индустрия, актуализирующая именно детскую покупательную способность. Не прекращаются исследования, направленные на выработку наиболее эффективных стратегий продаж. Проводятся научные конференции, тематика которых связана с поиском новых методологий влияния

на детей. Дети становятся объектом пристального изучения, которое проводится не в целях получения научной истины, а исключительно ради максимизации коммерческой прибыли.

Медиа-проекты, рекламирующие специально создаваемые для детей продукты питания, DVD, видеоигры, мобильные телефоны, игрушки и т. д. гипнотизируют маленьких покупателей, делая из них настоящих потребителей. Они убеждают детей в том, что смысл жизни заключен в покупках. Как взрослых, так и детей реклама убеждает в том, что те, кто не имеют определенного товара, не состоялись, у них отсутствует чувство собственного достоинства. Парадокс рекламы здесь наблюдается в трех формах. Во-первых, нет и быть не может четко зафиксированного объекта как «определенного товара, который нужно иметь». Товар не определен, так как к нему относятся все многообразие объектов, которые подлежат рекламному продвижению. Поэтому, чтобы быть состоятельным, необходимо иметь не конкретный гаджет, а все, что только рекламируют. Надо ли говорить, что это в принципе невозможно? Во-вторых, именно маниакальная приверженность потребительскому поведению указывает на несостоятельность человека, ибо послушно следовать моде, маркетинговым призывам, трендам новизны (не потому что они ценны, а потому, что они новы, а значит, ценны) – все равно что расписаться в собственной мнительности, безрефлексивности, инфантильности. Поэтому жутко лицемерно отождествление состоятельности и ее противоположности – потакания вещистским слабостям, да еще и не своим, а навязанным индустрией потребления. В-третьих, в условиях действия принципа перманентности, когда мода и реклама постоянно продвигают все новые объекты и призывают забыть о старых, даже если те еще вполне функциональны, состоятельность, на которую намекают рекламщики, невозможно обрести, ее можно только обрекать, вовлекаясь в бессмысленный круг «купил – выбросил – купил». Но это будет постоянно обрекаемая анти-состоятельность под видом ее позитивной противоположности.

Продаются не просто рекламируемые продукты, а игрушки, символизирующие персонажей детских мультипликационных фильмов. Так создается привязанность предлагаемой игрушки к полюбившемуся ребенку мультипликационному герою, и эта привязанность играет важную роль в деле продвижения детских продаж. К примеру, после выхода мультфильма «Черепашки-ниндзя» был реализован огромный массив продукции, связанной с этим фильмом; статуэтки героев, комиксы, журналы-раскраски. «Звездные войны» стали тиражироваться не только как фильм, но и как куклы, маски, световые мечи, продукты питания с изображением на упаковках главных героев саги и прочие аксессуары. Чипсы, каши, макароны и другие продукты питания, на упаковках которых красуются полюбившиеся детям герои, представляются маленьким покупателям вкуснее, чем не связанные с мультфильмами продукты, хотя на самом деле они бывают одинаковыми по составу и вкусу.

Когда после выхода полюбившегося детям фильма в продаже появляются все аксессуары главного персонажа, реклама как бы говорит детям, что они могут играть в этого персонажа только тогда, когда приобретут всю его

амуницию. Здесь, во-первых, стимулируется все то же покупательское поведение. Во-вторых, отчасти ограничивается детская фантазия, воображение, позволяющие играть в игры, формировать самостоятельно правила игр, несмотря на пробелы в купленных аксессуарах. Недостаток, нехватка должны оставлять место для самостоятельности и творчества, но вместо этого среди детей-потребителей нехватка стимулирует давление на родителей со стороны ребенка, призывающего восполнить пустое место. Прежние поколения детей, играя в ковбоев, индейцев (и много кого еще), самостоятельно делали амуницию, предварительно включая воображение, чтобы сначала представить, умственно спроектировать то, что впоследствии подлежало материальному проектированию. Сейчас такие стимулы проявляют себя значительно меньше. Творчество по преобразованию нужных для игр предметов оставляет место для покупок. Творчество, связанное с самостоятельным придумыванием игр и игровых правил, уступает место шаблонному выполнению правил, придуманных специальными разработчиками игр.

Авторы книги «Потреблятельство» отмечают следующую детскую игру в качестве примера введения детей в наполненную тратами жизнь. Игроки вставляют «кредитные карточки» в пластиковый банкомат и достают игрушечные деньги, которые надо потратить в игрушечном торговом центре. Цель игры – купить максимальное количество вещей и первым вернуться на автомобильную стоянку. В этой же книге находим пример рекламирующей компьютерную игру слогана: «это куда приятнее, чем застрелить соседскую кошку» [3]. Как говорится, без комментариев. Если первый пример ориентирован на возвращение потребительских ценностей в самом общем смысле, то второй является наглядной иллюстрацией привития детям жестокости. Авторы книги «Проект “Россия”» (т. 2) приводят пример детского кафе, где детям предлагают поводить хоровод не вокруг елки, а вокруг символа доллара [10]. В России уже давно дети стали воспринимать американские бренды как свои, а у многих взрослых они ассоциируются с детством. Чужие символы сместили родные, равно как и чужая культура сместила родную, став своей. Соответственно, в ребенке вырабатывается космополит, который абсолютизирует чужую культуру в ущерб своей, национальной.

Реклама также проникает в школьное пространство. В школах западных стран логотипы известных фирм можно увидеть ... практически везде. В документальном фильме «Дети-потребители. Коммерциализация детства» рассказывается о том, что коммерческая реклама размещается на школьных стенах и автобусах, в классах, в актовом и спортивных залах. Во время поездки на школьных автобусах детям включается реклама. Под видом педагогической практики учеников возят по магазинам – это называется образовательным явлением. В школах есть автоматы с кока-колой, пепси, кэдбери и т. д., что поддерживает рост детского ожирения. Рекламу даже размещают на обложках учебников. Там, где всегда формировали образованную личность, возникает явление, приводящее к противоположным результатам.

Авторы «Потреблятельства» приводят следующий вопиющий случай. В 1998 г. из школы в штате Джорджия исключили ученика за то, что он надел

футболку с рекламой «Пепси» в «День кока-колы в школах». 600 ученикам школы велели надеть футболки с рекламой кока-колы и скандировать это слово на лужайке. Компания, производящая напиток, обещала школе заплатить 500 долларов за проведенную акцию. Как это следует понимать? Грош цена учебным заведениям, которые зарабатывают деньги, синтезируя даваемые детям знания с рекламной информацией. Такой синтез вообще неуместен. Тем более он неуместен, если рекламируемые продукты пользуются негативными отзывами врачей. Читатель может вполне справедливо оправдать школьное руководство, сказав, что ему надо каким-то образом зарабатывать деньги для сохранения своего учебного заведения. Да, это правда, современная капиталистическая система едва ли позволяет учебным заведениям другими, более приемлемыми, способами функционировать и развиваться; государственная поддержка школам минимизируется, и администрации приходится привлекать спонсоров со стороны. В этом и заключен порок данной системы.

Соответственно, вырисовывается ряд проблем, связанных с воздействием рекламы на детское сознание. Реклама зачастую предлагает ребенку вещи, которые родители купить не в состоянии, что рождает комплекс неполноценности, зависть к более «потребительски успешным» другим детям и приводит к ухудшению отношений с родителями и с одноклассниками. Демонстрация особенно стройных моделей во многих случаях приводит к занижению самооценки и психическим расстройствам типа анорексии у девочек-подростков. Реклама фаст-фудов приучает детей к нездоровой пище.

Детское сознание в большей степени подвержено воздействию рекламы, ибо у ребенка еще не сформирован идеологический, морально-нравственный, мировоззренческий, эстетический и т. д. стержень, позволяющий отделять нужное от ненужного, полезное от вредного. Да что там говорить, далеко не все взрослые этим стержнем обладают, и каждый из нас, независимо от внутренней устойчивости, в той или иной степени все равно подвержен манипуляциям. Дети им подвержены максимально. Они безоценочно и совершенно некритично интериоризируют формы поведения, мимику, жесты, слова демонстрируемых им персонажей. Детям свойственно копировать поведение взрослых, и в том числе пропагандируемых персон. В. В. Корнев остроумно замечает, что он не хотел бы сейчас заново становиться молодым, ибо «трудно дать хотя бы один процент вероятности, что растущий в нынешнем потребительском сиропе ребенок станет чем-то большим, чем просто механизмом по зарабатыванию и растрате денег» [9, с. 163]. Недопустимость ориентации системы образования на воспитание только квалифицированного потребителя мы уже подчеркивали в нашей предыдущей статье в журнале «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» [см.: 5].

Вот одно из показательных американских рекламных сообщений: «...Благодаря особым качествам автомобиля “Ровер” гангстерам удалось совершить крупнейшую в мире кражу... Покупайте “Ровер”!» [цит. по: 11, с. 20]. То есть данная машина поможет вам совершить кражу, следовательно, нужно ее приобрести. В общем, реклама способна формировать

как определенные потребительские ценности, так и жизненные в самом широком смысле слова ценностные ориентации и стратегемы поведения – и вовсе не только у детей. Если внимательно читать не отдельные рекламные сообщения, а коммерческую рекламу в целом как метатенденцию потребительского общества, то мы увидим неявным образом написанные сообщения типа «забудь социальные и политические проблемы, нравственность, честность, долг, патриотизм, справедливость, элементарные требования порядочности и другие высокие идеалы, ведь есть только ты – просто потребляй».

Рекламное загрязнение антропоного ментального пространства, сферы потребностей и интересов можно представить также в качестве экологической проблемы. Только речь идет не о традиционной, а о ментальной и визуальной экологии. По справедливому мнению Д. А. Колесниковой и В. В. Савчука, внедрять в социальное пространство гламурные и глянцевого образы, которые стали идеалом красоты общества потребления, – значит ухудшать и без того плохую визуальную экологию мегаполисов [8]. Существуют стандарты предельно допустимого загрязнения воды, почвы, воздуха, слуховой среды, но нет стандартов предельно допустимого загрязнения визуальной среды. Этим реклама и пользуется. Визуальная среда, к которой относится также рекламный дискурс, требует регулирования. Избыточность визуальных сведений определяется количественными и качественными характеристиками. К первым относится объем квадратных метров пространства, занятого рекламой. Ко вторым относят интенсивность, яркость, частоту мигания рекламы. Думаю, качественной характеристикой будет являться нормативное, нравственное содержание рекламы – ценности, которые ею пропагандируются.

Итак, каким образом следует управлять рекламным дискурсом? Данные предложения нами уже были намечены в одной из работ [4].

Первое. Необходимо забрать у рекламы заполонившееся ею антропоное бытие и определить узко локализованное место для рекламных сообщений. Им надлежит печататься в специальных журналах и помещаться на только им посвященные телевизионные каналы и интернет-сайты. Реклама должна восприниматься реципиентом добровольно. И, соответственно, реклама призвана оставаться именно рекламой, быть тождественной самой себе, а не мимикрировать под произведения искусства, с помощью чего она ищет дополнительные пути проникновения в сознание человека. Возникает необходимость дистанцировать рекламу от того, что с ней не должно быть связано (например, от искусства) и давать ей право на существование только там, где ей и место, отделяя тем самым «мух от котлет». И если вдруг у человека возникает в силу тех или иных коммерческих целей и обстоятельств потребность ознакомиться с рекламным спектром, он всегда будет знать, где его можно найти.

Во-вторых, рекламе необходимо придать нравственный облик (или по крайней мере лишить аморального содержания), поскольку львиная доля современной рекламы – по большей части прямое навязывание аморализма. Это возможно только в том случае, если начнется санкционированное

государством и поддержанное обществом наступление на потребительскую культуру в целом и лежащий в ее основе рыночный фундаментализм. С одной стороны, рынок задает характер деятельности СМК, с другой, СМК, находясь под влиянием рынка, транслируют рыночно-потребительские ценности и модели поведения. Медиа отказываются от нерыночных (недостаточно востребованных широкими слоями) материалов, вовлекаясь в некую рыночную цензуру. Так происходит самотиражирование потребкульта. Также необходимо серьезно ограничить тиражирование литературных, музыкальных и др. произведений, в которых романтизируется преступность, эгоизм, инфантилизм и другие пороки.

Это будет проявлением позитивной цензуры, а не той, которая существует сегодня – цензуры, распространяющейся не на романтизацию пороков, а на вербализацию оппозиционных в политическом плане мнений. Недопустимо возвеличивать абсолютную свободу творчества, прикрываясь мнением, будто оно есть показатель подлинной и неограниченной демократии. Свобода творчества необходима, но любая свобода ограничивается какими-либо нормами, барьерами, не допускающими ее переход из сферы конструктивности и созидания в сферу деструктивности и порочности. Целесообразно ориентироваться не на догматичные запреты, как это было в СССР, когда по анекдотам, песням и театральным постановкам, образно говоря, стреляли из пушек. Такая стратегия даст эффект сладкого запретного плода. Целесообразно не допускать к широкому тиражированию продукты китча и осуществлять режим благоприятствования замене китча на действительно наполненные нравственностью медиа-продукты. То есть необходимо не вырезать на корню что-либо, оставляя пустое место, а использовать «мягкую силу» и обязательно освободившееся место заполнять иным, более человеко- и обществоцентрированным продуктом. В ином случае борьба с рекламной (и с потребительской в целом) распушенностью ни к чему не приведет, ибо сколько ни отрубай голову змею, она все равно будет отрастать заново.

Предлагаемые действия ограничат прибыль от рекламы, но поспособствуют окультуриванию социума. Несомненно, второе является более достойной и приоритетной целью, чем первое. Коммерческая прибыль выше общественного здоровья только в глазах тех, кто эту прибыль получает. Но на более масштабном уровне эти явления совершенно не поддаются сравнению; попытка поставить их в один ряд представляется совершенно абсурдной. *Трансформация содержания медиа-реальности как внешней для человека среды приведет к изменению воспринимающего данное содержание человека, его эстетических, интеллектуальных и нравственных особенностей.*

Свободу слова, прозрачность и гласность, естественно, следует понимать в условном смысле. При абсолютной гласности все видели бы всех, а не один человек наблюдал бы за всеми остальными, то есть осуществлялся бы тот же самый тоталитаризм. Цензура необходима для любого (особенно печатного) слова, ибо именно она указывает на ответственность говорящего. Где нет цензуры, нет ни осмысленности, ни этичности речи. Цензура – условие сохранения общества и признак уважения к речи, но гипертрофированная

цензура, наоборот, выступает признаком ненависти к речи. Телевидение (и другие СМИ) не должно быть «абсолютно» свободным, оно не должно транслировать все подряд. Принцип «не нравится – не смотрите» указывает не на демократизм, а на порочность. Идея о свободе СМИ ни в коей мере не проникнута ни гуманизмом, ни демократичностью, так как свобода от всего, в том числе от морали, есть аморальность. Учитывая не только политический контроль, выражающий себя в ангажированности телевидения властными структурами, но и отсутствие культурного контроля, выраженное в засилье культа секса, убийств, глупой развлекательности и прочего китча, цензура СМИ представляется необходимой. Ее отсутствие более вредно, чем полезно. Конечно, речь идет о нравственной, а не идеологической цензуре.

Р. Авдеев предположил, что исчезновение рекламы будет похоже на ситуацию, когда у человека есть деньги и желания, но эти желания никому не интересны, и ему больше ничего не предлагают [1]. Однако, во-первых, говорить в таком случае о наличии желаний надо осторожно. Какие желания? Обычные человеческие желания, естественно, никуда не денутся и в мире без рекламы. Но огромный сектор поля желаний пропадет, поскольку он формировался благодаря рекламе, которая выступает одним из основных и самым массовым средством формирования желаний. Поэтому исчезновение рекламы есть исчезновение львиной доли желаний. Во-вторых, желания человека и в мире, где господствует реклама, никому не интересны. Потребительская инфраструктура всего лишь делает вид, что заботится о нас, что интересуется нашими желаниями, стараясь как можно быстрее их удовлетворить. Она улыбается, предлагает, осведомляется, показывает, что приспособливается под желания реципиента. Но посредством формирования впечатления, будто она заботится о нас, будто интересы и желания каждого клиента для нее священны, она центрирует свои усилия на заботе о себе, а именно о собственных прибылях. Забота о клиенте – всего лишь средство, инструментальная ценность и не более того. Выступая в качестве декларации цели («нам важно то, что важно вам»), целевая направленность остается только на декларативном уровне. Наконец, не стоит говорить о заботе со стороны потребительской инфраструктуры, о ее интересе к нашим желаниям, когда она же отправляет массив манипулятивного воздействия, проявляя интерес не к нашим желаниям, а к тому, чтобы сформировать у максимально большого числа людей те желания, которые она способна удовлетворить. Поэтому потеря рекламы, о которой говорит Р. Авдеев, вряд ли стала бы такой уж невозполнимой утратой для общества.

В последнее время получила определенную распространенность антиреклама – абсолютно некоммерческий дискурс, основанный на высмеивании известных брендов, широко рекламируемых товаров и потребительских ценностей, а также конкретных рекламных роликов. Так, в интернете находим огромное множество демотиваторов, которые следует рассматривать в качестве ироничного ответа заполонившей львиную долю антропного пространства рекламе и потребительскому стилю жизни. Верблюды «Джо Кэмел» представляется не рекламирующей сигареты, а умирающим от

рака. Ковбой «Мальборо» из мачо превращается в тоскующего по своему легкому инвалида. Антиреклама функционирует как альтернатива, использующая рекламный дискурс для формирования противоположных ему ценностей. Высмеивая его, она показывает нам его пороки. Однако она не способна выступать в качестве серьезной альтернативы, поскольку занимает крайне незначительное медиа-пространство по сравнению с тем широчайшим пространством, которое отводится рекламе.

Некоторые рекламисты и пиарщики могут поспорить с нами, выдвигая тезис о том, что реклама – творческая деятельность, которая развивает того, кто ею занимается. Но если она и развивает своего творца, то это развитие идет за счет описанного нами характера воздействия на огромную выборку реципиентов. Мошенника также развивает его деятельность, особенно когда в минуты «инсайта» и «творческого вдохновения» он находит новый изощренный способ одурачивания людей; все-таки сложно отказать в особом таланте С. Мавроди. К тому же, как отмечается, рождение творческой идеи – это вдохновение в искусстве, а в коммуникационной деятельности – это всего лишь технология. Творчество связано с искусством, а креатив – со сферой корпоративных коммуникаций. В искусстве красота создается ради красоты, правда ради правды, оно ориентировано на поиск высшего, идеального и прекрасного. А в креативе красота создается ради достижения коммерческого или имиджевого успеха [7]. Не высказывая полного согласия с автором этих строк относительно разведения понятий творчества и креатива, признаем его правоту в части того, того, что корпоративщики (рекламщики) ориентированы не на искусство ради искусства, а на искусство ради обогащения, статусного роста и т. д. И зачастую это «искусство» в качестве одной из задач ставит перед собой оболванивание людей путем красиво выдуманных слоганов и психологически выверенных образов, что граничит с безнравственностью. Конечно, в качестве возражения можно сказать, что ценность музыки уже ставшей классической группы Deep Purple или Uriah Heep несколько не умаляется тем, что она писалась в том числе и ради достижения коммерческого успеха, а не просто «для себя». Однако коммерциализация тоже бывает разной – с обманом и аморализмом или без. *Сегодня максимальной значимостью для общества обладает не защита рекламы и маркетинга, а поиск защиты от них.*

Утвердившееся рекламно-манипуляционное пространство приковывает к себе человека, подчиняет его волю, чувства и психологическую направленность, формирует определенный (потребительский) тип мировоззрения. Оно указывает на технологический прогресс, на прогресс влияния одних людей на других. Но упразднение этого пространства следовало бы связывать с социальным, культурным и нравственным прогрессом.

Список литературы

1. Авдеев Р. Общество потребления: цель или средство? // Экология и жизнь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecolife.ru/zhurnal/articles/8284/> (дата обращения 01.02.2016 г.).

2. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. – М.: «Рудомино», 1999. – 224 с.
3. Ванн Д., Нэйлор Т., Де Граф Д. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 392 с.
4. Ильин А. Н. Реклама как дискурсивная практика потребительского общества // Вопросы философии. – 2014. – № 11. – С. 25–35.
5. Ильин А. Н. Квалифицированный потребитель – цель системы образования? // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 4(6). – С. 40–48. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1301> (дата обращения 01.02.2016 г.).
6. Ильин В. И. Потребление как дискурс: Учебное пособие. – СПб.: Интерсоцис, 2008. – 446 с.
7. Каверина Е. А. Феномен креатива и приемы создания креативных идей для специальных событий // Вопросы культурологии. – 2009. – №12. – С. 18–21.
8. Колесникова Д. А., Савчук В. В. Визуальная экология как дисциплина // Вопросы философии. – 2015. – №10. – С. 41–50.
9. Корнев В. В. Философия повседневных вещей. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – 250 с.
10. Проект «Россия», кн. 2. Выбор пути. – М.: Эксмо, 2008. – 448 с.
11. Феофанов О. А. США: реклама и общество. – М.: Мысль, 1974. – 262 с.

References

1. Avdeev R. Consumer Society: The Purpose or Means? [Obschestvo potrebleniya: tsel ili sredstvo?]. *Ekologiya i zhizn* (Ecology and Life). Available at: <http://www.ecolife.ru/zhurnal/articles/8284/> (accessed 01 February 2015).
2. Baudrillard J. The System of Objects [*Sistema veschey*]. Moscow, Rudomino, 1999, 224 p.
3. Vann D., Naylor T., De Graaf D. Affluenza: The All-Consuming Epidemic [*Potrebyatstvo. Bolezn, ugrozhayuschaya miru*]. Ekaterinburg, Ultra. Kultura, 2005, 392 p.
4. Ilin A. N. Advertising as a Discursive Practice of Consumer Society [Reklama kak diskursivnaya praktika potrebitelskogo obschestva]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2014, № 11, pp. 25–35.
5. Ilin A. N. A Is a Qualified Consumer the Goal of the Education System? [Kvalifitsirovannyi potrebitel – tsel sistemy obrazovaniya?] *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 4(6), pp. 40–48. Available at: <http://fikio.ru/?p=1301> (accessed 01 February 2016).
6. Ilin V. I. Consumption as a Discourse [*Potreblenie kak diskurs*]. Saint Petersburg, Intersocs, 2008, 446 p.
7. Kaverina E. A. The Phenomenon of Creativity and Techniques of Generating Creative Ideas for Special Events [Fenomen kreativa i priemy sozdaniya kreativnykh idey dlya specialnykh sobytiy]. *Voprosy kulturologii* (Questions of Culturology), 2009, № 12, pp. 18–21.

8. Kolesnikov D. A., Savchuk V. V. The Visual Ecology as a Discipline [Vizualnaya ekologiya kak disciplina]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2015, № 10, pp. 41–50.

9. Kornev V. V. The Philosophy of Everyday Things [*Filosofiya povsednevnykh veschey*]. Moscow, Yunayted Press, 2011, 250 p.

10. Project “Russia”, Book 2. The Choice of the Path [*Proekt “Rossiya”, kniga 2. Vybor puti*]. Moscow, Eksmo, 2008, 448 p.

11. Feofanov O. A. The USA: Advertising and Society [*SShA: reklama i obshchestvo*]. Moscow, Mysl, 1974, 262 p.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

Концепции взаимодействия культур Запада и Востока*

Выжлецова Наталья Викторовна — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра рекламы и современных коммуникаций, доцент, кандидат культурологии, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: maus72@mail.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,

тел: +7 (812) 708-43-45.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Концепции взаимодействия культур Запада и Востока выдвигались в европейской науке по крайней мере со времен Гегеля. Однако и в XX–XXI веках непрерывное изменение исторической ситуации требует их постоянного уточнения и развития.

Результаты: С точки зрения Г. В. Ф. Гегеля, только народы, способные к контактам, осуществляют всемирную историю и развиваются сами. Н. Я. Данилевский признавал значимость для всемирной истории как «уединенных» (изолированных), так и «преемственных» цивилизаций, выделяя при этом три типа взаимодействия последних: «пересадку», «прививку» и «удобрение». Согласно О. Шпенглеру, культуры Запада и Востока не «вливают» друг на друга, а соприкасаются, подражают, опекают друг друга и заимствуют друг у друга определенные формы. По А. Тойнби, вся история есть борьба интегрирующей и дезинтегрирующей тенденций, которые действуют также и между живыми и мертвыми цивилизациями. В продолжение его подхода в XX веке разрабатывалась концепция комплементарности культур Запада и Востока. Такая комплементарность и параллелизм присутствуют в идее осевого времени К. Ясперса. Они вызывают беспокойство К. Г. Юнга, склонявшегося к необходимости осторожного обращения со своими и чужими ценностями и отказа от слепого их копирования. В XX веке особенно распространен «пограничный», раздвоенный тип личности переходной эпохи, предрасположенный к «наведению мостов» между своей и чужой культурой, переходом культурной границы Востока и Запада.

Выводы: Во взаимодействии друг с другом культуры проверяются на степень открытости. Взаимодействие включает механизм самоосознания в сопоставлении с чужим (иным, другим) и самообновления культуры. Вместе с тем существуют деструктивные формы взаимодействия культур (ассимиляция,

* © Н. В. Выжлецова, 2016.

поверхностная интерпретация). Решающую роль в процессе взаимодействия культур играют медиаторы (пограничные личности), которые переходят культурные границы, «наводят мосты» между своим и чужим (иным, другим).

Ключевые слова: взаимодействие культур; ассимиляция; контакт культур; конфликт культур; конфронтация; диалог культур; своё; чужое; другое; культурные границы; западный буддизм.

The Concept of Western and Eastern Cultures Interaction

Vyzhletsova Natalya Viktorovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Advertisement and contemporary Communications, Associate Professor, Ph. D (Culturology), Saint Petersburg, Russia.

E-mail: maus72@mail.ru

15, Gastello st., Saint Petersburg, 196135, Russia,

tel: +7 (812) 708-43-45.

Abstract

Background: The concept of Western and Eastern cultures interaction was put forward in European science since the time of Hegel. In the XX–XXI centuries, however, the continuous change of the historical situation requires its constant refinement and development.

Results: From the perspective of G. W. F. Hegel, only nations capable of contacting make the history of the world and develop themselves. N. Y. Danilevsky recognized the significance for world history both "solitary" (isolated) and "successive" civilizations, while highlighting three types of interaction of the latter: "transplantation", "vaccination" and "fertilization". According to O. Spengler, the cultures of the West and the East do not "influence" each other, but contact, follow, watch over each other and borrow certain forms from each other. In A. Toynbee's view, the whole world history is a struggle between integrating and disintegrating trends, which act among modern and dead civilizations too. In extension to his ideas, in the XX century the concept of complementarity of Western and Eastern cultures was developed. Such complementarity and parallelism are present in Karl Jaspers' concept of the axial age. They caused trouble with C. G. Jung, who was inclined to the need of careful handling with his and other people's values and the rejection of their blind copying. Since the XX century an "edge", split personality of the transition era has become increasingly common. This type is predisposed "to build bridges" between native and foreign cultures, to cross cultural boundaries between the East and the West.

Conclusion: Cultures are checked for the degree of openness during their interaction. The interaction includes a mechanism of self-awareness in comparison with someone else (different from others) and self-renewal of culture. There are, however, destructive forms of interaction between cultures (assimilation, simplified interpretation). A crucial role in the process of cultures interaction is played by the mediators (borderline personalities) who cross cultural boundaries, "build bridges" between them and others (different from others).

Keywords: interaction of cultures; assimilation; contact of cultures; cultural conflict; confrontation; dialogue of cultures; our; someone else; other; cultural boundaries; Western Buddhism.

Первая встреча западного и восточного культурных миров, сама постановка проблемы их гетерогенности восходит к античности (труды Геродота, Платона, Аристотеля, Страбона и др.), которая ощутила потребность в самоосознании через сопоставление с чужим.

В данной статье речь пойдет о возможных сценариях, формах и механизмах взаимодействия культур Запада и Востока, представленных в европейской и отечественной культурфилософской мысли XIX–XX века, с последующей попыткой некоторого культурологического осмысления исследуемой проблемы.

К проблеме взаимодействия (контактов) культур (в том числе Востока и Запада) обращался в своей философии истории Г. В. Ф. Гегель¹ (1770–1831). Всемирная история по Гегелю «направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия её начало» [3, с. 147].

По его мнению, первые проявления принципа развития духа можно найти в истории Персии²: «В персидском государстве мы впервые обнаруживаем историческую связь. Персы являются первым историческим народом. ... в Персии происходило развитие и совершались перевороты, которые одни только свидетельствуют об историческом состоянии. ... в Персии, впервые появляется свет, который светит и освещает иное, так как свет, впервые возвещенный *Зороастром*, принадлежит миру познания, духу как отношению к иному» [3, с. 209]. Открытость к контактам Передней Азии (Персии) предопределил географический фактор: связи с миром устанавливались через прибрежные страны (Сирия) [3, с. 158].

В то же время государственные народы³ Дальней Азии⁴ «совершенно одиноки» (изолированы) [22, с. 176; 3, с. 209]. Негосударственные народы Азии – азиатские кочевники (номады) – непоследовательны в своих связях с другими народами и «не переходят на историческую почву» [3, с. 156].

Способность к контактам – *bildsam* (открытость, восприимчивость, пластичность) – в философии истории Гегеля связана с культурой, формирующей дух (*die Bildung*) [15, с. 200]. Таким образом, Персия, открытая через Сирию к внешним контактам, преодолела барьер «непластичности» духа, характерный для Дальней Азии и кочевников. Именно поэтому Персия завершила борьбу с «природным» и передала «принцип свободы духа, пусть ещё в природной форме, на Запад» [15, с. 203].

Контакты, связи, заимствования способствуют усилению исторического самосознания народа: «Если у народа есть предшественник, как

¹ «Философия истории» Гегеля не была издана при жизни. Опубликовано посмертно на основе материалов, подготовленных самим автором и записей слушателями его лекций, прочитанных в Берлинском университете в 1822–1830 гг. Первое издание составлено Э. Гансом в 1837 г.

² У Гегеля — собирательное название Передней Азии.

³ Китайцы и индийцы.

⁴ Здесь — Дальний Восток.

предшественником греческого мира является восточный, то в первом периоде к нему проникает чужая культура и у него оказывается двойная культура – с одной стороны, самобытная, с другой стороны, заимствованная. Воспитание народа состоит в соединении этих двух культур, и первый период оканчивается выработкой реальной, самостоятельной силы народа, которая затем обращается против его предшественника» [3, с. 254].

В качестве узловых факторов пространства, определяющих характер деятельности народов и обеспечивающих возможность и широту контактов, Гегель называет безводные плоскогорья с обширными степями и равнинами, низменности («переходные страны»), прорезанные реками, и прибрежные страны, прилегающие к морю [3, с. 134]. Так «сердцем» древнего мира, оживляющим его, стало Средиземное море, соединяющее арабов, сирийцев, греков и др. «Без этого моря нельзя себе представить всемирную историю, как нельзя себе представить древний Рим или Афины без форума, где все стекалось» [3, с. 133]. Главными связующими пунктами Востока и Запада здесь стали Колхида и Армения, Троя и Иония.

Итак, связи, контакты, заимствования играют важную роль в философии истории Гегеля. Именно Персия (Передняя Азия), имевшая выход к Средиземноморью через прибрежную полосу (Сирию), осуществила «принцип развития» и открыла ход всемирной истории. Греки заимствовали чужую культуру своих предшественников (восточных народов) и в столкновении с ней выработали «самостоятельную силу» (Kräftigkeit). Таким образом, всемирную историю осуществляют восприимчивые народы, способные к контактам. Напротив, в феномене «изоляции» некоторых восточных народов Гегель видел «одну из причин прекращения развития» [15, с. 203].

Проблема взаимодействия культурно-исторических типов поставлена в работе Н. Я. Данилевского (1822–1885) «Россия и Европа»⁵.

С одной стороны, выделенные им культурно-исторические типы самобытны и независимы друг от друга, «каждый из них развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены» [8, с. 88]. К тому же, в числе законов генезиса рассматриваемых типов культуры Данилевский назвал закон «непередаваемости» цивилизации: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает её для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций» [8, с. 91]. Внешние влияния, по Данилевскому, особенно вредны для молодых цивилизаций, например, влияние умирающей Европы опасно для молодого славянского типа культуры.

С другой стороны, он допускал некоторую преемственность между цивилизациями. В своей типологии цивилизаций Данилевский выделил

⁵ Работу над книгой Данилевский закончил в начале 1868 г. «Россия и Европа» была опубликована в выпусках журнала «Заря» в 1869 г. Отдельным изданием вышла в 1871 г.

«уединенные» типы (например, китайский, индийский) и «преемственные», передававшие плоды своей деятельности другим в виде материалов для питания или удобрения почвы, на которой развивался другой тип культуры [8, с. 88]. В числе преемственных автор «России и Европы» назвал египетский, древнесемитический, греческий, римский, еврейский и германо-романский типы. При этом Данилевский отмечал духовную взаимосвязь «уединенных» и «преемственных» цивилизаций: так, в «уединенных» типах развивались те стороны жизни, которые недостаточно проявлялись в «преемственных» цивилизациях, что содействовало «многосторонности проявлений человеческого духа, в чём, собственно, и заключается прогресс» [8, с. 88–89]. Однако развитие «преемственных» типов было гораздо более плодотворным по сравнению с «уединенными» благодаря накопленному «последовательными трудами» опыту и обретению «сверхъестественного дара» христианства [8, с. 88].

Без определенной преемственности культура не развивается, консервируется, теряет свою витальную силу, в результате чего цивилизация гибнет. Симптомы гибели цивилизации, истощения её духовной силы, «нравственного принципа жизни»: успокоение на достигнутом или «апатия самодовольства» (например, Китай); разочарование от раздирающих её противоречий, антиномий (римский мир в период распространения христианства). Спасение от этого в «плодотворном взаимодействии» на равных, «оплодотворяющем влиянии» без насилия (например, великорусского и малорусского духовных складов), которое способствует богатству и разнообразию культуры [8, с. 507].

Итак, по Данилевскому, основы цивилизации не передаются от одного народа к другому, но вместе с тем, поскольку существуют «преемственные» типы, имеются определенные воздействия (которые «не есть передача») и способы распространения цивилизации [8, с. 98]. Последние автор «России и Европы» классифицирует как «пересадку», «прививку» и «удобрение».

Пересадка представляет собой разновидность колонизации: например, финикийцами Карфагена, греками Южной Италии и Сицилии, англичанами Северной Америки и Австралии; и, если бы народы и государства не противодействовали этому процессу, то они растворились бы в безликости общечеловеческой цивилизации.

В случае *прививки* «привитая почка» («черенок») или форма цивилизации, которая «прививается» на дерево другой, сохраняет свою природу, но питает себя соками того растения-«дичка», куда она привита, перерабатывая их «сообразно своему специфическому и формационному, или образовательному, началу» [8, с. 99]. Таким образом, «дичок» превращается для «черенка» в средство, питательную основу, посредством которой он развивается и набирает силу. В качестве подобных «черенков» Данилевский называет Александрию на египетском дереве, латинскую (римскую) культуру, привитую Цезарем варварам (кельтам). По мнению Данилевского, вариантом «прививки» является европеизация России Петром, которая переросла в карикатурную и уродливую болезнь — *европейничество* (искажение народного быта, заимствование

иностранных учреждений, взгляд на вопросы русской жизни с европейской точки зрения и т. д.). Как считает автор «России и Европы», в случае петровской прививки западные влияния не проникли далее поверхности общества и породили чужеродные русской самобытности «измы» (сепаратизм, бюрократизм, нигилизм, демократизм и др.).

Наконец, *удобрение* — единственная форма воздействия одной цивилизации на другую, которая не затрагивает сферы народности. Таким способом, по мнению Данилевского, Египет и Финикия воздействовали на Грецию, Греция — на Рим, Рим и Греция — на европейский (германо-романский) культурно-исторический тип. Удобрение приводит к плодотворным результатам, так как, согласно этому сценарию воздействия, народ, нуждающийся в нём, «сохраняет свое политическое устройство, свой быт и нравы, свои религиозные воззрения, свой склад мысли и чувств, как единственно ему свойственные, одним словом сохраняет свою самобытность...» [8, с. 100]. Здесь нет насилия, как в пересадке, и принесения достижений одного народа в жертву другому, как в прививке, поскольку цивилизация-реципиент сохраняет свои духовные основы и воспринимает у донора то, что «стоит вне сферы народности, т. е. выводы и методы положительной науки, технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности» [8, с. 100–101]. Таким образом, по Данилевскому, удобрение есть наиболее оптимальная форма культурного воздействия и способ взаимосвязи (преемственности) культурно-исторических типов.

Поскольку в случае удобрения речь идет о «свободном отношении народов одного типа к результатам деятельности другого» [8, с. 100], а значит — об общении на равных, то здесь фактически имеет место *диалог культур*.

Свою трактовку проблемы взаимодействия восточных и западных культур, вместе с тем весьма созвучную концепции Данилевского, даёт немецкий философ культуры Освальд Шпенглер (1880–1936) в своём «Закате Европы»⁶. Культуры в его понимании (как и у Данилевского) — совершенно самостоятельные организмы, «подобно тому как всякий вид растений имеет свои собственные цветки и плоды, собственный тип роста и увядания» [16, с. 151]. Они абсолютно независимы и не связаны друг с другом, имеют свою непостижимую «душу» (Seele), «прасимвол» (Ursymbol), «стиль» (habitus), «образ» (Gestalt).

Однако история различных культур обнаруживает их многочисленные контакты, поэтому Шпенглер делает принципиальное уточнение⁷ — культуры *не влияют* друг на друга, но *соприкасаются, подражают, опекают* друг друга и *заимствуют* («импортируют») друг у друга определенные формы. Примеры соприкосновения культур автор «Заката Европы» находит в подражании культовым постройкам Востока во время реконструкции Пантеона (который можно было бы считать самой ранней из всех мечетей [16, с. 224]) Адрианом; в «восхищении» городов западного побережья Италии мавританскими

⁶ К написанию книги Шпенглер приступил в 1911 (1912) г. Труд был закончен в 1917 и опубликован в 1918 г.

⁷ Как и Данилевский, у которого некоторые самостоятельные культурно-исторические типы оказываются преемственными посредством воздействия друг на друга.

постройками; в спорадическом копировании египетских образцов античным искусством («Аполлоническое искусство дорической ранней эпохи, ... несомненно, переняло множество египетских мотивов, чтобы на них и ими достичь *собственной* символики» [16, с. 384]).

Кроме того, все культуры, по его мнению, исключая египетскую, китайскую и мексиканскую, «находились под опекой более древних культурных впечатлений» [16, с. 383] и проявляли в себе их черты: например, прикладное искусство «византийско-магометанского стиля», распространившееся в каролингское время по всей Европе.

Таким образом, по мысли Шпенглера, в истории речь идёт главным образом не о влияниях (и взаимодействиях), а именно о заимствованиях, которые имеют избирательный характер: «не созданное “воздействует”, но создающее “перенимает воздействие”» [17, с. 56] и перерабатывает (решительно перетолковывает [17, с. 59]) чужое на свой лад. Иначе повсеместно в пространстве античной души мы находили бы пирамиды, обелиски, иероглифику и клинопись. «Необходимо скрупулезно, штрих за штрихом проследивать «влияние» египетской скульптуры на раннегреческую, чтобы в результате убедиться, что влияния как такового вообще не было, но греческая воля к форме позаимствовала в данном случае из древних художественных запасников некоторые черты, которые она так или иначе нашла бы и без них» [17, с. 59]. Таким образом, *заимствование чужого* есть *перевод его в бытование собственной культуры (в своё)*: «Чем смиренней кто-либо перенимает чужую религию, тем с большей полнотой она принимает форму его души» [17, с. 59]; «Следовало бы написать однажды историю трёх Аристотелей, греческого, арабского и готического, не имеющих между собой ни одного общего понятия, ни одной общей мысли» [17, с. 59].

Итак, воспринимаются и заимствуются всегда определённые культурные, религиозные, художественные формы, элементы философских и научных учений, «дающие возможность для собственного творчества» [17, с. 58]. Однако глубинные смыслы, «символы», «души» культур (подобно «основам цивилизации» и «сфере народности» у Данилевского) *непередаваемы*, поэтому глубокое душевное одиночество пролегает между двумя людьми, принадлежащими к разным культурам [17, с. 58].

Кроме того, Шпенглер полагал, что взаимоотношения между культурами имеют второстепенный характер по сравнению с первичностью самих культур, их душ. Однако, поскольку последние непроницаемы и распознаваемы только в своих проявлениях (стилистике, материальной, духовной культуре, отношениях), культурные контакты (заимствования) дают возможность их лучше узнать. В связи с этим Шпенглер отмечал, что на самом деле отношения между закрытыми в непроницаемости своих душ культурами *весьма разнообразны* и происходят в пространстве и времени. Шпенглер различал межкультурные отношения по «виду их и силе»: например, Запад (античность) «ищет связей, пользуясь ими без ущерба» [17, с. 40], Древний Египет их избегает, уклоняется от них. Таким образом, всё содержание мировой истории исчерпывается в судьбе «отдельных, сменяющих друг друга, вырастающих

друг возле друга, соприкасающихся, оттесняющих и подавляющих друг друга культур» [16, с. 262].

При этом Шпенглер в своей концепции межкультурных отношений находит место и насильственным чужеродным воздействиям (сопоставимым с «пересадками» и «прививками» Данилевского), которые, по его мнению, порождают *псевдоморфозы*. Псевдоморфоз есть феномен квазивзаимодействия культур. Этот термин философ культуры заимствовал из минералогии, где так называли кристаллы, *поддельные формы*, образующиеся путем заполнения горных разломов вулканической массой, чья внутренняя структура противоречит внешней форме. Таким образом, в минералогии – это «род каменной породы, являющийся в чужом обличье» [17, с. 193]. В философии культуры Шпенглера псевдоморфозы – ложные, чужеродные, «пустотные» формы, которые принимают «юные» культуры, не сформировавшие ещё собственных чистых форм, своего самосознания и стиля, под давлением обстоятельств и насилия «старших» культур.

В числе исторических псевдоморфозов Шпенглер называл «позднеантичный» (раннее павликанское христианство, западное иудейство, синкретические культы), мавританско-византийский, петровскую Русь. Поскольку, по мнению автора «Заката Европы», «впору русскости» только «примитивный московский царизм», в Петербурге он был «фальсифицирован» в европейскую династическую форму [17, с. 197]. Примитивная, «молодая» русская душа была втиснута Петром I, «злым роком русскости» в чуждые барочные формы, а затем её «втокнули» в формы Просвещения и XIX века [17, с. 197]. В результате возникают химерические, фальшивые неестественные новообразования, противные русской православной душе: в том числе, Петербург – город, «угнездившийся» в чужом стиле [17, с. 198], западничество, нигилизм, большевизм и т. д.

Английский историк и философ истории А. Тойнби (1889–1975) в своем 12-томном труде «A Study of History»⁸ проблеме взаимодействия цивилизаций (в том числе, Запада и Востока) посвятил два раздела: IX (том 8) — «Контакты между цивилизациями в пространстве» и X (том 9) — «Контакты между цивилизациями во времени».

Вся история по Тойнби представляет собой ристалище двух противоположных тенденций: *интегрирующей*, в действии которой Тойнби прослеживал процесс межкультурной преемственности (передача технологий, религиозных (нравственных) ценностей, имеющих общечеловеческую значимость и т. д.), и *дезинтегрирующей*, которая проявляет себя в многочисленных сюжетах столкновений культур, вражды, конфликтов.

Наиболее активные культурные влияния происходят на цивилизационной стадии, а именно, в период распада цивилизации-реципиента. Такие сложные феномены, как высшие религии, формируются, по мнению Тойнби, на месте столкновения (взаимодействия) двух или более цивилизаций.

⁸ 12 томов «Постижения истории» выходили с 1934 по 1961 гг.

В качестве примера распада цивилизаций в ходе тесного контакта в пространстве (между суперсистемами-современницами) Тойнби приводил взаимовлияние греческой и сирийской цивилизаций в эпоху эллинизма, когда последняя «фактически захватила своего завоевателя, опутав его тонкими сетями культурного взаимодействия» [13, с. 574], в результате оба культурных организма подверглись распаду и регенерировали в новые органичные формы, в которых сплелись сирийский и эллинский элемент (посредством почти полного растворения друг в друге) в эллинистической цивилизации. Последняя, в свою очередь, стала благодатной почвой для появления христианства в Сирии и буддизма Махаяны в индо-греческой культуре Кушанской империи. Таким образом, как совершенно справедливо считал Тойнби, платой за успешный территориальный захват становилось «проникновение в культуру победившей цивилизации экзотической культуры её жертв» [13, с. 577].

Важную роль в процессе взаимодействия цивилизаций и возникновения высших религий, по мнению Тойнби, играли *международные перекрестки*, то есть те географические регионы, где пересекались крупные торговые пути со всех «концов» света, а именно, бассейн Окса – Яксарта⁹, где родились зороастризм и Махаяна и происходили бесконечные контакты «между иранской, евразийско-номадической, древнесирийской, индской, эллинистической, древнекитайской и русской цивилизациями начиная примерно с VIII в. до н. э.» [13, с. 557]. В числе подобных *перекрестков* Тойнби назвал также Сирию, откуда вышли такие религии как иудаизм, христианство, ислам и некоторые неортодоксальные их направления и пересекались пути шумеро-аккадской, древнеегипетской, хеттской, эгейской цивилизаций, а затем сирийской, греческой и римской и других.

Как уже отмечалось выше, Тойнби выделял два вида межцивилизационных контактов: *прямые* (контакты в пространстве), когда взаимодействующие цивилизации – современницы и *ренессансы* (контакты во времени). Политические, правовые, философские, литературные, религиозные и другие *ренессансы* – такие формы контактов, когда устанавливается связь «между живой цивилизацией и призраком мёртвой цивилизации или же ушедшей в прошлое» [13, с. 600]. Тойнби говорил о возможности сложных, *комбинированных связей* (во времени и пространстве), как, например, возрождение античности в средневековой Европе.

Исследуя контакты между цивилизациями-современницами, Тойнби выявил их социальные и психологические последствия. Социальные результаты подобного взаимодействия порой оказываются опасными и разрушительными. Кроме того, «стоит чужеродным элементам утвердиться в новом окружении, они обретают тенденцию привлекать к себе другие элементы своей собственной культуры» [13, с. 578]. Причиной разрушительного действия элементов чужой культуры, отделившихся от своей родной почвы, в ином культурном контексте является, по мнению Тойнби, неспособность организма цивилизации-реципиента приспособиться к инородной «динамической силе». С

⁹ Древнегреческие наименования Амударьи и Сырдарьи.

другой стороны, культурный элемент, отделившийся от собственной почвы, имеет тенденцию утраты своей изначальной ценности, обесмысливания «в отрыве от родного культурного окружения» [13, с. 581]: например, институт демократического правления на Западе, перенесенный в страны «освобожденной» Африки, приобретает гипертрофированные формы в столкновении с местными политическими реалиями (монархическими традициями, широкомасштабной коррупцией).

Появление нового элемента внутри социального организма или внедрение его извне (со стороны чужеродной цивилизации-современницы) рождает ситуацию «вызова – ответа». Новация «самим фактом своего появления обрекает старую структуру на перемены» [13, с. 578–579]: на приспособление к новому и реконструкцию старого. Если социальный организм пытается уклониться, игнорировать или вообще неспособен ответить на *вызов*, начинаются процессы его разложения (в результате криминализации или социальной революции): «... расплатой будет либо революция (и тогда динамическая сила разрушит традиционную структуру, оказавшуюся слишком ригидной), либо верх возьмет преступность (возведенная в норму социальной жизни, она окончательно разьет обветшалые ткани старой структуры)» [13, с. 578].

Контакты между цивилизациями-современницами, наряду с социальными, имеют и психологические последствия: *зилотизм* и *иродианство*, восходящие к «историческому опыту древнесирийского мира, давшему две противоположные еврейские реакции на удары эллинизма» [13, с. 590]. В историко-культурном контексте зилотизм представлен враждебностью русского народа к фигуре царя-Антихриста, политикой изоляции Японии во времена правления сёгунов Токугава, националистическим отрицанием всего некитайского в период «культурной революции» в Китае; иродианство – петровскими преобразованиями в России, политикой вестернизации Османского государства и Японии после революции Мэйдзи и т. д.

Зилотизм¹⁰ – традиционалистская установка на решительное, «отчаянное сопротивление смертельному агрессору» [13, с. 590], то есть более энергичной цивилизации, с характерными призывами к автаркии, изоляционизму, национализму, соблюдение всех заповедей традиционного закона, радикальный отказ от всего чужого. «Зилоты вели себя подобно черепахе, прячущейся под панцирь, или ежу, сворачивающемуся при опасности в колючий шар. Правда, иродиане считали подобную тактику страусиной» [13, с. 590].

Иродианская группировка (сторонников Ирода Великого), напротив, руководствовалась необходимостью признания превосходящего по силе соперника и стремлением «учиться и брать у противника всё, что может быть полезным» [13, с. 591]. Иродианство, с одной стороны, характеризуется открытостью внешним влияниям, гибкостью по отношению к внешним воздействиям. С другой стороны, как правило, амбициозные иродианские

¹⁰ Греч. «зелотес», араб. «канайим» — ревнители. Одна из иудейских сект, которые называл Иосиф Флавий в «Иудейской войне» (I в. н. э.).

программы обновления на деле оказываются половинчатыми и непоследовательными.

Таким образом, как отмечает английский историк, зилотский (ксенофобия, конфронтация) и иродианский (компромисс, половинчатость преобразований) ответ «на вызов культурного нападения» безуспешен [13, с. 595]. Однако даже неудачное взаимодействие иудейской культуры (в русле сирийской цивилизации) и эллинизма, по Тойнби, обогатило, прежде всего, религиозные учения, ибо «культурный компост», образованный на стыке цивилизаций, «стал благодатной почвой для рождения христианства и ислама» [13, с. 596]. И в современном столкновении Запада и незападных цивилизаций может сформироваться «ещё более сложный, и, возможно, более плодотворный “культурный компост”, после того как исчезнет западное, без сомнения эфемерное превосходство» [13, с. 596]. Будущее, как считал английский историк, за соединением восточной (китайской) стабильности и западного динамизма. Тем более, что Запад, по мнению Тойнби (а также А. Швейцера, К. Ясперса, Э. Фромма и многих других), открыт для восприятия и осмысления восточного опыта, ибо противостояние Запада и Востока затрагивает не только мир в целом, но и каждого конкретного человека. Взаимодействие незападных (вестернизирующихся) стран с Западом, по Тойнби, должно строиться на *тщательном отборе положительных ценностей* западной цивилизации *посредством разумного и выборочного усвоения* элементов её культуры [13, с. 587].

В этом смысле, в понимании механизма взаимодействия, близкими к точке зрения Тойнби являются концепции комплементарности (дополнительности) культур Запада и Востока К. Ясперса, К. Юнга, Г. Гессе, Т. П. Григорьевой.

К. Ясперс (1883–1969) интерпретировал проблему взаимодействия Запада и Востока в свете своей концепции осевого времени и осевых культур. К осевым народам, «которые, последовательно продолжая свою историю, совершили скачок, как бы вторично родились в нём, тем самым, заложив основу духовной сущности человека и его подлинной истории» Ясперс относит китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков [20, с. 76]. Прорыв этот произошёл около 500 г. до н. э.: «В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае, – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда» [20, с. 32–33].

Таким образом, культуры Востока (индийскую и китайскую) и Запада (европейскую) роднит то, что «... они совершили прорыв в осевое время» [20, с. 77]. «Новое, возникшее в эту эпоху в трёх упомянутых культурах, сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои

границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира» [20, с. 33].

Ясперс отслеживал процесс взаимодействия Запада и Востока во времени, выделяя несколько его этапов, соответственно собственному делению истории (доистория, история, всемирная (мировая) история). Контакты начинаются на второй фазе (истории): «развёртывание немногих великих культур идёт – несмотря на ряд случайных соприкосновений – параллельно» [20, с. 94]; в ходе завоеваний происходило взаимодействие культур победителей и побеждённых, первые воспринимали культурные традиции последних. На этой стадии Запад, по Ясперсу, представлял относительную культурную целостность, разделяясь, однако, внутри себя на Запад и Восток. Сама полярность «Запад – Восток», таким образом, имманентно присуща Западу, а не есть какая-то внешняя проблема, так как Западом в период античности был присоединен Ближний Восток, который стал его частью (с этим же связана полярность восточной и западной части Римской империи, восточного и западного христианства и т. д.). Таким образом, западный мир ещё со времен античности конституировался в русле своей внутренней полярности с Востоком и тогда же осознал с ним исконную и вечную противоположность. На второй фазе истории Европа и Передняя Азия противостояли Индии и Китаю. Наконец, на третьей фазе (всемирной (мировой) истории) сформировалась глобальная система единства мира и человечества, в которой становится возможным и отчасти уже существует «всемирное общение».

Каков же механизм взаимодействия Запада и Востока по Ясперсу? Он считал, что *Восток должен дополнить Запад*, восполнить «незавершенность», «недостаточность» Запада, слишком увлеченного в недавнем прошлом идеей своего «превосходства», в вопросах совершенствования человеческой природы. Однако в данном случае, по мнению Ясперса, есть опасность увлечься поиском «идентичного» на Востоке и оторваться от «настоящего» Востока, ибо познаём мы в нём то, что нам близко, подходим к «восточному» с «западными» мерками. Понять «чужое», по Ясперсу, мы можем только тогда, когда осознаем то, что Запад «утерял»: «За то, что мы создали, что мы сумели, чем мы стали, мы заплатили определенную цену. Мы совсем не находимся на пути совершенствования человеческой природы. Азия служит нам необходимым дополнением» [20, с. 90].

Восток, как *зеркало*, которое поможет нам увидеть себя, станет необходимым посредником в постижении нашего глубинного «Я». По мысли Ясперса, Запад как таковой «существует лишь постольку, поскольку он постоянно направляет свой взор на Восток, находится в размежевании с ним, понимая его и отстраняясь от него, перенимая у него определенные черты и перерабатывая их, борясь с ним, и в этой борьбе власть попеременно переходит от одной стороны к другой» [20, с. 89].

Как и у Ясперса, в работах К. Г. Юнга (1875–1961) Запад и Восток – полярные и взаимосвязанные (комплементарные) культурные миры. Исходя из своей концепции противоположности западного (*экстравертированного*, открытого вовне) и восточного (*интровертированного*, обращенного в себя) стилей мышления (религии и культуры в целом), Юнг заключал, что каждый из полюсов мировой культуры сам по себе *односторонен*, в своем экстремизме самообособления теряет половину мира и обречен на «искусственность и дегуманизацию» [19, с.102–103].

Однако, по мнению Юнга, существуют определённые проблемы, связанные с механизмом взаимодействия Запада и Востока. Он считал, что в этом процессе *имитация невозможна* и нежелательна по причине полярности культурных миров Запада и Востока, огромного различия основных установок мышления. Бездумное подражание (установка: «всё лучшее – на стороне»), по мнению Юнга, сродни самоодурачиванию, самообману, «безумию», ибо оно отрывает культурный организм от своих корней [18, с. 301]. Перед Западом стоит проблема *реконструкции собственной культуры, которую поразили многие недуги* [18, с. 278].

Каков же механизм взаимодействия Запада и Востока? Если вообще возможен ответ на этот вопрос, то он, по мнению Юнга, лежит во внерациональной области [19, с. 97]. Он полагал, что в данной ситуации самое верное решение – взглянуть внутрь себя и найти интровертную тенденцию, подобную восточной, что позволит нам «строить на своей земле, своими руками» [19, с. 97].

В целом, как подчеркивал Юнг, предпринимать попытки взаимодействия с Востоком можно только *после серьезной внутренней работы над собой*, над западной духовностью, с которой мы так и не научились обращаться, и с осознанием того, что элементы восточной культуры *разрушают* христианские установки: «Только стоя твёрдо на нашей собственной почве, сможем мы усвоить дух Востока» [18, с. 301]. Взаимодействие Запада и Востока, по Юнгу, есть комплементарность (дополнительность) на основе осторожного обращения со своими и чужими ценностями и отказа от слепого копирования, на пути рефлексии и *нахождения чужого (другого) в своём как своего*.

Проблема взаимодействия культур Востока и Запада поставлена в теоретических работах и художественном наследии Г. Гессе (1877–1962). В своих статьях и романах Гессе утверждал идею дополнительности полярных культур Востока и Запада, чья противоположность снимается в «высшем (вневременном) измерении» духовных ценностей.

По мнению Гессе, не нужно ожидать того, что результатом западно-восточного взаимодействия будет «китаизация» или «европеизация» мира. Нам необходимо радостно и неторопливо принять друг друга. При этом Лао-цзы не должен нам заменить Ветхий Завет. У Гессе, как и у Юнга, речь идёт не об имитации или «простом заимствовании». Запад сможет по-новому увидеть себя в восточном *зеркале*: «Мы не вправе искать идеал и жизненный образец ни в

Китае, ни в какой-либо из прошлых эпох, иначе мы перестанем быть сами собой и ухватимся за фетиш»¹¹ [11, с. 210–211].

Непременным результатом истинного, то есть серьезного и плодотворного, взаимопонимания и стремления к добру станет прозрение, когда сотрутся все границы, и мы придём к такой открытости, что увидим в мудрости Запада и Востока «уже не враждебные, борющиеся силы, но полюса, между которыми раскачивается жизнь»¹² [11, с. 217]. Подобное взаимопонимание, по Гессе, – насущная задача, стоящая перед современной культурой, осуществление которой приведет к великому сверхрациональному Единству эпох, богов, людей. Неважно, какие формы обретёт вера, главное – стремление к добру (здесь Гессе близок к А. Швейцеру и др.). Об этом говорит Йозеф Кнехт своему другу-сопернику Плинию Дезиньори в «Игре в бисер»: «Даже будь ты европеец, а я китаец, даже говори мы на разных языках, мы всё-таки при желании могли бы очень многое друг другу сообщить, передать и, помимо того, что поддается точной передаче, очень многое друг о друге угадать и вообразить. Во всяком случае, давай попробуем» [4, с. 269–270].

Таким образом, по утверждению Гессе взаимодействие культур Востока и Запада возможно на почве комплементарности посредством «вчувствования» и стремления к добру. Противоположность культурных миров снимается во вневременном мире духовных ценностей.

Принцип дополнительности Запада и Востока разрабатывался и в отечественной гуманитарной науке с начала 70-х гг. XX века востоковедом-японистом Т. П. Григорьевой (1929–2014). Сам принцип дополнительности, сейчас общенаучный, был введен в квантовую механику Н. Бором¹³ и устанавливал «принципиальную непротиворечивость прерывности и непрерывности, последовательности и одновременности» [6, с. 26] на основе единой, корпускулярно-волновой природы света. Боровская концепция привела к смене научной парадигмы: произошел переход от закона «исключенного третьего» («либо то, либо это») к осознанию основ целостного мышления, сформулированных в текстах древнеиндийской философии («и то, и это»).

По мнению Григорьевой, Запад и Восток (и все культуры вообще), как необходимые стороны целого, не подменяют или дублируют друг друга, но в своей самобытности и своеобразии являются непременным условием этого целого. Следовательно, Восток может и должен быть *зеркалом самопознания* Запада: «Нет Востока без Запада и нет Запада без Востока – одно помогает другому осознать себя» [7, с. 244]. Взаимопроникновение культур имеет, согласно Григорьевой, спонтанный характер и требует полного взаимопонимания и открытости (особого «расширения сознания», как у Гессе).

Итак, сделаем попытку некоторого культурологического обобщения проблемы взаимодействия культур Запада и Востока.

¹¹ Из дневника Гессе (1920–1921 гг.).

¹² Из предисловия к японскому изданию «Собрания сочинений» Гессе — «К моим японским читателям» (1955 г.).

¹³ В докладе «Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории» (1927 г.).

Термин «*взаимодействие культур*», прежде всего, акцентирует длительность, двусторонность, взаимность, глубину рассматриваемого процесса в отличие от понятий «культурные связи», «культурный контакт», «соприкосновение», «влияние», «заимствование». Взаимодействие культур – это особый вид непосредственных или опосредованных¹⁴ отношений, складывающихся между культурами. Взаимодействие культур есть процесс, протекающий в большом и малом историческом времени и порождающий новые смыслы, синтетические формы, изменяющие внутренние структуры, традиции, ценностные ориентиры вступивших в него культур.

В процессе взаимодействия культур происходит постепенная адаптация друг к другу, иными словами, приспособление к меняющимся условиям существования «посредством изменения стереотипов сознания и поведения, форм социальной организации и регуляции, норм и ценностей, образа жизни и элементов картин мира, способов жизнеобеспечения, направлений и технологий деятельности, а также номенклатуры её продуктов, механизмов коммуницирования и трансляции социального опыта и т. п.» [14, с. 15]. Однако само взаимодействие не сводится к простому переносу культурной формы (из одного места в другое), механическому «влиянию – заимствованию», пространственной диффузии. Этот процесс вызывает определённые социальные, психологические, интеллектуальные и пр. реакции (притяжение (сопряжение) – отталкивание (отторжение), вызов – ответ, уход – возврат, реконструкцию – революцию, зилотство – иродизм и т. п.), ускоряющие или замедляющие его и приводящие к постепенной перестройке и изменению культурных паттернов.

При этом каждая культура обладает «защитным механизмом» (культурными границами), предохраняющим её от чрезмерных воздействий извне, от потери «самости». Культурные границы маркируют рубежи «своего» пространства, «своих» порядков и представлений о мире, сферу должного и запретного, допустимого и недопустимого, всего того, что «служит оформлению собственной самобытности, собственной оригинальности» [10, с. 103], культурно-исторических черт, традиций, исторической памяти, ментальности, духа народа (*der Volksgeist*).

В случае несовместимости или противоречия друг другу ценностно-нормативных установок и ориентаций взаимодействующих культур назревает *культурный конфликт*. Конфликт культур становится необратимым, перерастая в *конфронтацию*, если соперничающие стороны не стремятся к взаимопониманию, разрушая тем самым собственную жизнеспособность. Однако в процессе адаптации (или в ходе конфликта) стороны выясняют параметры несовпадения (инаковости, чуждости) и совпадения (тождественности, близости, созвучия) ценностно-нормативных установок, что потенциально готовит почву для последующего (возможного) в изменившихся исторических условиях *диалога*.

¹⁴ Опосредованные взаимодействия: восприятие корейцами учения Будды, пропущенного через «фильтр» китайской культуры (в свою очередь, японцы переняли его от корейцев); перевод и интерпретация арабами учения Аристотеля и проникновение арабского аристотелизма на Запад и др.

Во взаимодействии друг с другом культуры проверяются на степень открытости, на готовность прислушаться к иному мнению. Культурная изоляция приводит к застойным явлениям, торможению в развитии¹⁵, значительной отсталости (прежде всего, в технологической сфере). Таким образом, взаимодействие «является одним из важных условий для успешного развития любой культуры» [1, с. 154].

При этом следует обратить внимание на то, что в истории культур встречаются многочисленные сюжеты «минусовых» форм взаимодействия. С одной стороны, речь идёт о процессах ассимиляции (поглощения своего чужим, насаждения, навязывания чужого¹⁶), порождающих всевозможные *псевдоморфозы* (например, «перегибы» петровских реформ, последствия американизации индейцев в Северной Америке и т. п.). С другой стороны, «минусовыми» можно назвать поверхностные интерпретации чужого (другого): эрзацы, имитации, примитивные популяризации, интеллектуальные игры на грани хобби, моды или масскульта. Например, распространение псевдоориентальных тоталитарных сект в России в 90-х гг. XX века в период «снятия» культурных границ и духовного кризиса на почве смены идеологий, политических режимов и стыка веков, когда в ситуации ценностной аномии и «всеядности» всё чужое стало рассматриваться в качестве лучшего (а своё – худшего). В этом же ряду находится «салонный» буддизм, процветавший на Западе в начале XX века (опять-таки, здесь почвой для рецепции Востока на Западе стал интеллектуальный кризис рубежа XIX–XX вв.). В частности, о «поветрии» подобного «буддизма» писал Карл Швайтцер в своём справочнике по религиозной жизни Германии (1928 г.): дамам больших городов весьма нравилось, «лежа на софе и покуривая сигарету», впадать в «буддийское погружение» [21, с. 39].

Узловыми зонами взаимодействий культур и цивилизаций становятся *пограничные (стыковые, фронтирные, лиминальные) полилингвальные пространства*, «международные перекрёстки» (Тойнби), через которые «цивилизации открывают свои границы и осуществляют свое расширение» [9, с. 7]. В этих особых пространствах¹⁷ образуется плодородный «культурный компост» и рождаются уникальные религиозно-философские традиции, в том числе мировые религии.

Решающую роль в процессе взаимодействия культур играют медиаторы, в том числе *пограничные личности*. Появление последних напрямую связано с особыми ситуациями *временного пограничья*, под которыми следует понимать переходные зоны между веками, эпохами, временами. В некоторых европейских языках даже наименования временного пограничья отражают его особенную атмосферу: например, немецкое слово *die Jahrhundertwende* можно перевести как «начало» или «конец века», «грань», «рубеж», «переворот

¹⁵ Хотя при этом собственная самобытная культура может испытывать подъём: например, японская культура годов Гэнроку в период правления сёгунов Токугава.

¹⁶ В ходе колонизации, завоеваний, глобализации.

¹⁷ Магадха (колыбель буддизма) — древнее государство и историческая область на границах северо-восточной Индии и Непала; римская провинция Сирия (с вошедшей в неё Иудеи); Хиджаз (родина ислама) — западная часть Аравии, через которую проходили караванные пути, связывавшие Запад и Восток.

веков». Временное пограничье «в равной степени обостряет предчувствие конца и предощущение начала» [2, с. 417].

Пограничные эпохи – периоды «сверхпереводимости» (термин В. Н. Топорова) культур, открытости культурных границ, восприимчивости к чужому (другому), активного интеллектуального поиска: поскольку своё уже не удовлетворяет, возникает готовность к освоению иного в качестве альтернативы своему. К временной пограничности можно отнести экзистенциальный кризис начала XX века, в ходе которого возникла потребность в освоении иного (Востока, тихоокеанской, африканской экзотики и т. п.) как альтернативы своему. В пограничные (стыковые) времена личность становится необычайно уязвимой, обостренно предощущающей смену культурных паттернов, систем ценностей и знания и т. д. Как писал Г. Гессе: «есть эпохи, когда целое поколение оказывается между двумя эпохами, между двумя укладами жизни в такой степени, что утрачивает всякую естественность, всякую преемственность в обычаях, всякую защищённость и непорочность» [5, с. 223]. Речь идёт об особом типе личности, страдающей раздвоенностью (расколотостью) мироощущения, неукорененностью ни в старом, ни в новом времени, порождающей невероятную творческую энергию, направленную на поиск выхода из тупика. *Пограничные личности* обладают «лишним измерением», «расширенным сознанием» (Гессе), в котором стираются противоположности Запада и Востока, нравственным предрасположением к мистическому сосредоточению, «жадной восприимчивостью», способностью к воплощению в воспринимаемое, «западно-восточной сотканностью» натуры (Р. Роллан) [12, с. 254]. Они переходят культурные границы, «наводят мосты» между своим и чужим (другим), Западом и Востоком, эпохами и культурами, сглаживают противоречия или совершают контркультурный прорыв, отвечая на «вызов» времени. Именно они способны вести неспешный и вдумчивый диалог, в котором «равнозначны Европа и Азия, Веды и Библия, Будда и Гёте» (Гессе) [11, с. 184], уменьшающий степень взаимной непереводимости культурных миров Запада и Востока.

Уникальным феноменом такого западно-восточного диалога в XX веке стал западный буддизм¹⁸, который имеет тенденцию стать четвертой «колесницей» дхармы. В качестве его характерных черт исследователи называют гетерогенность (Гласхофф, Кантовски, Бауманн и др.), стремление к охвату всех школ и направлений буддизма (например, в учении «Арья Майтрея Мандала» (АММ)), к собственной интерпретации дхармы («Необуддизм» П. Дальке, «Древний буддизм» Г. Гримма, АММ Ламы Говинды и др.), «перемещение буддизма в повседневную жизнь» (М. Бауманн) [21, с. 50],

¹⁸ Первые западные буддисты появляются в конце XIX – начале XX века. После одной из речей сингальца Анагарики Дхармапалы на «Мировом парламенте религий» (Чикаго, 1893) первый американец, Карл Теодор Штраусс, публично перешел в буддизм. На Цейлоне в 1899 г. был посвящен в монахи английский аристократ Гордон Дуглас под именем Ашока. В 1901 г. в Бирме монахом Анандой Меттеей становится шотландский химик (и оккультист) Аллан Беннет Мак-Грегор, основавший в Рангуне в 1903 г. «Международное общество буддистов». В 1903 г. немец Антон Вальтер Флориус Гуэт стал послушником одного из бирманских монастырей, а в 1904 г. получил полную буддийскую ординацию и имя Ньянатилока (Знаток Трех Миров).

«развитие западных форм буддийской общинной жизни» (М. Фриба) [23, с. 178].

Библиографический список

1. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
2. Багно В. Е. Пограничное сознание, пограничные культуры (Международный colloquium «Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия, Испания») // Канун: Альманах. Вып. 2: Полярность в культуре / Сост. В. Е. Багно, Т. А. Новичкова; Под общ. ред. Д. С. Лихачёва; РАН, Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). – СПб., 1996. – С. 417–421.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Пер. А. М. Водена; Вступ. ст. Ю. В. Перов, К. А. Сергеев. – СПб.: Наука, 2000. – 479 с.
4. Гессе Г. Игра в бисер. Роман. – М.: Правда, 1992. – 496 с.
5. Гессе Г. Степной волк // Избранное. – М.: Художественная литература, 1977. – 413 с.
6. Григорьева Т. П. Дао и логос. Встреча культур. – М.: Наука, 1992. – 424 с.
7. Григорьева Т. П. И еще раз о Востоке и Западе // Иностранная литература. – 1975. – № 7. – С. 241–258.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С. А. Вайгачева. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
9. Земсков В. Б. О межкультурном взаимодействии // Iberica Americans. Механизмы культурообразования в Латинской Америке / Ред. В. Б. Земсков. – М.: Наука, 1994. – 222 с. – С. 5–10.
10. Лихачев Д. С. Два типа границ между культурами / Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 192 с.
11. Паломничество Германа Гессе в страну Востока / Вступ. ст. сост. и прим. Р. Г. Каралашвили, пер. с нем. М. С. Харитоновой // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М.: Наука, 1982. – С. 174–245.
12. Роллан Р. Жизнь Рамакришны; Жизнь Вивекананды. – М.: Политиздат, 1991. – 335 с.
13. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Пер. с англ. / Сост. Огурцов А. П.; Вступ. ст. Уколовой В. И.; Закл. ст. Рашковского Е. Б. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
14. Флиер А. Я. Адаптация культурная // Культурология XX век. Словарь / Гл. ред., сост., и авт. проекта А. Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с. – С. 15–17.
15. Шаймухамбетова Г. Б. Гегель и Восток. Принципы подхода. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1995. – 289 с.
16. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Ч. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.

17. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Ч. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
18. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. 527 с. – С. 28–286.
19. Юнг К. Г. Комментарий к немецкому переводу китайских трактатов «Секрет Золотого Цветка» и «Книга Прозрений и Судьбы» // Восхождение к Дао. Сост. В. В. Малявин. – М.: Наталис, 1997. – С. 276–306.
20. Юнг К. Г. Различие западного и восточного мышления // Философские науки. – 1988. – № 10. – С. 93–110.
21. Baumann M. Der Buddhismus im Abendland – Historische Entwicklung und gegenwärtige Präsenz // Der Kreis. – № 215. – Frühjahr. – 1995, с. 33–51.
22. Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Herausgegeben von E. Hans // G. W. F. Hegel's Werke. Bd. IX. – Berlin, 1837. – 446 с.
23. Kantowsky D. (Hrsg.) Wegzeichen // Ulmer Kulturanthropologische Schriften, Band 2, 1994. – 267 с.

References

1. Arutyunov S. A. Nations and Cultures: Development and Interaction [*Narody i kultura: razvitie i vzaimodeystvie*]. Moscow, Nauka, 1989, 247 p.
2. Bagno V. E. Frontier Consciousness, Frontier Cultures (International Colloquium “Frontier Cultures between the East and the West: Russia, Spain”) [Pogranichnoe soznanie, pogranichnye kultury (Mezhdunarodnyy kollokvium «Pogranichnye kultury mezhdru Vostokom i Zapadom: Rossiya, Ispaniya»)]. *Kanun: Almanakh. Vypusk. 2: Polyarnost v kulture* (Eve: Anthology. Vol. 2: Polarity in Culture). RAN, Institut russkoy literatury (Pushkinskiy dom), Saint Petersburg, 1996, pp. 417–421.
3. Hegel G. W. F. Lectures on the Philosophy of History [*Leksii po filosofii istorii*]. Saint Petersburg, Nauka, 2000, 479 p.
4. Hesse H. The Glass Bead Game [*Igra v biser*]. Moscow, Pravda, 1992, 496 p.
5. Hesse H. Steppenwolf [Stepnoy volk] *Izbrannoe* (Selected Works). Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1977, 413 p.
6. Grigoreva T. P. Tao and Logos. The Meeting of Cultures [*Dao i logos. Vstrecha kultur*]. Moscow, Nauka, 1992, 424 p.
7. Grigoreva T. P. And One More Time about the East and the West [I esche raz o Vostoke i Zapade]. *Inostrannaya literatura* (Foreign Literature). 1975, № 7, pp. 241–258.
8. Danilevskiy N. Ya. Russia and Europe [*Rossiya i Evropa*]. Moscow, Kniga, 1991, 574 p.
9. Zemskov V. B. About Intercivilizational Interaction [O mezhtsivilizatsionnom vzaimodeystvii] *Iberica Americans. Mekhanizmy kulturoobrazovaniya v Latinskoy Amerike* (Iberica Americans. The Mechanisms of Culture-Forming in Latin America). Moscow, Nauka, 1994, pp. 5–10.

10. Likhachev D. S. Two Types of Frontiers between Cultures [Dva tipa granits mezhdu kulturami]. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* (Essays in the Philosophy of Art). Saint Petersburg, Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs, 1999, 192 p.
11. A Pilgrimage of Herman Hesse to the Country of the East [Palomnichestvo Germana Gesse v stranu Vostoka]. *Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii* (The East – The West. Researches, Translations, Publications). Moscow, Nauka, 1982, pp. 174–245.
12. Rolland R. Life of Ramakrishna; Life of Vivekananda [Zhizn Ramakrishny; Zhizn Vivekanandy]. Moscow, Politizdat, 1991, 335 p.
13. Toynbee A. J. A Study of History [Postizhenie istorii]. Moscow, Progress, 199, 736 p.
14. Flier A. Ya., Levit A. Ya (Ed.) Cultural Adaptation [Adaptatsiya kulturnaya] *Kulturologiya XX vek. Slovar* (Culturology. XX Century. Dictionary). Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, 1997, pp. 15–17.
15. Shaymukhambetova G. B. Hegel and the East. The Principles of the Approach [Gegel i Vostok. Printsipy podkhoda]. Moscow, Nauka, 1995, 289 p.
16. Spengler O. The Decline of the West. Vol. I. Form and Actuality [Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. Ch. 1. Geshtalt i deystvitelnost]. Moscow, Mysl, 1998, 663 p.
17. Spengler O. The Decline of the West. Vol. II. Perspectives of World-History [Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. Ch. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy]. Moscow, Mysl, 1998, 606 p.
18. Jaspers K. The Origin and Goal of History [Smysl i naznachenie istorii]. Moscow, Respublika, 1994, 527 p.
19. Jung C. G., Malyavin V. V. (Comp.) A Commentary to the German Translation of Chinese Treatises “The Secret of the Golden Flower” and “The Book of Insight and Fortune” [Kommentariy k nemetskomu perevodu kitayskikh traktatov “Sekret Zolotogo Tsvetka” i “Kniga Prozreniy i Sudby”] *Voskhozhdenie k Dao* (An Ascent to Tao). Moscow, Natalis, 1997, pp. 276–306.
20. Jung C. G. The Difference between Eastern and Western Thinking [Razlichie zapadnogo i vostochnogo myshleniya] *Filosofskie nauki* (Russian Journal of Philosophical Sciences), 1988, № 10, pp. 93–110.
21. Baumann M. Buddhism in the West – Historical Development and Current Presence [Der Buddhismus im Abendland – Historische Entwicklung und gegenwärtige Präsenz]. *Der Kreis* (The Circle), № 215, Frühjahr, 1995, pp. 33–51.
22. Hegel G. W. F., Hans E. (Ed.) Lectures on the Philosophy of History [Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte]. *Werke, Bd. IX* (Works, Vol. IX). Berlin, 1837, 446 p.
23. Kantowsky D. (Ed.) Signs [Wegzeichen]. *Ulmer Kulturanthropologische Schriften, Bd. 2* (Ulmer Cultural and Anthropological Writings, Vol. 2), 1994, 267 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 612.821; 159.91

О трудной судьбе научного наследия В. С. Дерябина^{*}

Забродин Олег Николаевич – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации», кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6–8,
тел.: +7 950 030 48 92.

Авторское резюме

Предмет исследования: Освещение долгого пути к опубликованию результатов психофизиологических исследований В. С. Дерябина и причин их неприятия в 30–40-х гг. XX в.

Результаты: Исследования чувств, влечений и эмоций, выполненные В. С. Дерябиным и обобщенные им в одноименной монографии в 1928–1929 гг., опередили свое время. Этим были обусловлены три главные причины неприятия работ ученого к публикации. Первая из них – междисциплинарность, связанная с психофизиологическим подходом к изучению проблем психологии – сознания, самосознания, счастья и социальной психологии. Вторая причина – идеологические установки, согласно которым в мышлении и действиях советского человека ведущее место придавалось сознанию, а эмоциям отводилась второстепенная роль. Третьей причиной представляется нежелание ведущих авторитетов в изучении эмоций и влечений (мотиваций) признать приоритет своего предшественника В. С. Дерябина в исследуемых ими областях.

Выводы: Публикацию работ В. С. Дерябина значительно замедлили их междисциплинарность, психофизиологичность и приоритетность.

Ключевые слова: чувства; влечения; эмоции; междисциплинарность; идеологические установки; приоритетность.

^{*} © О. Н. Забродин, 2016.

The Fate of V. S. Deryabin's Scientific Legacy

Zabrodin Oleg Nikolaevich – Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, Anesthesiology and Resuscitation Department, Senior Research Worker, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

6–8 Lva Tolstogo str., Saint Petersburg, Russia, 197022,

tel: +7 950 030 48 92.

Abstract:

Aim: The analysis of the long way to go before V. S. Deryabin's scientific results publication and the reasons for their rejection in the 1930–1940s.

Results: As a scientist, V. S. Deryabin was years ahead of his time when he first studied feelings, inclinations and emotions, and then summarized the results in his monograph under the same title (1928–1929). The reasons that his works were not published are as follows. The first one is the interdisciplinary type of his research connected with psychophysiological approach to the problems of psychology, i. e. consciousness, self-consciousness, happiness and social psychology. The second reason is ideological principles according to which in Soviet people's thinking and actions consciousness was given a leading role while the supporting role was assigned to emotions. The third reason is the unwillingness of some researchers working in the same field to recognize the priority of their predecessor V. S. Deryabin.

Conclusion: The publication of V. S. Deryabin's works was considerably slowed down by their interdisciplinary character, psychophysiological orientation and priority.

Keywords: feelings; inclinations; emotions; interdisciplinary; ideological principles; priority.

Судьба научного наследия Викторина Сергеевича Дерябина оказалась тесно связанной с приоритетностью его исследований. Это, в первую очередь, относится к его «труду жизни» – монографии «Чувства, влечения и эмоции», при издании – «Чувства Влечения Эмоции» [7]. В 1928–1929 гг. он пишет первый вариант этой монографии, которая в случае опубликования могла бы стать первой у нас в стране книгой на эту тему. В ней он развивает свои представления о связи чувств, влечений и эмоций, их общей роли в интеграции психических процессов в жизни животных и человека. Над этой книгой ученый работал с небольшими перерывами вплоть до кончины.

Изучение проблемы эмоций, которой занимался В. С. Дерябин, осложнялось тем, что у нас в стране она находилась под жестким идеологическим контролем. Связано это было с тем, что эмоции относили к подсознанию, которое изучалось З. Фрейдом и его последователями. Учение З. Фрейда о бессознательном, которое определяет мысли и поступки человека, критиковалось у нас как реакционное направление в буржуазной психологии. С конца 20-х гг. XX в. книги З. Фрейда у нас перестали издаваться.

Мешала признанию работ В. С. Дерябина и их междисциплинарность. Дочь В. С. Дерябина, Нина Викториновна Дерябина, вспоминала, что отец возмущался тем, что те, к кому он обращался за рецензией на «Чувства, влечения и эмоции», ссылались на междисциплинарность работы, которая якобы не давала им, специалистам в своей области, рекомендовать ее к печати. Примером может служить отзыв профессора К. И. Поварнина, известного психиатра и ученика В. М. Бехтерева, на рукопись монографии «Чувства, влечения, эмоции», представленную ему В. С. Дерябиным. В своей рецензии от 04.06.1936 г. он писал следующее: «Не понятно, между прочим, почему автор ввел в свое сочинение главу о классовой психологии, весьма ответственную, но не соответствующую целеустановке его книги. Для оценки труда автора с философской точки зрения необходим отзыв специалиста философа» (личный архив О. Н. Забродина).

Подготовленная автором к печати в 1949 г. монография «Чувства, влечения и эмоции» получила положительные отзывы известных физиологов и клиницистов – Л. А. Орбели, Л. Н. Федорова, Ф. П. Майорова, В. В. Строганова, П. А. Останкова, но отзыв влиятельного рецензента закрыл книге путь к изданию. Есть основания считать, что таким влиятельным рецензентом был академик АМН СССР Анатолий Георгиевич Иванов-Смоленский, наделенный в 40-50-х гг. широкими полномочиями в отношении изданий в области физиологии высшей нервной деятельности (ВНД), психологии и психиатрии.

Причиной негативного отношения к изучению эмоций у нас в стране, по-видимому, явились идеологические установки того времени, согласно которым советский человек должен был руководствоваться в своих действиях не эмоциями, а сознанием, мышлением. Несмотря на это, В. С. Дерябин продолжал отстаивать свою концепцию о значительной роли потребностей и сигнализирующей о них аффективности (чувствах, влечениях и эмоциях) в организации поведения.

В 1951 г. в ведущих физиологических журналах появляются две его статьи: «Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности» [4] и «О путях развития учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности» [5]. В них он, опираясь на представления И. П. Павлова о том, что «подкорка оказывает положительное влияние на кору больших полушарий, выступая в качестве источника их силы» [33, с. 403], привлекает внимание физиологов к изучению чувств, влечений, эмоций и их субстрата – глубоких структур головного мозга. Представления о значительной роли «подкорковых узлов» в формировании эмоций, в мышлении и поведении животных и человека сложились у В. С. Дерябина в результате исследования психических нарушений у больных в исходных состояниях эпидемического энцефалита [3; 12; 21]. Такой подход контрастировал с принятой в 1950 г. Объединенной сессией Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященной научному наследию И. П. Павлова (т. н. «Павловской сессией»), установкой на изучение доминирующей роли коры головного мозга в регуляции всех жизненно важных функций организма.

Работу над монографией «Чувства, влечения и эмоции» оборвала скоропостижная смерть В. С. Дерябина, наступившая в январе 1955 г. В выступлении на Гражданской панихиде в связи с кончиной В. С. Дерябина академик Л. А. Орбели выразил стремление способствовать опубликованию его работ и в первую очередь монографии «Чувства, влечения и эмоции». Этому помешала смерть Л. А. Орбели, наступившая в декабре 1958 г.

Подобное же непонимание постигло и психофизиологический очерк «О счастье». В 1947 г. В. С. Дерябин предпринял попытку опубликовать «О счастье». Высокую оценку его работе дали директор ИЭМ АМН СССР член-корр. АМН СССР Л. Н. Федоров и зав. лабораторией физиологии высшей нервной деятельности Института физиологии им. И. П. Павлова профессор Ф. П. Майоров. Однако зав. редакцией философской литературы Гос. Издательства Политической Литературы (Госполитиздата) Каганов (имя и отчество в рецензии не приводятся) в своей рецензии на очерк «О счастье» отказал в его опубликовании на том основании, что в своей морально-философской части рукопись не выходит за пределы традиционной психологии. При этом он отметил, что «как психо-физиологическое исследование работа В. С. Дерябина, возможно, представит интерес для издательства типа Медгиза». По-видимому, как и в случае монографии «Чувства, влечения и эмоции», психофизиологический анализ переживания счастья, предпринятый В. С. Дерябиным, противоречил тогдашним философским и идеологическим взглядам на человека как на существо по преимуществу социальное. Очерк «О счастье» был опубликован в составе монографии В. С. Дерябина «Психология личности и высшая нервная деятельность» в 1980 г.[8].

Несмотря на неблагоприятные условия, Викторин Сергеевич писал свои научные труды «в стол», по-видимому, сознавая, что при жизни выхода их в свет не увидит. Упоминая о научном творчестве В. С. Дерябина, нельзя забыть его сестру Александру Сергеевну Дерябину, с которой он жил в последние годы в одной квартире по адресу ул. Декабристов, д. 30. А. С. Дерябина – учительница русского языка и литературы, не имевшая своей семьи, отдавала силы любимому делу и создавала благоприятные бытовые условия для работы брата. Свои основные работы теоретического плана он осуществлял в свободное от основной работы время или летом на отдыхе. Думается, что Викторин Сергеевич с его высокой требовательностью не только к содержанию, но и к форме написания своих работ, нередко советовался с сестрой по этому поводу.

Сам Викторин Сергеевич оставил посмертную публикацию своих работ на Л. Н. Дерябина – племянника и многолетнего сотрудника в проведении экспериментальных исследований. Л. Н. Дерябин после кончины В. С. Дерябина перешел на работу по другой тематике и защитил кандидатскую диссертацию: «Адаптационно-трофические влияния на сердце собаки в естественных условиях» [19]. Л. Н. Дерябин столкнулся с трудностями в опубликовании общих с В. С. Дерябиным и М. Дж. Кашкаем статей. С 1952 по 1959 г. их статьи по различным причинам не включали в «Сборник по

эволюционной физиологии» Института эволюционной физиологии (ИЭФ) АН СССР. Это заставило Л. Н. Дерябина в 1959 г. обратиться с запиской на имя директора ИЭФ-а члена-корреспондента АМН СССР А. Г. Гинецинского с просьбой помочь в публикации статей, закончив ее словами: «Отношение к нашей работе мы считаем несправедливой и немотивированной дискриминацией». Благодаря помощи А. Г. Гинецинского, статья В. С. Дерябина, Л. Н. Дерябина и М. Дж. Кашкая «Действие ацетилхолина на мышцы задней конечности собаки при половинной перерезке спинного мозга» была опубликована в следующем году в Физиологическом журнале СССР им. И. М. Сеченова [6].

От года кончины В. С. Дерябина – 1955 г. – до момента опубликования книги «Чувства Влечения Эмоции» в 1974 г. прошло 20 лет. За это время исследования эмоций у нас в стране и за рубежом ушли далеко вперед. У нас в 1966 г. появилась первая монография на эту тему: «Что такое эмоция?» [35], а затем книги «Эмоциональный мозг» (1981) [36] и «Мотивированный мозг», (1987) [37] П. В. Симонова. П. В. Симонов – ученик Э. А. Асратяна, который являлся учеником И. П. Павлова. П. В. Симонов стал в 60-е гг. пионером, лидером и в последующем своеобразным монополистом в исследовании эмоций у нас в стране. Этому способствовало то, что он вслед за Э. А. Асратяном в 1982 г. стал директором Института высшей нервной деятельности РАН, а также главным редактором «Журнала высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова».

С целью найти пути к опубликованию «Чувств, влечений и эмоций» Л. Н. Дерябин и автор этих строк в июле 1969 г. обратились к профессору П. В. Симонову, которому выслали авторский текст монографии В. С. Дерябина. В октябре того же года в ответном письме П. В. Симонов дал ее оценку. «Я внимательно ознакомился с рукописью В. С. Дерябина. В свое время работа, несомненно, представляла большой интерес и способствовала материалистическому пониманию физиологических механизмов эмоций. Она и сейчас интересна для историков науки. Что касается сколько-нибудь широкого круга читателей, физиологов и психологов, то на их внимание рассчитывать трудно...издание рукописи представляется мне малоцелесообразным, оно вызовет недоумение у читателей. Разумеется, это мое мнение может быть и ошибочным. Не следует ли поговорить с товарищами из Научного совета по физиологии в Ленинграде (В. Н. Черниговский, К. А. Ланге и др.)?» (Личный архив О. Н. Забродина).

Таким образом, следует быть благодарным П. В. Симонову за высказанный совет, который способствовал опубликованию книги В. С. Дерябина. Оценка П. В. Симоновым исследований эмоций, проводимых в нашей стране, имела решающее значение, что, представляется, оказало, в конечном счете, негативное влияние на отношение к работам В. С. Дерябина (на них ни П. В. Симонов, ни авторы ряда книг и брошюр об эмоциях не ссылались) и отсрочило выход в свет его неопубликованных работ.

Следует особо отметить положительную роль доктора биологических наук Кирилла Александровича Ланге, который сразу высоко оценил значение

«Чувств, влечений и эмоций» В. С. Дерябина, а в дальнейшем – его психофизиологических очерков «О сознании», «О Я» и «О счастье» и способствовал их быстрому изданию в виде монографии «Психология личности и высшая нервная деятельность» [8].

Книга «Чувства Влечения Эмоции» в значительно сокращенном варианте была опубликована в 1974 г. в издательстве «Наука» [7] и вызвала широкий читательский интерес, а также отклики физиологов и фармакологов [29] и психиатров [30]. Оригинальный авторский текст, насчитывающий 508 страниц машинописи и носивший первоначальное название «Чувства, влечения и эмоции», был сокращен более чем на треть. Был опущен подзаголовок монографии «Опыт изложения с психофизиологической точки зрения». Отчасти сокращения были связаны с ограниченным объемом издания. Значительное место (44 страницы) заняло редакторское предисловие, которое «потеснило» авторский текст.

Редакторы книги «Чувства Влечения Эмоции» В. М. Смирнов и А. И. Трохачев в кратком предисловии «Об авторе» писали: «Книга эта – своеобразная энциклопедия человеческих чувств, систематизированное научное описание внутренних состояний и внешнего поведения людей, переживающих горе и счастье, и испытывающих ненависть, гнев, страх, материнскую любовь. Главное в книге В. С. Дерябина – семиология физиологических и патологических эмоций, чувств и влечений» [38].

Таким образом, редакторы в оценке монографии В. С. Дерябина делали упор на внешней, описательной стороне его работы, с чем трудно согласиться. В связи с таким подходом в принятый к опубликованию текст не вошли разделы, которым сам автор придавал принципиальное значение. К ним относятся: «Чувствительность внутренних органов», «Роль симпатической нервной системы при боли», раздел, посвященный социальной психологии, и некоторые другие. Кроме того, нередко и сохраненные разделы были существенно сокращены.

В 1949 г., к 100-летию со дня рождения И. П. Павлова, В. С. Дерябин пишет три статьи, в которых применяет психофизиологический метод исследования. Первой была статья, посвященная воспоминаниям об учителе – Иване Петровиче Павлове [20]. В «Воспоминаниях» В. С. Дерябин дает анализ творческой личности И. П. Павлова и вместе с тем обосновывает принципы анализа личности выдающихся ученых, включающие их *психофизические конституции* (курсив мой – О. З.), которые могут быть применены при написании их биографий и исследовании научного творчества.

Второй статьей явилась статья «Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о “слитии” субъективного с объективным», которая была напечатана только в 2007 г. [14]. Можно предположить, что неопубликование статьи в свое время могло быть связано с междисциплинарным, в значительной степени – философским ее характером. В 40-х гг. философские проблемы – в частности, соотношения материального и идеального – находились под жестким контролем партийных идеологов: идеальное (психическое) ни в коем случае недопустимо было сводить к материальному, как это делали

французские энциклопедисты, в частности, Ж. Ламетри, и их последователи – «вульгарные материалисты» (Л. Бюхнер, К. Фохт, Я. Молешотт).

Междисциплинарный характер статьи, по-видимому, явился причиной отказа в ее публикации и в 90-х гг., когда она была представлена мною в редакцию «Российского физиологического журнала им. И. М. Сеченова». Причиной отказа редколлегией журнала явилось «несоответствие профилю журнала» с рекомендацией направить статью в один из журналов философского профиля.

Третья статья В. С. Дерябина – «Замечания по поводу брошюры академика И. С. Беритова “Об основных формах нервной и психонервной деятельности”» [13]. Статья посвящена критике представлений И. С. Беритова [1], отрицавшего возможность познания закономерностей психических процессов у животных и человека с помощью учения И. П. Павлова о ВНД. Есть основания полагать, что В. С. Дерябин отказался от публикации статьи, не желая участвовать в пристрастной критике академика И. С. Беритова, а также учеников И. П. Павлова, развернувшейся во время и после «Павловской сессии».

В статье, методологической по содержанию, В. С. Дерябин выдвигает положение о том, что движущей силой поведения животных и человека являются потребности, точнее – чувства, влечения и эмоции, которые сигнализируют о потребностях и побуждают психику и поведение к их удовлетворению. Возражая против представлений И. С. Беритова о якобы спонтанной деятельности головного мозга, В. С. Дерябин приводит примеры нервных, гуморальных и гормональных эндогенных влияний, активирующих психическую деятельность коры головного мозга.

Попытка опубликовать эту статью В. С. Дерябина и мою статью о ней «Представления В. С. Дерябина о путях разработки психофизиологической проблемы в свете его статьи “Замечания по поводу брошюры академика И. С. Беритова “Об основных формах нервной и психонервной деятельности”» в конце 90-е гг. в «Российском физиологическом журнале им. И. М. Сеченова» также закончилась неудачей. В отзыве рецензента писалось: «Сама динамика разработки этой проблемы за истекшие 40 лет способствовала появлению многих новых психофизиологических критериев оценки соотношения объективного и субъективного компонентов поведения, которые в настоящее время используются при выполнении экспериментальных работ этого профиля. С учетом этого полагаю, что рецензируемая статья со временем утратила свою актуальность и рекомендовать ее к публикации потеряло смысл». В этой рецензии на работу, написанную за 50 лет до того, звучит оценка ее не с точки зрения приоритетности выдвинутых в ней положений, а с точки зрения прогресса научных знаний, накопленных за последующий период. В заключении редколлегии журнала предложено направить представленные работы «в один из исторических журналов, где они скорее найдут заинтересованных читателей».

Таким образом, для оценки работ В. С. Дерябина в 70–90-х гг. характерны два подхода, затруднявшие их публикацию. Первый связан с их междисциплинарностью, не позволявшей причислить их к одной из научных

дисциплин – физиологии, психологии, философии. Второй подход, отрицавший приоритетность и актуальность работ, позволял отнести их в лучшем случае к истории науки.

После выхода в свет двух монографий В. С. Дерябина назрела необходимость опубликования его ненапечатанных работ психофизиологического содержания. В связи с этим автор этих строк в июне 1985 г. обратился к зав. отделом экологической физиологии ИЭМ АМН СССР профессору Николаю Николаевичу Василевскому с просьбой оказать содействие в этом деле. Н. Н. Василевский с большим интересом ознакомился с работами В. С. Дерябина и предложил издать их в виде тома избранных трудов под заглавием: «Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова». В своем обращении к директору ИЭМ АМН СССР академику Н. П. Бехтеревой от 10.06.1985 г. он писал следующее: «В целом идею издания тома избранных трудов проф. В. С. Дерябина следует поддержать как нужную, прогрессивную, важную для современного исследования и как необходимую в деле пропаганды и защиты научных приоритетов выдающихся деятелей отечественной науки. В этом томе нам представляется целесообразным поместить следующие работы В. С. Дерябина:

1. Монографию “Психология личности и высшая нервная деятельность” (с сокращениями).

2. Части из монографии “Чувства, влечения, эмоции” (также с некоторыми сокращениями). Эти две работы могут составить первый базисный раздел, исключительно важный для современной науки.

3. Статью “Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о слиянии субъективного с объективным” (в рукописи).

4. Статью в журнале ВНД за 1951 г: “Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности”. Эти две статьи посвящены проблемам павловского наследия.

5. Статью “О некоторых законах диалектического материализма в психологии” (с сокращениями). Статья в рукописи.

6. Статью “О потребностях и классовой психологии” (в рукописи).

Эти две статьи следует опубликовать в томе как представляющие большой интерес с методологической точки зрения.

Таким образом, в томе избранных трудов можно будет выделить три раздела, полно отражающих творческий путь проф. В. С. Дерябина и содержащих не утратившие до сих пор актуальности научные трактовки ряда сложных явлений психической деятельности мозга человека и животных. Общий объем тома избранных трудов не превысит 25–30 п. л.».

Н. Н. Василевский предполагал его включение в план научных изданий ИЭМ-а за 1986 г., однако это не состоялось. С целью способствовать публикации трудов В. С. Дерябина, Н. П. Бехтерева посоветовала нам – Н. Н. Василевскому и автору этих строк – подготовить для нее проект письма к член-корр. АН СССР П. В. Симонову, возглавлявшему «Совет АН СССР по комплексным проблемам физиологии высшей нервной деятельности», с просьбой дать заключение о возможности публикации книги избранных трудов

В. С. Дерябина. Подготовленный нами проект письма содержал следующее.

«Глубокоуважаемый Павел Васильевич!

Обращаюсь к Вам с просьбой – дать заключение о возможности опубликования книги профессора В. С. Дерябина (1875–1955) «Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова» через возглавляемый вами Совет АН СССР по комплексным проблемам физиологии высшей нервной деятельности.

Объединенные в книгу работы автора методологически едины с его книгами «Чувства Влечения Эмоции» (1974) и «Психология личности и высшая нервная деятельность» (1980). Работы написаны одним из старейших учеников И. П. Павлова в первой половине 50-х годов и посвящены изучению биологических и социальных аспектов психофизиологической проблемы в свете положений диалектического материализма и учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. Большая часть их ранее не публиковалась. Содержание работ достаточно подробно освещено в прилагаемых «Плане-проспекте» и «Аннотации»... В целом издание книги В. С. Дерябина представляется важным для современного исследования и необходимым в деле пропаганды и защиты научных приоритетов выдающихся деятелей отечественной науки.

Проект письма составили профессор Н. Н. Василевский и д. мед. н. О. Н. Забродин. 15 февраля 1987 года».

Н. П. Бехтерева в целом одобрила содержание письма, и оно в июне того же года было направлено П. В. Симонову. В ответном письме П. В. Симонов предложил в качестве лучшего варианта осуществить депонирование работ В. С. Дерябина, что позволило бы «всем, интересующимся историей науки», ознакомиться с ними. С учетом того, что В. С. Дерябин писал свои работы психофизиологического содержания в основном в расчете на широкую читательскую аудиторию, на этот вариант Н. Н. Василевский и автор этих строк по понятным причинам пойти не могли.

Следующим этапом попыток опубликования избранных трудов В. С. Дерябина явилось моя заявка в январе 1988 г. в Ленинградское отделение издательства «Наука» с просьбой включить в план издательства книгу В. С. Дерябина «Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова», в которую были включены его упомянутые выше избранные труды. К заявке была приложена рецензия Н. Н. Василевского на авторский текст, предлагаемый к изданию. К сожалению, заявка эта не была удовлетворена.

Большие трудности возникли и при попытке к изданию социопсихофизиологической работы В. С. Дерябина «О потребностях и классовой психологии». Уже само название могло отпугнуть в годы начавшейся перестройки, когда понятия «классы», «классовая психология» были поставлены под сомнение или отменены.

В связи с подготовкой «Психологической энциклопедии СССР», организованной Институтом психологии АН СССР, в сентябре 1988 г. направил зав. группой истории психологии этого института Вере Александровне Кольцовой персоналий о В. С. Дерябине, архивные материалы о нем, оттиски

его работ, в частности, неопубликованную статью «Психотехника в военном деле». В ответном письме В. Н. Кольцова заверила, что присланный персоналий о В. С. Дерябине соответствует требованиям, что же касается статьи «Психотехника в военном деле», то, несмотря на значительный интерес, который она представляет, опубликована она быть не может. Причина та, что прислана была копия статьи, а не авторский оригинал. В заключении В. Н. Кольцова предложила передать документы, касающиеся В. С. Дерябина, на хранение в Научный архив Института психологии АН СССР. На подобное предложение я не мог решиться, т. к. предполагал и в дальнейшем работать с этими документами. По-видимому, в связи с распадом Советского Союза работа над «Психологической энциклопедией СССР» была прекращена.

Ознакомление специалистов в области истории социологии с работами В. С. Дерябина началось в 2003 г. благодаря появившейся для меня возможности участвовать с докладами в ежегодных «Герценовских чтениях», проводимых в Российском государственном педагогическом университете (РГПУ) им. А. И. Герцена на кафедре истории социологических теорий, руководимой профессором А. В. Воронцовым.

В результате в сборниках «Герценовских чтений» в 2003–2010 гг. появились следующие мои статьи о работах В. С. Дерябина: «О работе В. С. Дерябина “О потребностях и классовой психологии”» (2003), «О работе В. С. Дерябина “Об эмоциях, связанных со становлением в социальной среде” и критике в ней теории Альфреда Адлера» (2004), «О приоритетности психофизиолого-социологических исследований В. С. Дерябина» (2008), «Работа В. С. Дерябина “Задачи и возможности психотехники в военном деле” и ее современные аспекты» (2010).

Существенную помощь в издании статей В. С. Дерябина оказал главный редактор журнала «Психофармакология и биологическая наркология» профессор Петр Дмитриевич Шабанов, который способствовал опубликованию в этом журнале статей: «О закономерности психических явлений» [12], «Замечания по поводу брошюры академика И. С. Беритова “Об основных формах нервной и психонервной деятельности”» [13], «Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о “слитии” субъективного с объективным» [14] и «Задачи и возможности психотехники в военном деле» [15].

Мои обращения в книжные издательства, специализирующиеся на издании психологической литературы, с целью переиздания книг В. С. Дерябина, например, в издательство «Питер», были неудачными. В последнем случае отказ был связан с опасениями главного редактора о том, что книга не будет реализована в достаточно короткий срок. Помощь пришла от давнего коллеги В. С. Дерябина по совместной работе у Л. А. Орбели в физиологическом отделении Естественно-научного института им. П. Ф. Лесгафта АПН СССР доктора медицинских наук Бориса Федоровича Сергеева. Он порекомендовал обратиться в московское издательство URSS, в котором было издано несколько его книг, посвященных нейрофизиологии. В результате моего обращения в это издательство в 2008 г. были заключены договоры на переиздание книг В. С. Дерябина «Чувства Влечения Эмоции» и «Психология личности и высшая

нервная деятельность», которые вышли из печати в 2010 г., а «Чувства Влечения Эмоции» – третьим, дополненным изданием в 2013 г.

Социопсихофизиологические работы В. С. Дерябина «О некоторых законах диалектического материализма в психологии» и «О потребностях и классовой психологии» также долгое время не удавалось опубликовать. По этому поводу обращался к психологам, философам и даже к политическим деятелям. Весной 1984 г. обратился за рецензией на работу «О потребностях и классовой психологии» к признанному авторитету в области социальной психологии профессору Борису Дмитриевичу Парыгину, который в ту пору работал в Институте социально-экономических проблем в Ленинграде. Б. Д. Парыгин, которого считают основоположником научной социальной психологии в России, признал работу В. С. Дерябина приоритетной и согласился в случае ее опубликования написать предисловие.

Вместе с тем, известный психолог М. Г. Ярошевский, которому посылал на отзыв работу В. С. Дерябина «О потребностях и классовой психологии», в своем письменном отзыве не нашел для себя какой-либо связи между главами «Об органических потребностях» и «Классовая психология» этой работы. Подобное отношение, как представляется, отражает традиционные взгляды психологов на социальную психологию как науку, далекую от психофизиологии. Так, в известной монографии Б. Д. Парыгина «Социальная психология», 2003 [34] даже нет термина «психофизиология» и упоминания о нашем великом исследователе физиологических основ психической деятельности И. П. Павлове.

Историю попыток опубликовать работу «О потребностях и классовой психологии» продолжил, обратившись к первому секретарю Российской Коммунистической рабочей партии (РКРП) Виктору Аркадьевичу Тюлькину. Он любезно согласился ознакомиться с работой «О потребностях и классовой психологии» и предположил возможность ее опубликования в международном журнале «Марксизм и современность» (Киев). Позднее встречался и с приехавшей из Киева главным редактором этого журнала и Председателем Союза Коммунистов Украины Тамилей Иосифовной Ябровой. Однако по неизвестным мне причинам публикация труда В. С. Дерябина, основанного на принципах марксистской философии, так и не состоялась. В заключение при встрече В. А. Тюлькин сказал мне, что считает работу В. С. Дерябина трудной для понимания. По-видимому, необычный психофизиологический подход, далекий от общепризнанных, затруднял рецензентам понимание содержания этих работ.

Вторая работа В. С. Дерябина – «О некоторых законах диалектического материализма в психологии» – была закончена автором в 1954 г. и направлена в журнал «Вопросы философии». Ответное письмо зам. зав. отделом журнала И. Новинского пришло в январе 1955 г., вскоре после кончины В. С. Дерябина. В нем автор письма выражал заинтересованность в опубликовании статьи и вместе с тем отметил ее преждевременность. Для рецензента осталось неясным, «в чем выражается суть единства и борьбы противоположностей как движущей силы психического развития». В связи с этим он порекомендовал автору

провести дальнейшую работу с целью подробнее осветить изложенные в статье «некоторые закономерности психических процессов», а также сократить объем статьи (53 стр.) страниц на 15.

По поводу публикации этой философской статьи В. С. Дерябина в мае 1988 г. обратился с письмом к главному редактору журнала «Вопросы философии» В. А. Лекторскому. В подробном письме писал о системном подходе В. С. Дерябина к изучению человека, лишенном крайностей биологизации и социологизации. Как пример философских взглядов автора одновременно послал в журнал его статью «Замечания по поводу брошюры академика И. С. Беритова “Об основных формах нервной и психонервной деятельности”». В то же время обратился с вопросом о возможности рассмотрения редколлегией журнала статей В. С. Дерябина философской направленности. Краткий ответ научного консультанта журнала от 09.12.1988 г. гласил: «Присланный Вами материал рассматривался в отделе диалектического материализма. Сообщаем, что он не соответствует профилю нашего журнала, поскольку представляет собой именно *психологическое исследование* (курсив мой – О. З.). Поэтому публикация статей В. С. Дерябина в философском журнале не представляется целесообразной».

Вопрос о психофизиологических механизмах передачи социальных влияний на психику и поведение человека не исследовался советскими психологами в 50-е гг., когда были написаны последние работы В. С. Дерябина, не исследовался он психологами и в последующие десятилетия, что делает эти работы приоритетными и актуальными.

В целом, научное наследие В. С. Дерябина и, в первую очередь, учение о физиологических основах аффективности, основные положения которого изложены в его монографии «Чувства Влечения Эмоции», и в настоящее время не получило должного признания. Ведущие исследователи эмоций (П. В. Симонов) и мотиваций (К. В. Судаков) не ссылались на работы В. С. Дерябина даже в научно-историческом аспекте.

Свою историю имели и мои попытки опубликования письма В. С. Дерябина ко мне – «Путевка в жизнь» (далее – «Письмо»). Сокращенный вариант письма был опубликован в журнале «Костер» в адаптированном для подростков варианте в № 7 за 1987 г. [9]. В октябре 1987 г. был на презентации Даниилом Александровичем Граниным его книги «Зубр» в Доме Писателя еще до его пожара. После окончания презентации подошел к нему и подарил книгу В. С. Дерябина «Психология личности и высшая нервная деятельность», раздел которой «О счастье» мог заинтересовать писателя. Спустя год обратился к нему с письмом за советом о путях опубликования «Письма». В ответном письме от 15.11.1988 г. Даниил Александрович посоветовал: «Попробуйте послать письмо В. С. Дерябина в журнал “Аврора”. Это молодежный журнал, за последнее время он стал весьма неплохим. Обратитесь к главному редактору, который с интересом примет Ваше предложение. Д. А. Гранин».

Следуя совету уважаемого писателя, обратился к главному редактору «Авроры» Эдуарду Алексеевичу Шевелеву, однако редколлегия журнала отклонила его, посчитав недостаточно современным.

Следующим этапом явилось мое письмо, отправленное летом 1988 г. главному редактору журнала «Урал», находившегося в Свердловске, т. е. почти на родине В. С. Дерябина. В ответном письме, отклоняя публикацию, зав. отделом очерка и публицистики писал следующее: в «Письме» содержатся «вечномудрые истины», однако воспринимаются они как прописи, «отвлеченные поучения без конкретного жизненного фона... без активного вторжения во время. Тем более, когда речь идет о последних годах жизни нашей страны». В этой оценке, по-видимому, уже сказывались идеологические установки перестройки, а последние слова, к сожалению, оказались пророческими.

Не удовлетворившись подобным ответом, в том же 1988 г. связался с журналом «Юность», полагая, что «Письмо» обращено не только ко мне, но и к «юноше, обдумывающем житье». Отказ в публикации звучал так: «Портфель редакции катастрофически переполнен, и нам приходится отказываться даже от очень сильных материалов».

Попытки опубликования «Письма» привели меня в журнал «Нева» к его замечательному главному редактору и обаятельному человеку Борису Николаевичу Никольскому, с которым имел редкую радость общения в течение многих лет. Глубоко благодарен ему и редактору журнала Борису Соломоновичу Давыдову за внимательное отношение, редактирование и содействие опубликованию «Письма». Оно было напечатано в сокращенном варианте в № 7 журнала «Нева» за 1994 г [10]. Полный текст письма увидел свет в 2005 г. в отечественном журнале, носящем оригинальное название «Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae» («Журнал оториноларингологии и респираторной патологии») [11]. Главным редактором этого журнала был всемирно известный отоларинголог и мой сокурсник профессор Мариус Стефанович Плужников, который считал возможным после статей по научной специальности публиковать статьи по медицинской этике, а также воспоминания об учителях, способствовавших становлению молодых людей в науке и медицинской специальности. Эту добрую традицию продолжает ученик и преемник в заведовании кафедрой оториноларингологии профессор Сергей Анатольевич Карпищенко, который способствовал напечатанию моих статей о В. С. Дерябине: «Три письма из 44-го. Отзвуки прошлого» [22], «Творчество Л. Н. Толстого в психофизиолого-социологических исследованиях В. С. Дерябина» [23] и «Его глазами» [27].

Таким образом, как в отношении научных работ В. С. Дерябина, так и в отношении к «Письму» со стороны редакторов журналов и издательств чувствовалось ощущение их «несовременности», «устарелости»: сейчас другие люди, другие взгляды, сейчас так не думают и не поступают. В связи с этим представляется, что В. С. Дерябин – ученый, посвятивший себя изучению науки «человекознание», в «Письме» обращает внимание на общие для людей психофизиологические черты, не зависящие от времени, в котором они живут. Такой «вневременной» характер «Письма» делает его зачастую неприемлемым с позиций преходящих взглядов своего времени.

Несмотря на такое непонимание, появились отклики на работы В. С. Дерябина физиологов, психиатров и философов, подчеркивающие их приоритет [2; 29; 30]. Среди них следует особенно отметить рецензию известного нейропсихолога Д. В. Олышанского на книгу «Психология личности и высшая нервная деятельность». В конце ее он подчеркнул, что В. С. Дерябин значительно опередил своё время в «построении физиологии её (психической деятельности человека – О. З.) целостных форм, попытке ответа на вопрос о физиологических механизмах наиболее сложных видов сознательного, целенаправленного и саморегулирующегося поведения» [31, с. 61].

Статья В. С. Дерябина «О потребностях и классовой психологии» получила высокую оценку с философских позиций: «Предложенная им (В. С. Дерябиным – О. З.) схема формирования классовой идеологии является, по существу, не только важным фундаментом для развития теории личности, но и оригинальным направлением обоснования концепции исторического материализма К. Маркса» [32, с.131].

Важным этапом в популяризации научного наследия В. С. Дерябина явилась публикация его работ, посвященных социальной психологии с единых социопсихофизиологических позиций, в сетевом журнале «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе». Благодаря доброжелательному отношению и пониманию философских аспектов работ В. С. Дерябина со стороны главного редактора этого журнала профессора Сергея Владимировича Орлова, в нем в 2013–2014 гг. были опубликованы три статьи последних лет ученого: «О потребностях и классовой психологии» [16], «О некоторых законах диалектического материализма в психологии» [17] и «Эмоции, порождаемые социальной средой» [18]. Кроме того, там же увидели свет статьи о нем: «О жизненном и научном пути В. С. Дерябина» [28] и его научном творчестве [24–26]. Таким образом, спустя 60 лет после кончины ученого продолжилась посмертная жизнь его научного творчества.

Список литературы

1. Беритов И. С. Об основных формах нервной и психонервной деятельности. – М.: Изд. АН СССР, 1947. – 116 с.
2. Борзунова А. С., Васюков Н. М. Единство биологического и социального и психофизиологическая проблема. Рецензия на книгу В. С. Дерябина «Психология личности и высшая нервная деятельность» // Физиология человека. – 1982. – Т. 8, № 6. – С. 1045–1047.
3. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений // Иркутский медицинский журнал. – 1927. – Т. 5, № 6. – С.1–14.
4. Дерябин В. С. Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 1951. – Т. 1, В. 6. – С. 889–901.
5. Дерябин В. С. О путях развития учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности // Физиологический журнал СССР им. И. М. Сеченова. – 1951. – Т. 37, В. 2. – С. 140–144.

6. Дерябин В. С., Дерябин Л. Н., Кашкай М.-Дж. Действие ацетилхолина на мышцы задней конечности собаки при половинной перерезке спинного мозга // Физиологический журнал СССР им. И. М. Сеченова. – 1960. – Т. 46, № 2. – С. 1471–1475.
7. Дерябин В. С. Чувства, влечения и эмоции: О психологии, психопатологии и физиологии эмоций. Изд. 3-е. – М.: Изд. ЛКИ. – 2013. – 224 с.
8. Дерябин В. С. Психология личности и высшая нервная деятельность: Психофизиологические очерки. Изд. 2-е, доп. – М.: Изд. ЛКИ, 2010. – 202 с.
9. Дерябин В. С. Путевка в жизнь // Костер. – 1987. – № 7 – С. 16–19.
10. Дерябин В. С. Письмо внуку // Нева. – 1994. – № 7. – С. 146–156.
11. Дерябин В. С. Письмо внуку // Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae. – 2005. – Вып. 11. – № 3–4. – С. 57–78.
12. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений (публичная вступительная лекция) // Психофармакология и биологическая наркология. – 2006. – Т. 6. – В. 3. – С. 1315–1321.
13. Дерябин В. С. Замечания по поводу брошюры академика И. С. Беритова «Об основных формах нервной и психонервной деятельности» // Психофармакология и биологическая наркология. – 2006. – Т. 6, В. 4. – С. 1397–1403.
14. Дерябин В. С. Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о «слитии» субъективного с объективным // Психофармакология и биологическая наркология. – 2007. – Т. 7. – В. 3–4. – С. 2002–2007.
15. Дерябин В. С. Задачи и возможности психотехники в военном деле // Психофармакология и биологическая наркология. – 2009. – Т. 9. – В. 3–4. – С. 2598–2604.
16. Дерябин В. С. О потребностях и классовой психологии (Публикация О. Н. Забродина) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – № 1. – С. 109–136. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=313> (дата обращения 01.02.2016).
17. Дерябин В. С. О некоторых законах диалектического материализма в психологии // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 2. – С. 87–119. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1055> (дата обращения 01.02.2016).
18. Дерябин В. С. Эмоции, порождаемые социальной средой // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 3. – С. 115–146. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1203> (дата обращения 01.02.2016).
19. Дерябин Л. Н. Адаптационно-трофические влияния на сердце собаки в естественных условиях. Автореферат дисс. канд. мед. наук. – Л., 1961. – 16 с.
20. Забродин О. Н. Воспоминания В. С. Дерябина об И. П. Павлове. Опыт психофизиологического анализа творческой личности учёного // Физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 1994. – Т. 80. – № 8. – С. 139–143.

21. Забродин О. Н. Вклад В. С. Дерябина в исследование психических нарушений у больных эпидемическим энцефалитом // Журнал неврологии и психиатрии. – 2012. – Т. 112. – № 3. – С. 72–75.
22. Забродин О. Н. Три письма из 44-го. Отзвуки прошлого // Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae. – 2012. – Вып. 18. – № 3. – С. 68–73.
23. Забродин О. Н. Творчество Л. Н. Толстого в психофизиолого-социологических исследованиях В. С. Дерябина // Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae. – 2013. – Вып. 19. – № 1. – С. 50–56.
24. Забродин О. Н. Психофизиологическая проблема – сквозная в творчестве В. С. Дерябина // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 1 (3). – С. 128–146. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=949> (дата обращения 01.02.2016).
25. Забродин О. Н. Социопсихофизиологический анализ счастья в работе В. С. Дерябина «О счастье» // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2015. – № 2 (8). – С. 86–102. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1643> (дата обращения 01.02.2016).
26. Забродин О. Н. Социопсихофизиологический анализ сознания и самосознания в работах В. С. Дерябина «О сознании» и «О Я» // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2015. – № 3 (9). – С. 24–45. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1777> (дата обращения 01.02.2016).
27. Забродин О. Н. Его глазами // Folia Otorhinolaryngologiae Et Pathologiae Respiratoriae. – 2015. – Вып. 21. – № 1. – С. 45–62.
28. Забродин О. Н. О жизненном и научном пути В. С. Дерябина (к 140-летию со дня рождения) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2016. – № 4 (10) – С. 84–114. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1923> (дата обращения 01.02.2016).
29. Лапина И. А., Забродин О. Н. Книга о проблеме эмоций: Рецензия на книгу В. С. Дерябина «Чувства. Влечения. Эмоции» // Физиология человека. – 1975. – Т. 1. – № 3. – С. 573–574.
30. Лебедев Б. А., Коган С. И. Рецензия на книгу В. С. Дерябина «Чувства. Влечения. Эмоции» // Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. – 1976. – Т. 76. – В. 3. – С. 463–464.
31. Олышанский Д. В. Рецензия на книгу В. С. Дерябина «Психология личности и высшая нервная деятельность (психофизиологические очерки)» // Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. – 1983. – Т. 83. – В. 4. – С. 618–620.
32. Орлов С. В. Комментарии философа к статье В. С. Дерябина «О потребностях и классовой психологии» // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – № 1. – С. 131–137. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=320> (дата обращения 01.02.2016).
33. Павлов И. П. Физиология и патология высшей нервной деятельности // Полное собрание сочинений: Т. 3, кн. 2. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1951. – С. 383–408.

34. Парыгин Б. Д. Социальная психология: Учебное пособие. – СПб.: Гуманитарный университет профсоюзов, 2003. – 615 с.
35. Симонов П. В. Что такое эмоция? – М.: Наука, 1966. – 94 с.
36. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. – М.: Наука, 1981. – 215 с.
37. Симонов П. В. Мотивированный мозг. – М.: Наука, 1987. – 238 с.
38. Смирнов В. М., Трохачев А. И. О психологии, психопатологии и физиологии эмоций. Вступительная статья к книге В. С. Дерябина «Чувства. Влечения. Эмоции». – Л.: Наука, 1974. – С. 8–51.

References

1. Beritov I. S. About the Main Forms of Nervous and Psychoneural Activity [*Ob osnovnykh formakh nervnoy i psikhonervnoy deyatel'nosti*]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1947, 116 p.
2. Borzunova A. S., Vasyukov N. M. Unity of Biological and Social and Psycho-Physiological Problem. V. S. Deryabin's "Psychology of the Personality and Higher Nervous Activity" Review [Edinstvo biologicheskogo i social'nogo i psihofiziologicheskaya problema. Recenziya na knigu V. S. Deryabina "Psikhologiya lichnosti i vysshaya nervnaya deyatel'nost'"]. *Fiziologiya cheloveka* (Human Physiology), 1982, Vol. 8, № 6, pp. 1045–1047.
3. Deryabin V. S. About Regularity of the Mental Phenomena [O zakonomernosti psikhicheskikh yavleniy]. *Irkutskiy Medicinskiy Zhurnal* (Irkutsk Medical Journal), 1927, Vol. 5, № 6, pp. 1–14.
4. Deryabin V. S. Affectivity and Regularities of Higher Nervous Activity [Affektivnost i zakonomernosti vysshey nervnoy deyatel'nosti]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti im. I. P. Pavlova* (I. P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity), 1951, Vol. 1, № 6, pp. 889–901.
5. Deryabin V. S. About the Ways of Development of the I. P. Pavlov's Doctrine about Higher Nervous Activity [O putyakh razvitiya ucheniya I. P. Pavlova o vysshey nervnoy deyatel'nosti]. *Fiziologicheskii zhurnal SSSR imeni I. M. Sechenova* (I. M. Sechenov Physiological Journal of the USSR), 1951, Vol. 37, № 2, pp. 140–144.
6. Deryabin V. S., Deryabin L. N., Kashkay M.-J. The Effect of Acetylcholine on the Muscles of the Hind Limb of Dogs at Half Transaction of the Spinal Cord [Deystvie acetilholina na myshcy zadney konechnosti sobaki pri polovinnoy pererezke spin'nogo mozga]. *Fiziologicheskii zhurnal SSSR imeni I. M. Sechenova* (I. M. Sechenov Physiological Journal of the USSR), 1960, Vol. 46, № 12, pp. 1471–1475.
7. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations, Emotions: About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [*Chuvstva, vlecheniya, emotsii. O psikhologii, psikhopatologii i fiziologii emotsiy*]. Moscow, LKI, 2013, 224 p.
8. Deryabin V. S. Personality Psychology and Higher Nervous Activity: Psycho-Physiological Essays [*Psikhologiya lichnosti i vysshaya nervnaya deyatel'nost: Psikhofiziologicheskie ocherki*]. Moscow, LKI, 2010, 202 p.
9. Deryabin V. S. Road to Life [Putevka v zhizn]. *Koster* (Fire), 1987, № 7, pp. 16–19.

10. Deryabin V. S. A Letter to the Grandson [Pismo vnuku]. *Neva* (Neva), 1994, № 7, pp. 146–156.
11. Deryabin V. S. A Letter to the Grandson [Pismo vnuku]. *Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae*, 2005, Vol. 11, № 3–4, pp. 57–78.
12. Deryabin V. S. About the Regularity of the Mental Phenomena (Public Introductory Lecture) [O zakonornosti psikhicheskikh yavleniy (publichnaya vstupitelnaya lektsiya)]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2006, Vol. 6, № 3, pp. 1315–1321.
13. Deryabin V. S. Remarks Concerning the Brochure of the Academician I. S. Beritov “About the Main Forms of Nervous and Psychoneural Activity” [Zamechaniya po povodu broshury akademika I. S. Beritova “Ob osnovnykh formakh nervnoy i psikhonervnoy deyatel’nosti”]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2006, Vol. 6, № 4, pp. 1397–1403.
14. Deryabin V. S. Psycho-Physiological Problem and I. P. Pavlov’s Doctrine about “Conjointery” of Subjective with Objective [Psikhofiziologicheskaya problema i uchenie I. P. Pavlova o “slitii” subektivnogo s obektivnym]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2007, Vol. 7, № 3–4, pp. 2002–2007.
15. Deryabin V. S. Problems and Opportunities of Psychotechnique in Military Affairs [Zadachi i vozmozhnosti psikhotekhniki v voennom dele]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2009, Vol. 9, № 3–4, pp. 2598–2604.
16. Deryabin V. S. On the Needs and Psychology of Classes (O. N. Zabrodin’s Publication) [O potrebnostyakh i klassovoy psikhologii (Publikatsiya O. N. Zabrodina)]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2013, № 1, pp. 109–139. Available at: <http://fikio.ru/?p=313> (accessed 01 February 2016).
17. Deryabin V. S. About Some Laws of Dialectical Materialism in Psychology [O nekotorykh zakonakh dialekticheskogo materializma v psikhologii]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 2 (4), pp. 87–119. Available at: <http://fikio.ru/?p=1055> (accessed 01 February 2016).
18. Deryabin V. S. Emotions Provoked by the Social Environment [Emotsii, porozhdaemye sotsialnoy sredoy]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 3, pp. 115–146. Available at: <http://fikio.ru/?p=1203> (accessed 01 February 2016).
19. Deryabin L. N. Adaptation-Trophic Influences on a Heart of a Dog under Natural Conditions. [Adaptacionno-troficheskie vliyaniya na serdce sobaki v estestvennykh usloviyakh. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata meditsinskikh nauk]. Abstract of the Ph. D. Degree Thesis in Medical Sciences. Leningrad, 1961, 16 p.

20. Zabrodin O. N. V. S. Deryabin's Memories of I. P. Pavlov. The Experience of the Psycho-Physiological Analysis of the Creative Personality of the Scientist [Vospominaniya V. S. Deryabina ob I. P. Pavlove. Opyt psikhofiziologicheskogo analiza tvorcheskoy lichnosti uchenogo]. *Fiziologicheskiy zhurnal imeni I. M. Sechenova* (I. M. Sechenov Physiological Journal), 1994, Vol. 80, № 8, pp. 139–143.

21. Zabrodin O. N. The Contribution of V. S. Deryabin to the Research of Mental Violations of Patients with Epidemic Encephalitis [Vklad V. S. Deryabina v issledovanie psikhicheskikh narusheniy u bolnykh epidemicheskim encefalitom]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S. S. Korsakova* (S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry), 2012, Vol. 112, № 3, pp. 72–75.

22. Zabrodin O. N. Three Letters from the 44-th. Echoes of the Past [Tri pisma iz 44-go. Otvuki proshlogo]. *Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae*, 2012, Vol. 18, № 3, pp. 68–73.

23. Zabrodin O. N. The Work of L. N. Tolstoy in Psycho-Physiological and Sociological Research of V. S. Deryabin [Tvorchestvo L. N. Tolstogo v psikhofiziologo-sotsiologicheskikh issledovaniyakh V. S. Deryabina]. *Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae*, 2013, Vol. 19, № 1, pp. 50–56.

24. Zabrodin O. N. Psycho-Physiological Problem is a Fundamental Problem in V. S. Deryabin's Works [Psikhofiziologicheskaya problema – skvoznaya v tvorchestve V. S. Deryabina]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 1 (3), pp. 128–146. Available at: <http://fikio.ru/?p=949> (accessed 01 February 2016).

25. Deryabin V. S. Socio-Psychophysiological Analysis of Happiness in V. S. Deryabin's Monograph "About Happiness" [Sociopsikhofiziologicheskii analiz schastya v rabote V. S. Deryabina "O schaste"] *Filosofiya i humanitarnye nauki v informacionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2015, № 2 (8), pp. 86–102. Available at: <http://fikio.ru/?p=1643> (accessed 01 February 2016).

26. Deryabin V. S. Socio-Psychophysiological Analysis of Consciousness and Self-Consciousness in the Works of V. S. Deryabin "About Consciousness" and "About Ego" [Sotsiopsikhofiziologicheskii analiz soznaniya i samosoznaniya v rabotakh V. S. Deryabina "O soznanii" i "O Ya"] *Filosofiya i humanitarnye nauki v informacionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2015, № 3 (9), pp. 24–45. Available at: <http://fikio.ru/?p=1777> (accessed 01 February 2016).

27. Zabrodin O. N. By His Eyes [Ego glazami]. *Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae*, 2015, Vol. 21, № 1, pp. 45–62.

28. Zabrodin O. N. V. S. Deryabin's Life and Research (To Mark the 140-th Anniversary of His Birth) [O zhiznennom i nauchnom puti V. S. Deryabina (k 140-letiyu so dnya rozhdeniya)]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informacionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2016, № 4 (10), pp. 84–114. Available at: <http://fikio.ru/?p=1923> (accessed 01 February 2016).

29. Lapina I. A., Zabrodin O. N. The Book about the Problem of Emotions: V. S. Deryabin's "Feelings. Inclinations. Emotions" Review. [Kniga o probleme

emotsiy: Retsenziya na knigu V. S. Deryabina "Chuvstva. Vlecheniya. Emotsii"]. *Fiziologiya cheloveka* (Human Physiology), 1975, Vol. 1, № 3, pp. 573–574.

30. Lebedev A. B., Kogan S. I. V. S. Deryabin's "Feelings. Inclinations. Emotions" Review [Retsenziya na knigu V. S. Deryabina "Chuvstva. Vlecheniya. Emotsii"]. *Zhurnal nevropatologii. i psikhiiatrii imeni S. S. Korsakova* (S. S. Korsakov's Journal of Neuropathology and Psychiatry), 1976, Vol. 76, № 3, pp. 463–464.

31. Olshansky D. V. V. S. Deryabin's "Personality Psychology and Higher Nervous Activity" Review [Recenziya na knigu V. S. Deryabina "Psikhologiya lichnosti i vysshaya nervnaya deyatelnost"]. *Zhurnal nevropatologii i psikhiiatrii imeni S. S. Korsakova* (S. S. Korsakov's Journal of Neuropathology and Psychiatry), 1983, № 4, pp. 618–620.

32. Orlov S. V. Philosophical Commentary on the Article of V. S. Deryabin "About the Needs and Class Psychology" [Kommentarii filosofa k state V. S. Deryabina "O potrebnostyakh i klassovoy psikhologii"]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2013, Vol. 1, pp.131–137. Available at: <http://fikio.ru/?p=320> (accessed 01 February 2016).

33. Pavlov I. P. Physiology and Pathology of Higher Nervous Activity [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatelnosti zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III, Kn. 2* (Complete Works, Vol. III, Book 2). Moscow–Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

34. Parygin B. D. Social Psychology [Sotsialnaya psikhologiya]. Saint Petersburg, Gumanitarnyy universitet profsoyuzov, 2003, 615 p.

35. Simonov P. V. What Is an Emotion? [Chto takoe emotsiya?]. Moscow, Nauka, 1966, 94 p.

36. Simonov P. V. Emotional Brain [Emotsionalnyy mozg]. Moscow, Nauka, 1981, 215 p.

37. Simonov P. V. Motivated Brain [Motivirovannyi mozg]. Moscow, Nauka, 1987, 238 p.

38. Smirnov V. M., Trokhachev A. I. About Psychology, Psychopathology, and Physiology of Emotions. Introductory article to the book of V. S. Deryabin "Feelings, Inclination, Emotions" [O psikhologii, psikhopatologii i fiziologii emociy. Vstupitel'naya statya k knige V. S. Deryabina "Chuvstva, vlecheniya, emocii"]. Leningrad, Nauka, 1974, pp. 8–51.

УДК 612.821

Вклад В. С. Дерябина в учение о физиологических основах аффективности*

Забродин Олег Николаевич – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации», кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6–8,
тел.: +7 950 030 48 92.

Авторское резюме

Предмет исследования: Выполненный в работе В. С. Дерябина психофизиологический анализ аффективности (чувств, влечений и эмоций).

Результаты: В монографии «Чувства, влечения и эмоции» (1928–1929 гг.) В. С. Дерябин впервые осуществил психофизиологический анализ аффективности (чувств, влечений и эмоций). С этой целью им были творчески интерпретированы достижения современной физиологии (учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, принцип доминанты А. А. Ухтомского, а также успехи в изучении вегетативной нервной и эндокринной систем). В 1927 г. в статье «О закономерности психических явлений» им впервые было введено понятие о единой психофизиологической доминанте при влечениях (мотивациях). Он также обосновал учение о физиологических основах аффективности.

Выводы: Уже в конце 20-х гг. XX в. В. С. Дерябин обосновал учение о физиологических основах аффективности.

Ключевые слова: чувства; влечения; эмоции; аффективность; высшая нервная деятельность; доминанта; психофизиология.

V. S. Deryabin's Contribution to the Doctrine of the Physiological Bases of Affectivity

Zabrodin Oleg Nikolaevich – Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, Anesthesiology and Resuscitation Department, Senior Research Worker, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

6–8, Lew Tolstoy st., Saint Petersburg, Russia, 197022,
tel: +7 950 030 48 92.

* © О. Н. Забродин, 2016.

Abstract

Purpose: To study the psychophysiological analysis of affectivity made in V. S. Deryabin's monograph.

Results: In his book "Feelings, inclinations and emotions" (1928–1929) V. S. Deryabin for the first time analyzed the psychophysiological bases of affectivity (feelings, inclinations and emotions). For this purpose he creatively interpreted the achievements of modern physiology (I. P. Pavlov's doctrine of the higher nervous activity, A. A. Uchtomsky's principle of dominant, as well as the advances in the study of the autonomic nervous and endocrine systems). In 1927 in the article "On the regularity of psychic phenomena" V. S. Deryabin was the first to introduce the notion of a common psychophysiological dominant in inclinations (motivations).

Conclusion: At the end of 1920s V. S. Deryabin substantiated the doctrine that affectivity had a physiological foundation.

Keywords: feelings; inclinations; emotions; affectivity; higher nervous activity; dominant; psychophysiology.

Анализ работ В. С. Дерябина логично будет начать с определения понятий «учение» и «аффективность». Толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой дает два близких кратких определения понятия «учение». Первое: «Совокупность теоретических положений какой-либо области знаний». Второе: «Совокупность, система взглядов, какого-либо ученого, мыслителя». Хотя эти определения очень близки, но второе по содержанию отнюдь не всегда становится первым.

Понятие «аффективность» было введено швейцарским психиатром Э. Блейлером: «То, что мы называем аффективностью, обозначается приблизительно словами “чувство”, “настроение” (Gemüt), “аффект”, “эмоция”. Понятия, скрывающиеся за этими тремя последними словами, сами по себе слишком узки, между тем как слово “чувство” говорит слишком много» [2, с. 5]. При отсутствии четкого определения понятия «аффективность» В. С. Дерябин обозначил под ним положительный или отрицательный тон ощущений (чувство удовольствия и неудовольствия), наше субъективное отношение к боли, голоду, жажде и другим потребностям с точки зрения пользы и вреда для организма, а также при всевозможных переживаниях, включая и интеллектуальные. В книге Э. Блейлера «Аффективность, внушаемость и паранойя» [2] описана психология аффективности: влияние на внимание, отбор ассоциаций, направляющее влияние на ход психических процессов, физическую активность. Однако при этом автор не касался физиологической стороны аффективности.

Положения о физиологических основах аффективности изложены в монографии В. С. Дерябина «Чувства, влечения, эмоции» [8]. Сам В. С. Дерябин в «Письме внуку» относил написание монографии к 1928–1929 гг. [9, с. 75]. Окончательный вариант монографии был подготовлен автором к печати в 1949 г., но не был опубликован в связи с идеологическими установками того времени, согласно которым советский человек

руководствуется в своих действиях сознанием, идеологическими и моральными установками общества (точнее – партийного руководства), а не эмоциями.

Монографию без преувеличения можно назвать «трудом жизни» автора и не только потому, что над ней он работал с небольшими перерывами до конца жизни, внося исправления и дополнения. В ней в полной мере нашли отражение философские, методологические принципы, которые в дальнейшем применялись им в других теоретических трудах. Об этом говорит уже подзаголовок к названию: «Опыт изложения с психофизиологической точки зрения». В нем – указание на верность автора принципам материалистического монизма, психофизиологического единства.

Предпосылки написания книги представлены во Введении. «Вслед за физиологией органов чувств следующим разделом психологии, в котором психофизиологическое исследование сделало за последние годы большие успехи, является раздел чувств, влечений и эмоций. Накопился значительный материал, делающий возможным рассмотрение этого раздела психологии с материалистически-монистической точки зрения. Учение об условных рефлексах, выяснение роли вегетативной нервной системы и желез внутренней секреции в этой области, а также установление ряда клинических фактов делают возможными первые шаги в психофизиологическом понимании элементарных психических явлений при влечениях и эмоциях, уясняют общие закономерности во взаимоотношениях коры и подкорковых образований, а также во взаимоотношении мозговых центров и периферии при этих процессах. Назрела необходимость разрозненный экспериментальный и клинический материал подвергнуть синтезу с единой точки зрения. Мы сделали опыт такого систематического изложения фактов в трактуемой области» [8, с. 14]. Последующие цитаты даются по 3-му изданию книги «Чувства, влечения, эмоции» [8].

Книга В. С. Дерябина явилась первой отечественной монографией о чувствах, влечениях и эмоциях. Сокращенный вариант книги вышел в свет в 1974 г. через 20 лет после смерти автора в издательстве «Наука» под редакцией д. мед. н. В. М. Смирнова и к. мед. н. А. И. Трохачева. Ограниченный листаж издания, связанные с этим сокращения не позволили представить монографию в достаточно полном виде. Ряд его разделов, которым сам В. С. Дерябин придавал принципиальное значение («Чувствительность внутренних органов», «Роль симпатической нервной системы при боли», «Образование натуральных эмоциональных временных связей», «Классовая психология»), не вошли в публикацию или были значительно сокращены. В какой-то мере это было связано с позицией редакторов, которые в Предисловии к книге писали, что «Главное в книге В. С. Дерябина – семиология физиологических и патологических эмоций, чувств и влечений» [21, с. 6]. Действительно, автор много внимания уделил психологии чувств, влечений и эмоций, выделяя их возрастной, социальной, психопатологический и другие аспекты, но не это определяет приоритетность и актуальность книги, которая состоит в психофизиологии аффективности. Однако и опубликованный вариант книги

сохранил основные положения автора, что позволяет ссылаться на них в ходе анализа книги.

Несмотря на непринятие в 1949 г. к печати монографии «Чувства, влечения и эмоции», свои представления о физиологических основах аффективности В. С. Дерябин изложил в статье «Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности» [6]. Эти представления находилось в противоречии с официальной тенденцией абсолютизации роли коры головного мозга в осуществлении всех функций организма. Предвидя обвинения в редукционизме, автор вынужден был оговориться, что в статье речь идет «о наиболее простых, наиболее выясненных исследованием физиологических процессах, с которыми связаны чувства, влечения и эмоции» [6, с. 789], а не о высших социальных чувствах.

Подробно излагая в этой статье положение о «единой психофизиологической доминанте», автор пишет: «Сходной общей схеме анатомио-физиологической структуры и динамике влечений соответствует сходство психических явлений при них ...можно сказать, что все виды аффективных реакций – чувства, влечения и эмоции – построены в их физиологической основе по одной схеме, включающей объединенную деятельность коры головного мозга и его подкорковых образований» [6, с. 895]. К сожалению, на эту основополагающую статью наши ведущие исследователи мотиваций и эмоций (К. В. Судаков, П. В. Симонов и др.) даже в историческом плане не сочли возможным сослаться.

Авторский вариант книги содержит во «Введении» подраздел «Чувствительность внутренних органов». Чем же это обусловлено? Сам автор так обосновывает включение этого раздела. «Ощущения, возникающие вследствие действия экзогенных раздражений на органы чувств, составляют тот материал, на базе которого возникают процессы интеллектуальные: представления, понятия и проч. Ощущения, возникающие под влиянием раздражений эндогенных, как мы увидим дальше, вызывают такие переживания, как голод, жажда, половые влечения; с ними связано то, что называется самочувствием (например, самочувствие больного, здорового, ребенка, старика), а также эмоции, которые, по мнению некоторых, *в своей физиологической основе есть не что иное, как висцеральные и проприоцептивные ощущения* (курсив мой – О. З.). Таким образом, ощущения, связанные с внутренними органами (органические ощущения), получили в настоящее время для психологии столь же важное значение, как и ощущения, возникающие при посредстве органов чувств, воспринимающих внешние раздражения [8, с. 15].

Автор приводит результаты морфологических исследований школы Б. И. Лаврентьева [15], показавшего, что внутренние органы обильно снабжены чувствительными рецепторами, делающими возможным дифференцированное восприятие раздражений, возникающих внутри организма. Подчеркивая, что решающее значение для разработки проблемы чувствительности внутренних органов имело применение метода условных рефлексов, В. С. Дерябин приводит многочисленные данные в этой области сотрудников И. П. Павлова и

К. М. Быкова. Эти данные показали, что от коры головного мозга к внутренним органам могут возникать центробежные (эфферентные) импульсы, вызывающие путем возбуждения чувствительных рецепторов соответствующие безусловные рефлексы. Было доказано также (опыты В. Н. Черниговского, Э. Ш. Айрапетьянца), что при раздражении внутренних органов и тканей возникают центростремительные (афферентные) импульсы, которые поступают в кору головного мозга и могут сделаться условными возбудителями различных деятельности организма.

Обращение В. С. Дерябина к проблеме чувствительности внутренних органов и к связанной с ней афферентной импульсацией не случайно, т. к. ею, а также импульсацией, исходящей от проприорецепторов скелетных мышц, определяется «общее чувство», основанное на слиянии чувственных тонов ощущений и создающее самочувствие и связанное с ним настроение здорового и больного человека.

В главе I «Чувства» психофизиологический подход автора проявляется не только в подробном описании психологии чувств (слияние, перенос, контраст, адаптация в сфере чувств), но и в том, что он связывает психологическую сторону явлений с их физиологической основой. С этой целью он привлекает данные школы И. П. Павлова (установление временных связей, закон индукции и др.). При этом он исходит из основного положения, что феномену условного рефлекса в физиологии, в частности, временной связи в области чувств, в психологии соответствует явление ассоциации. В связи с этим понятно, что в главе «Чувства» ведущее место занимает раздел «Установление временных связей в области чувств (перенос чувств)».

Далее автор останавливается на вопросе о нейроанатомическом субстрате простых чувств (раздел «Значение подкорковых образований для чувственных реакций»). В пору написания монографии вопрос этот был разработан очень мало. В связи с этим В. С. Дерябин привлекает как результаты физиологических экспериментов на собаках с удаленной корой головного мозга [12; 31], так и клинические данные. На примере поведения собак без больших полушарий коры головного мозга в опытах Г. П. Зеленого В. С. Дерябин делает вывод о способности таких животных к объединению отдельных реакций в довольно сложные акты поведения. Автор заключает: «Совместная координированная работа таламуса, гипоталамуса и стриопаллидарных узлов осуществляет высшую интеграцию деятельности нервной системы после выключения коры головного мозга» [8, с. 37]. Эти образования создают сложный рефлекторный аппарат, работающий как единое целое. Чувствительное звено этой рефлекторной дуги имеет своим центром таламус, а центрами эффекторного звена являются стриопаллидарные узлы и центры гипоталамической области. Важно отметить, что у «бескорковой» собаки Г. П. Зеленого имели место повышенные реакции на слуховые, тактильные и температурные воздействия. Объяснения этому интересному явлению В. С. Дерябин находит в клинических наблюдениях Геда и Холмса [32], обнаруживших у больных с односторонним нарушением связей коры головного мозга с таламусом резкое усиление на поврежденной стороне протопатической

чувствительности (по Геду, протопатическая чувствительность – примитивная, служащая, главным образом, для восприятия ощущений боли и температуры, которые при этом локализуются неточно, а проецируются диффузно). Таким образом, у таких больных имеет место одностороннее усиление чувственного тона ощущений вследствие освобождения таламуса от тормозных влияний коры головного мозга.

Наряду с данными Геда и Холмса, В. С. Дерябин приводит наблюдения из собственного клинического опыта о том, что у взрослых пациентов с высокой степенью повреждения высших отделов головного мозга, особенно при двухсторонних кровоизлияниях в капсулу с полным исчезновением сознания, часто можно видеть искажение лица на болезненные раздражения. В качестве доказательства зависимости чувственных реакций от подкорковых образований головного мозга В. С. Дерябин также привлекает факты онтогенетического развития: «Уже у новорожденных наблюдаются совершенно ясные движения недовольства на болевые раздражения, на голод и холод: болезненное выражение лица, крик, брыкание ножками. У анэнцефалюса, лишенного коры головного мозга, эти реакции наблюдались вполне развитыми» [8, с. 39].

Обращает внимание системный подход В. С. Дерябина к объяснению механизмов повышения болевой чувствительности внутренних органов с использованием физиологического, психологического, неврологического, онтогенетического методов.

Резюмируя сказанное в главе «Чувства», В. С. Дерябин подчеркивает, что элементарные чувства удовольствия и неудовольствия представляют реакции, вызываемые непосредственным возбуждением таламических центров афферентными импульсами, идущими от рецепторов, воспринимающих как внешние, так и внутренние раздражения. Они выявляют установку организма к раздражению. Отмечая, что с развитием мозга чувственные реакции образуются по типу временной связи, В. С. Дерябин проводит мысль о преемственности в развитии высших чувств: «С развитием и усложнением психики, в частности, с развитием мышления, развиваются высшие чувства: эстетическое, моральное чувство, логическое и пр.» [8, с. 40]. При всем различии низших и высших чувств они имеют общее в анатомо-физиологической базе – связаны с компонентами корковым и таламическим, о чем свидетельствует тот факт, что при органических поражениях коры головного мозга у человека наблюдается упадок высших чувств.

Таким образом, психофизиологический подход, примененный В. С. Дерябиным к изучению низших и высших чувств, позволил преодолеть тот барьер, который существовал при их рассмотрении психологами и физиологами.

В главе II монографии – «Влечения» – автор основное внимание уделяет рассмотрению органических (биологических) влечений (голод, жажда, половое влечение и др.). Он дает им следующее определение: «органическими влечениями называются *психофизиологические* (курсив мой – О. З.) реакции, служащие для поддержания физико-химического постоянства тела и сохранения рода» [8, с. 43].

Термин «влечение» в современной специальной литературе уступил место терминам «мотивация» и «потребность». Существуют различные определения понятия «мотивация». Так, в Википедии дается такое определение: «Мотивация – вызванное той или иной потребностью эмоционально окрашенное состояние организма, избирательно объединяющее нервные элементы различных уровней мозга. На основе мотиваций формируется поведение, ведущее к удовлетворению исходной потребности».

Во втором издании словаря «Психология» (под ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, 1990) дается следующее определение мотивации: «Мотивация – побуждения, вызывающие активность организма и определяющие ее направленность» [18, с. 219]. Сходное определение дает П. В. Симонов в книге «Эмоциональный мозг»: «Потребность есть избирательная зависимость от факторов внешней среды, существенных для самосохранения и саморазвития, источник активности живых систем, побуждение и цель их поведения в окружающем мире» [19, с. 145]. Нетрудно заметить известное сходство этих определений, а понятия «органические влечения», «биологические мотивации», «органические потребности» по сути, идентичны. В. С. Дерябин отстаивает преимущество термина «влечение» перед другими, так как этот термин подчеркивает внутреннюю, против воли движущую к объекту силу.

В понимании В. С. Дерябина, потребность – необходимость в поддержании жизненно важного физико-химического постоянства внутренней среды организма, и, в первую очередь, крови. При отклонении физиологических параметров от нормы возникают ощущения отрицательного чувственного тона (чувства голода, жажда и т. п.). В соответствии с этим В. С. Дерябин выделяет во влечениях два компонента:

- (1) потребность в чем-то, недостаток которого ощущается как нечто неприятное, а удовлетворение сопряжено с удовольствием,
- (2) двигательную тенденцию к удовлетворению этой потребности.

Он подчеркивает, что главные физиологические механизмы, лежащие в основе различных влечений, как по своей анатомической структуре, так и в психофизиологическом функционировании, чрезвычайно сходны. Наиболее подробно динамику физиологических и психических процессов при влечениях В. С. Дерябин рассматривает на примере голода, при котором единство физиологического и психического выступает с особой наглядностью. При этом он высказывает предположение, что центры головного мозга, возбуждаемые «голодной кровью», расположены в подкорковых образованиях, так как явления голода и насыщения наблюдаются у животных (собак) с удаленной корой головного мозга.

При этом субъективное ощущение голода является результатом сложного физиологического механизма, включающего возбуждение «голодной кровью» центра, расположенного в сером бугре, откуда возбуждение передается на висцеральное ядро блуждающего нерва. Вследствие этого возникает эфферентная импульсация, которая, поступая к желудку, вызывает его «голодные сокращения» и раздражение находящихся в нем чувствительных

рецепторов. Возникающие при этом афферентные импульсы поступают в таламус и кору головного мозга, вызывая ощущение голода, подобно другим висцеральным ощущениям. Автор отмечает, что голод сопровождается резко отрицательным чувственным тоном, что усиливает стремление избавиться от него.

Рассматривая психические ощущения при голоде, В. С. Дерябин подчеркивает их зависимость от физиологических процессов: «... вместе с соответственными психическими переживаниями от коры головного мозга идут к подкорковому центру и возбуждающие, и тормозящие импульсы, ... наши переживания не есть нечто самостоятельное, изолированное от нервных процессов, а вместе с последними представляют единые психофизиологические процессы, психическая сторона которых и составляет наше переживание» [8, с. 49].

Еще в середине XX столетия мотивации находились целиком в сфере научных интересов психологов. Заслугой В. С. Дерябина представляется построение общей схемы действия влечений, опирающейся на обоснованные в 1925 г. А. А. Ухтомским представления о доминанте [25] и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности (ВНД). Для объяснения динамики психических переживаний и активного поведения у человека при органических влечениях, а также эмоциях принцип А. А. Ухтомского в период написания В. С. Дерябиным монографии (1928–1929 гг.) не применялся. В статье «О закономерности психических явлений» [4; 11] им впервые была выдвинута концепция единой психофизиологической доминанты и ее динамики при влечениях, развитая в монографии «Чувства, влечения и эмоции» [8]. В ней он выделяет общие для всех органических влечений черты – направленность на сохранение физико-химического постоянства организма и на сохранение рода. Отделы нервной системы, обеспечивающие указанные функции, организованы и действуют по единому плану. Это расположенные в гипоталамической области центры вегетативной нервной системы, возбуждение которых происходит вследствие отклонения физико-химического состава крови от физиологических параметров или половыми гормонами, т. е. по типу «геморефлекса». В дальнейшем эти представления получили успешное развитие в работах К. В. Судакова и его сотрудников [23; 22; 26] и П. В. Симонова [19; 20].

Общим для всех органических влечений является также сокращение гладкой мускулатуры органов и сдавление в них чувствительных нервных окончаний, что вызывает неприятные ощущения, сопровождаемые отрицательным чувственным тоном (чувство голода, жажды и др.), а также стремлением избавиться от них.

В. С. Дерябин отмечает, что основу динамики влечений с физиологической стороны составляют сложнейшие безусловные рефлексy, осуществляющиеся через таламо-гипоталамические центры. При всех влечениях имеют место однотипные взаимоотношения подкорковых центров и коры головного мозга. Возбуждение этих центров передается в кору головного мозга, где происходит

установление временных связей подкорки и коры, что делает возможным передачу возбуждения от подкорки к коре и обратно.

После установления временных связей раздражения, приходящие извне, становятся сигналами еды, объектами полового влечения и т. д., благодаря чему становится возможной идентификация объектов влечений и, зачастую, действия, направленные на удовлетворение влечений. В то же время с помощью условных рефлексов происходит подготовка органов к выполнению той или иной функции (например, «психическая» фаза желудочной секреции), без чего ее осуществление происходит неудовлетворительно, либо становится совсем невозможным.

Таким образом, выполнение физиологических функций при влечениях у человека и высших животных осуществляется благодаря совместной деятельности коры и подкорковых образований головного мозга. При этом подкорковые центры являются источником активирующих влияний на кору головного мозга: «Наиболее сильная в данное время потребность организма вызывает господствующий очаг возбуждения в головном мозгу, который определяет течение нервных процессов, пока потребность не удовлетворена» [8, с. 100]. В свою очередь: «Кора обеспечивает поведение, адекватное жизненной обстановке, в которой находится организм» [8, с. 100]. Эти представления в настоящее время получили современную интерпретацию: «Иницирующая поведение роль потребностей, синтез механизмов доминанты с механизмами формирования условного рефлекса обеспечивают оба фактора, необходимых и достаточных для организации целенаправленного поведения: его активный творческий характер (доминанта) и точное соответствие объективной реальности (упроченный, точно специализированный условный рефлекс)» [20, с. 10].

Схему протекания физиологических процессов при влечениях В. С. Дерябин заключает общим выводом: «При установлении взаимоотношения внутренней среды организма с внешним миром подкорковые центры, функцией которых являются влечения, играют важнейшую роль посредствующего звена. *Они регулируют эти взаимоотношения сообразно с потребностями организма*» (курсив мой – О. З.) [8, с. 100].

Заслугой В. С. Дерябина представляется изучение влечений не только со стороны физиологической, но и психической. При этом он отмечает, что при влечениях единство психических и физиологических процессов выступает с исключительной ясностью. Так, подобно тому, как временные связи составляют центральное явление в физиологической стороне влечений, в их психической стороне центральное место принадлежит ассоциациям. Господствующая в данный момент потребность создает одновременно физиологическую и психическую доминанты, определяющие ход психических процессов по удовлетворению потребности. Автор отмечает, что динамика психических процессов при влечениях совершенно аналогична динамике процессов физиологических и протекает в полном соответствии с законом доминанты А. А. Ухтомского. Однако он при этом подчеркивает, что речь идет не о параллелизме обоих процессов, а об их единстве: «Неразрывная связь явлений

со стороны физиологической и психической доминант и полная зависимость психических реакций от химического состояния тела с наглядностью естественного эксперимента показывают, что перед нами не два ряда отдельных процессов, а ход единой психофизиологической доминанты» [8, с. 101].

Автор отмечает противоречие между субъективным сознанием произвольности действий по удовлетворению влечений у человека и объективной их обусловленностью принудительными физиологическими механизмами. Детерминизм психических реакций и действий при влечениях он выражает в афористической форме: *«Подгоняя страданием и маня удовольствием, организм создает субъективные методы действий, направляя работу психики к удовлетворению своих очередных потребностей»* (курсив мой – О. З.) [8, с. 102]. Это высказывание как бы предвосхищает последующий «потребностно-информационный» подход к анализу поведения и высших психических функций человека и животных П. В. Симонова [20].

Наряду с органическими влечениями ученый рассматривает влечения у людей, не являющиеся врожденными, которые в настоящее время относят к потребностям более высокого уровня – социальным и идеальным. Упоминая о влечении к труду, организационной, научной или иной творческой работе, он подчеркивает, что «для них характерны положительный чувственный тон, сопровождающий для некоторых лиц определенную активность, и основанное на этом эмоционально выраженное стремление к такого рода деятельности» [8, с. 43].

В наше время вопрос о соотношении биологических потребностей, называемых также потребностями нужды и или сохранения, и высших (социальных, идеальных) потребностей, относимых также к потребностям роста и развития, служит предметом дискуссии. Согласно одной точке зрения, высшие потребности (мотивации) возникают на основе механизмов низших биологических мотиваций [22]. Согласно другой точке зрения, социальные потребности принципиально не выводимы из биологических [19].

В. С. Дерябин, не выводя высшие потребности из низших, отмечает, что общим для всех потребностей является аффективность, сигнализирующая об актуализированной потребности и интегрирующая психические процессы (внимание активность, мышление) с целью ее удовлетворения. В частности, влечения играют направляющую роль в постановке задач мышлению: «Влечение ставит задачи интеллекту для своего удовлетворения и пользуется им как рабочим аппаратом. Оно давит на мышление, приковывает его к нахождению способов своего удовлетворения и заставляет его (мышление – О. З.) работать до тех пор в нужном направлении, пока не найден удачный выход» [8, с. 102]. При этом ученый оговаривает, что влечения подчиняются регулирующим влияниям и согласуются с требованиями социальной жизни, что, однако, не уменьшает их огромной роли в жизни человека.

Эти представления В. С. Дерябина, высказанные еще в 40-х гг., нашли подтверждение в работах последующих авторов [13; 19]. Так, согласно К. Изарду: «Эмоция — это нечто, что переживается как чувство (feeling),

которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» [13, с. 27].

Для того чтобы оценить вклад ученого в изучение проблемы влечений (мотиваций), необходимо сопоставить сделанное им с последующими исследованиями в этом направлении. Работы В. С. Дерябина прервались в середине 50-х гг. В последующие годы и десятилетия был уточнен как анатомо-физиологический субстрат биологических мотиваций и эмоций, так и функциональные взаимоотношения центров головного мозга в динамике появления и развития этих проявлений аффективности. Установлена универсальная для возникновения всех биологических мотиваций роль специфических восходящих активирующих влияний соответствующих гипоталамо-ретикулярных центров на лимбическую и новую кору головного мозга. Имеются убедительные электроэнцефалографические данные, полученные у кошек и собак, о том, что доминирующая мотивация (пищевая, питьевая) проявляется в однотипной реакции активации электроэнцефалограммы в различных структурах головного мозга (фронтальный и сенсомоторный отделы коры, медиальные ядра таламуса, латеральный отдел и вентромедиальное ядро гипоталамуса, ретикулярная формация среднего мозга). После приема пищи или внутривенного введения глюкозы описанная активация исчезала [26, с. 58–59]. Аналогичные изменения электроэнцефалограммы были обнаружены у животных на фоне лишения воды и после ее приема [16].

Однотипная активация указанных отделов головного мозга в период указанных мотиваций позволила К. В. Судакову сделать вывод, что «мотивированное возбуждение представляет собой интегрированный комплекс избирательно объединенных корково-подкорковых образований, каждое из которых вносит свои специфические влияния в мотивационное возбуждение» [26, с. 60].

Установлена роль лимбической системы и ее образований (ядер миндалевидного комплекса, гиппокампа и др.), а также передних отделов новой коры в организации мотивированного поведения. Подробный обзор функций указанных структур и гипоталамуса дан в книге П. В. Симонова «Мотивированный мозг». Им представлена схема организации мотивированного поведения на основе взаимодействия передних отделов новой коры, гиппокампа, миндалины и гипоталамуса [19, с. 135].

Существенно были уточнены и механизмы «голодного» возбуждения нейронов подкорковых отделов головного мозга. Во времена написания раздела «Влечения» еще не были известны конкретные компоненты питательных веществ, обеднение крови которыми вызывало активацию нейронов «центра голода». В настоящее время установлено, что нервные клетки пищевого центра обладают избирательной чувствительностью к изменению уровня глюкозы, свободных жирных кислот, некоторых аминокислот и других компонентов крови. При этом нейроны «центра голода» и «центра насыщения» избирательно реагируют не только на содержание глюкозы в крови, но и в первую очередь на нервную импульсацию, поступающую к ним из желудочно-кишечного тракта,

которая в свою очередь способствует раннему возникновению «голодной крови», связанному с переходом питательных веществ в депонированное состояние [16].

Таким образом, механизмы возникновения доминирующей пищевой мотивации достаточно сложны и представляют собой результат интеграции нервных и гуморальных стимулов. Важно отметить, что активация нейронов гипоталамического пищевого центра под влиянием указанных стимулов происходит не сразу, а по достижении определенного порога возбудимости, после чего эти нейроны начинают генерировать непрерывную импульсацию, вследствие которой пищевая потребность становится мотивирующей [1].

Были достигнуты большие успехи в расшифровке химической природы мотивационного возбуждения. В формировании мотивации различного биологического качества участвуют одни и те же медиаторы – норадреналин (НА), дофамин, ацетилхолин (Ах), однако каждой мотивации присуща специфическая нейрохимическая интеграция [цит. по: 26, с. 64].

Логическим завершением изложения психофизиологии аффективности явилась глава III «Эмоции», поскольку В. С. Дерябин усматривал эволюционную связь между ними и положительным и отрицательным чувственным тоном ощущений и простых чувств удовольствия и неудовольствия при влечениях.

Эмоции занимают центральное место в монографии «Чувства, влечения и эмоции», т. к. в ней автор обобщает свои представления об аффективности, ее эволюции и роли в психической деятельности.

Значительное внимание уделяет автор характеристике низших эмоций отрицательного (страх, ярость) и положительного (радость, веселье) чувственных тонов, а также высших социальных эмоций. При этом он подчеркивает связь низших и высших эмоций – и те, и другие являются переживаниями положительного или отрицательного чувственного тона, характеризуются общностью мимического аппарата и вегетативных проявлений. Так, описывая выражения веселья и радости, В. С. Дерябин отмечает, что радостное настроение может возникнуть как безусловный рефлекс – результат положительного тона эндогенных органических ощущений в детском и юношеском возрасте, при действии раздражений положительного чувственного тона (приятный вкус или запах, у ребенка – при легком щекотании). Однако радость может возникнуть и условнорефлекторно: под действием как внешних раздражителей, вызывающих радость и веселье, так и соответствующих представлений. При этом он заключает: «Ощущения органические, и ощущения, вызываемые внешними раздражениями, при положительном тоне их, а также *всякая высшая духовная радость и удовольствие* (курсив мой – О. З.) проявляются посредством одного и того же рабочего аппарата, передаются на дугу одного и того же безусловного рефлекса [8, с. 118].

Давая характеристику низших эмоций и физиологических явлений при боли, В. С. Дерябин подчеркивает генетическое родство этого ощущения резко отрицательного чувственного тона и эмоции страха. Вместе с тем он обращает

внимание на значительное сходство механизмов действия на психику боли и органических влечений (голод, жажда). Боль, получив доминирующий характер, принудительно определяет поведение человека. В этом также, подчеркивает автор, проявляется генетическое родство между простыми чувствами, влечениями и эмоциями, на основании которых В. С. Дерябин развил учение о физиологических основах аффективности.

Подробно описывая внешние проявления, возникающие в реакциях организма на боль, В. С. Дерябин отмечает ведущее значение активации симпатической нервной системы (СНС), которая служит быстрой мобилизации энергетических ресурсов с целью избежать боли (бегство, борьба и др.).

Отрицательный чувственный тон при боли вызывает ряд безусловных и условных рефлекторных защитных реакций. Проявлениями последних, в частности, являются страх и ярость (гнев). В. С. Дерябин прослеживает их развитие в ходе онто- и филогенеза и трансформацию в условиях социальной среды. Так, страх, возникающий условнорефлекторно как сигнал боли, испытанной в различных ситуациях, в ходе онтогенеза генерализуется в «чувство самосохранения», лишь частично являющееся врожденным. Таким образом, «страх вызывается не только сигналами физической боли: мы боимся всего, что сопровождается резко отрицательным чувственным тоном» [8, с. 122] – страх ущерба для личности, нужды, позора и т. п.

Последовательно рассматривает В. С. Дерябин влияние страха на поведение животных и человека, выделяя 3 характерных варианта:

- (1) бегство от устрашающего объекта;
- (2) иррадиацию двигательного возбуждения, приобретающего характер «двигательной бури»;
- (3) оцепенение с общим мышечным напряжением – «рефлекс мнимой смерти» или «рефлекс иммобилизации».

Если для животных описанные реакции являются типовыми, то у человека они проявляются в чрезвычайных ситуациях: при военных действиях, землетрясениях и т. п.

Хотя возникающие при этом физиологические реакции во времена В. С. Дерябина были мало изучены, он справедливо усматривал в них роль выброса из мозгового слоя надпочечников гормона адреналина (А) [5]. В настоящее время это предположение получило подтверждение при непосредственном определении содержания катехоламинов – НА и А в крови.

Установлено, что при астенических эмоциях, в частности – при страхе, в кровь выделяется преимущественно А, а при стенических эмоциях (ярость, гнев) – НА – медиатор СНС. Опираясь на известные работы У. Кеннона [14; 28], обнаружившего активацию симпатико-адреналовой системы при сильных эмоциях (страх, ярость), В. С. Дерябин обосновывает роль этой системы в динамогенном действии эмоций, чему специально посвящена его работа «Эмоции как источник силы» [5].

Исходя из принципа психофизиологического единства, В. С. Дерябин изучает влияние страха не только на поведение, но и на психические процессы, рассматривая шкалу непрерывных изменений интенсивности такого влияния.

Так, при сильном страхе высшая психическая деятельность полностью подавляется силой эмоционального возбуждения. При уменьшении силы аффекта его тормозящее влияние на интеллект ослабевает, но, как и при влечениях, мышление направляется на устранение от устрашающего положения. Наконец, при слабой выраженности эмоции (в частности, страха) она уже не влияет заметно на ход ассоциаций.

Таким образом, при сильных аффектах выступает торможение ВНД (отрицательная индукция с подкорки на кору головного мозга по терминологии И. П. Павлова), сочетающееся с описанными выше типовыми моторными реакциями. В случае реакции по типу «рефлекса мнимой смерти» или иначе – «рефлекса иммобилизации» повышенное мышечное напряжение может достигать степени кататонии и каталепсии, характерных для некоторых форм шизофрении.

Как психиатра и физиолога, вопрос этот настолько заинтересовал В. С. Дерябина, что в послевоенный период, как уже упоминалось, он занялся влиянием децентрализации (перерезка спинного мозга) на моторику задних конечностей собак и действием на последнюю биологически активных веществ –А и Ах [7; 11].

В период написания монографии данные об анатомо-физиологическом субстрате эмоций были скудными. К концу 20-х гг. существовали две основные теории возникновения эмоций. Первая из них – теория Джемса–Ланге, отводящая основную роль в этом процессе нервной импульсации, исходящей из внутренних органов – висцеральным ощущениям. Вторая теория – «таламическая» теория У. Кеннона, объясняющая переживание и выражение эмоций механизмом корково-подкорковых взаимоотношений, центральным звеном которого является возбуждение таламических центров [28].

С позиций генетической связи между простыми чувствами, чувствами, связанными с влечениями, и эмоциями В. С. Дерябин выдвигает свою теорию физиологических механизмов эмоций, лишенную односторонности указанных теорий. Признавая ведущую роль центральных механизмов в возникновении эмоций, В. С. Дерябин обосновывает значение в этом процессе висцеральных ощущений, служащих, в частности, для усиления эмоциональных переживаний. Он пишет по этому поводу: «Если концепцию Джемса–Ланге дополнить, приняв во внимание участие в эмоциональных реакциях таламических и гипоталамических центров, то ход физиологических процессов, с которыми связаны эмоциональные реакции, можно представить в таком виде. Процессы могут протекать как “сложнейшие безусловные рефлексы”, осуществляющиеся через подкорковые центры (И. П. Павлов), и по типу временной связи, и представляя “объединенную деятельность коры и подкорки”... Можно думать, что при взаимодействии коры и подкорки могут возникать разнообразнейшие вегетативно-эндокринные реакции, вызывающие таламические и корковые процессы, с которыми связано неисчислимое богатство эмоциональных проявлений у человека» [8].

Значительное внимание ученый уделяет психологии эмоций и сложных чувств, о чем свидетельствуют разделы монографии: «Иррадиация чувств»,

«Память эмоций и чувств», «Суммация чувств», «Слияние чувств», «Смешанные чувства», «Исход эмоций». Однако он не ограничивается описанием психических феноменов, но и освещает лежащие в их основе физиологические закономерности. Так же, как и при характеристике простых чувств, В. С. Дерябин показывает, что основные закономерности ВНД (образование временных связей, условное торможение, иррадиация возбуждения и т. д.) проявляются и в области психологии эмоций и сложных чувств.

Так, у младенцев экспериментально были выработаны эмоциональные реакции, основанные на временной связи, например, условные рефлексy на страх [24]. При этом В. С. Дерябин подчеркивает, что процессы внешнего и внутреннего торможения, наблюдающиеся при условных рефлексax, имеют место и при ассоциативных эмоциональных реакциях. Например, страх может подавлять все реакции. В том, что эмоция более сильная тормозит эмоцию более слабую, проявляется физиологический закон доминанты [25], по которому более сильный очаг возбуждения в мозгу тормозит очаг возбуждения более слабый.

Также процессы условного торможения имеют место в случаях, когда добавочный раздражитель, имеющий значение условного тормоза, подавляет эмоциональное возбуждение, основанное на временной связи. Автор приводит характерный пример, когда вид медведя в лесу, обычно сопровождающийся страхом, не вызывает его у охотника, снабженного ружьем, или страх не возникает при виде медведя в клетке зоопарка. При этом «сила реакции определяется не силой условного раздражения, а значимостью для организма на основании прошлого опыта того, что обозначается условным раздражителем» [8, с. 163].

Образование эмоциональных временных связей аналогично тому, что в психологии называется «переносом чувств». Способность широкого переноса чувств на сходные объекты или на лиц, групп лиц (например, сходной профессии) весьма напоминает сходное явление, которое И. П. Павлов назвал «обобщением условных рефлексов».

Закон временной связи лежит также в основе психического явления воспроизведения эмоций при воспоминаниях («память эмоций и чувств»): представления вызывают в нас те эмоции, с которыми они сочетались в прошлом.

Центральное место в главе «Эмоции» занимает раздел «Влияние эмоций на интеллект», в котором обосновывается ведущая роль эмоций как наиболее сложной формы аффективности в психической деятельности и поведении. В. С. Дерябин подчеркивает аналогичное влиянию на психические процессы, в частности на интеллект, эмоций, получивших доминирующий характер. При этом он заключает: «Действие на психику чувств, связанных с влечением, и эмоций оказывается совершенно аналогичным. Этим оправдывается их объединение под одним термином – «аффективность» [8, с. 181].

Последовательно рассматривает автор влияние эмоций на психические процессы (восприятие, внимание, память, мышление, активность), постоянно производя сопоставление с таким влиянием влечений. Эмоции по отношению к ассоциациям обладают включающей и выключающей силой, вызывая ассоциации, соответствующие им по чувственному тону, и тормозя прочие ассоциации вследствие отрицательной индукции. При этом сильные, доминирующие положительные эмоции (радость, веселье) ускоряют ход ассоциаций, а отрицательные (печаль, тоска) замедляют его.

Со стороны как психической, так и физиологической имеет место ход возбуждения от подкорковых образований к коре и обратно. Как и при влечениях, под действием эмоций вызываются представления, получившие связь с соответствующим чувственным тоном. С другой стороны, восприятия или представления, возникающие при возбуждении коры головного мозга, способны вызвать или затормозить эмоциональные реакции с их вегетативными или моторными проявлениями.

Эмоции, связанные с мобилизацией энергии (радость, гнев), которые называют стеническими, усиливают психические процессы – восприятие, внимание, одновременно делая их односторонними и направленными сообразно господствующей эмоции. Такая односторонность, влияя на отбор ассоциаций, может нарушить объективность суждений и привести к ложным умозаключениям. Известно выражение: «Эмоции ослепляют разум».

Признание определяющего и зачастую исключającego влияния эмоций на мышление позволило автору дать дополнительное объяснение известному положению марксистской философии о природе идеалистического мировоззрения: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей... и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира» [27]. При этом он подчеркивает, что влияние эмоций, сигнализирующих о потребностях, на мышление и поведение находится за пределами сознания индивида. Таким образом, в этом важном вопросе В. С. Дерябиным была установлена роль аффективности – промежуточного психофизиологического звена между потребностями, с одной стороны, и мышлением и поведением – с другой.

Далее автор подчеркивает, что значение эмоций и аффективности в целом для процессов памяти (запоминание, воспроизведение) определяется биологической и социальной значимостью для индивида произошедших событий.

Подобно влечениям, эмоции являются мощными стимуляторами психической активности, побуждают интеллект искать пути к избавлению от эмоций с отрицательным чувственным тоном и к продлению эмоций положительного чувственного тона, а также к соответствующим действиям. При этом аффективностью «не только ставится цель интеллекту, но и определяется материал решения задачи, с которым он оперирует» [8, с. 179].

Как врач-психиатр, В. С. Дерябин не мог ограничиться рассмотрением роли аффективности в психике только здорового человека. Как пример влияния доминирующей сильной эмоции (страха) на отбор представлений он приводит случай из собственной психиатрической практики – формирование у больного галлюцинаций. Детали галлюцинаций («ухарь-купец») были связаны с прошлыми переживаниями больного, сопровождавшимися чувством страха [8, с. 176].

В. С. Дерябин не проводит непроходимой грани между влиянием эмоций на интеллект в физиологических и патологических условиях, подчеркивая количественные различия. В качестве примера он приводит «кривую логику» дегенератов и хронических алкоголиков, у которых вследствие ослабления функций коры головного мозга нарушены ее тормозные влияния на эмоции, действие которых на мышление приобретает искаженный характер. «Бредовые идеи душевнобольных – не заблуждения и логикой не корректируются, т. к. основа их – в эмоциях больного» [8, с. 180].

Такую же связь представлений с сильными эмоциями (страхом, гневом) прослеживает В. С. Дерябин у больных маниакально-депрессивным психозом и другими психическими заболеваниями, при которых эндогенно возникающая эмоция связывается больным с определенным объектом или представлением, подвергается психическому объяснению.

Значительное сходство во влиянии чувств, влечений и наиболее простых эмоций (страх, ярость, веселье и т. п.) позволяет предположить общность в их анатомо-физиологической базе и неразрывную связь психических процессов с физиологическими реакциями. Такой базой, по В. С. Дерябину, являются подкорковые образования, таламические и гипоталамические центры, которые по отношению к коре головного мозга являются источником силы. Последняя, в свою очередь, оказывает на них корректирующие влияния, обеспечивая поведение, адекватное жизненной обстановке. Автор приходит к выводу, что в физиологической основе аффективности лежит объединенная деятельность коры и подкорки. Это положение применительно к влечениям (мотивациям) нашло экспериментальное подтверждение в исследованиях школы П. К. Анохина [1; 26].

Далее В. С. Дерябин подчеркивает, что развитие аффективности в ходе становления психики идет от врожденных реакций к таковым, образующимся по типу временной связи на основе индивидуального опыта. На базе сложнейших безусловных рефлексов по закону временной связи образуются условные рефлексy. Таким образом, аффективность является промежуточным связующим звеном между внутренней средой организма с его потребностями и связанными с ними психическими процессами и внешней средой.

Отмечая значительное сходство в физиологической основе чувств, влечений и эмоций, проявляющееся в том, что возникающие при них очаги возбуждения в ЦНС протекают по типу доминанты, В. С. Дерябин вместе с тем подчеркивает и различия между ними: «Но психофизиологические доминанты, возникающие при чувствах, влечениях и эмоциях, связаны с

функционированием разных физиологических структур, обладающих, возможно, и особенностями динамики функций» [8, с. 187].

Сознавая ограниченность знаний своего времени о физиологических основах аффективности, ученый намечает направления исследований в этой области, основанные на методических принципах материалистической диалектики. Используя принцип конкретности истины, он предостерегает от схоластического оперирования застывшими понятиями, в частности, понятием «доминанта». Избежать этого возможно путем дальнейшего изучения и конкретизации физиологических механизмов при различных видах аффективности. «Доминанта – не магическое слово, которое разъясняет всю полноту конкретных явлений, подведенных под общее понятие. Выяснение материальных процессов, на базе которых строится психофизиологическая доминанта *при различных видах аффективности* (курсив мой – О. З.), сделало лишь первые шаги. Понятие психофизиологической доминанты построено на изучении ограниченного числа фактов. Оно дает одну из отправных точек исследования при изучении: особенностей проявления аффективности в различных ее (доминанты – О. З.) отделах, вариаций реакций в зависимости от силы раздражения и проч.» [8, с. 187–188].

Другим методологическим принципом, определяющим дальнейшее направление исследований аффективности, автор считает эволюционный принцип, позволяющий изучать чувства, влечения (мотивации) и эмоции в качестве звеньев в непрерывной цепи развития. На это же указывает сходство в их анатомо-физиологической структуре.

Принцип психофизиологического единства находит проявление в неразрывной связи психических процессов аффективности с физиологическими реакциями. В этих условиях «психогенные воздействия на организм теряют свою значимость и при медицинском изучении со стороны материальной занимают место в ряду высших физиологических и психофизиологических процессов» [8, с. 189].

Высказывание это представляется весьма актуальным в свете широкого распространения в наше время объяснений психогенных влияний на организм человека в норме и патологии с позиций экстрасенсорики, биоэнергетики, различных мистических учений. При всем различии в философской трактовке такого рода объяснений – от субъективного идеализма до вульгарного материализма – их объединяет отсутствие психофизиологического подхода с привлечением конкретных физиологических механизмов.

В связи с этим следует отметить, что, согласно В. С. Дерябину, в передаче психогенных влияний на соматические процессы ведущая роль принадлежит аффективности. В качестве доказательства он приводит многочисленные примеры «динамогенного действия эмоций» – активирующего влияния на психический и мышечный тонус и работоспособность стенических аффектов (ярость, радость). В противоположность этому, астенические аффекты (страх, тоска, обида) оказывают ослабляющее действие на перечисленные процессы. Подобные влияния проявляются у животных и людей, причем у последних – под влиянием как низших эмоций (страх, ярость и др.) и органических

влечений (голод, жажда), так и высших влечений (одержимость ученого, изобретателя и т. п.) и эмоций (моральные чувства, чувство патриотизма).

В статье «Эмоции как источник силы» [5] В. С. Дерябин приводит примеры моральной стойкости и чрезвычайной физической выносливости наших воинов, проявляемых под влиянием чувства любви к Родине и ненависти к захватчикам. Для объяснения этого автор привлекает факты активирующего влияния вегетативной нервной и эндокринной систем на мышечную систему и метаболизм, и, в первую очередь, указывает на адаптационно-трофическую функцию СНС, подробно изученную школой Л. А. Орбели [17]. В качестве примера чрезвычайного усиления и извращения этого физиологического механизма автор приводит маниакальную фазу маниакально-депрессивного психоза, при которой длительное психическое и двигательное возбуждение больного не сопровождается утомлением. Таким образом, проявление динамогенного действия эмоций при различных видах аффективности подкрепляет концепцию В. С. Дерябина о генетическом родстве чувств, влечений и эмоций.

Вопрос о соотношении психического и материального (физиологического, соматического) в генезе заболеваний внутренних органов в 40–50 гг. XX века активно разрабатывался, что нашло отражение в развитии в нашей стране учения о кортико-висцеральной патологии (Г. Ф. Ланг, К. М. Быков, И. Т. Курцин и др.), а на Западе – в направлении исследований, получившем название «психосоматическая медицина». И в наше время вопрос этот далек от окончательного решения.

Следует отметить важность каждого из этих направлений, обогативших медицину множеством ценных фактов и наблюдений. Вместе с тем, каждое из них характеризовалось известной односторонностью. Сторонники кортико-висцеральной теории патогенеза заболеваний внутренних органов, опираясь на учение И. П. Павлова о ВНД, основное внимание уделяли изучению нейрофизиологических механизмов, и, в первую очередь, – нарушению взаимоотношений коры головного мозга и внутренних органов [3]. При этом участие в патологическом процессе подкорковых образований, и, в первую очередь, – гипоталамуса, роль вегетативной нервной и эндокринной систем в развитии функциональных расстройств и морфологических изменений в органах либо недооценивалась, либо вообще не учитывалась.

Напротив, представители психосоматической медицины концентрировали внимание на подробной характеристике психогенного фактора, психологического конфликта и на изучении связи между ними и развитием соматической патологии. Конкретным физиологическим и биохимическим механизмам развития патологии при этом уделялось мало внимания. Нетрудно заметить, что из рассмотрения выпадало важное звено – роль отрицательных эмоций и обусловленной ими патологической реакции вегетативной нервной системы. Обусловлено это было, по-видимому, недооценкой роли эмоций как важного связующего звена между внутренней и внешней средой организма с его потребностями, с одной стороны, и психической деятельностью, с другой.

На роль аффективности в качестве такого связующего звена неоднократно указывал В. С. Дерябин в монографии «Чувства, влечения, эмоции» [8]. В связи с этим в ее разделе «Медицинское значение условнорефлекторных влияний на внутренние органы» он подчеркивал роль аффективного компонента в патологическом действии различных факторов: «Всякого рода телесные и душевные перенапряжения ...нужда и семейные заботы, необычайные жизненные условия, к которым человек не может приноровиться, состояние напряженного ожидания – все это может быть причиной нервно-психических и телесных (соматических) расстройств» [8, с. 192]. С другой стороны, он отмечает, что многие развившиеся соматические заболевания имеют психогенные наслоения, связанные с возникновением негативного эмоционального состояния больного, которое может быть устранено с помощью психотерапии. При этом заболевания вызывают характерные для них висцеральные ощущения, сопровождающиеся отрицательными эмоциями – страхом, тревогой, которые усугубляют тяжесть самого заболевания. Автор подчеркивает, что в каждом конкретном случае требуется дифференцированный подход к лечению: «В одних случаях при лечении необходим подход со стороны соматической, в других – со стороны психической, а в-третьих – воздействие и психическое, и соматическое» [8, с. 193].

Верный эволюционному подходу в изучении аффективности, В. С. Дерябин посвящает ему специальный раздел: «Роль аффективности в психике и ее (роли – О. З.) эволюция». В нем он рассматривает, как в филогенезе, а также в онтогенезе у животных и человека происходит переход от аффективности, полностью связанной с влечениями, к сложной работе мышления, произвольному вниманию и произвольным двигательным актам. Однако и в этом случае аффективность остается «пружиной, приводящей в движение высший сложный психический аппарат»: восприятие, внимание, память, мышление, активность. В отличие от господствовавшего в 40-50 гг. XX в. мнения о ведущей роли интеллекта и воли в психической деятельности, В. С. Дерябин подчеркивает значение аффективности в постановке цели мышлению, во включающем и выключающем действии аффективности на отбор ассоциаций, причем не только в вопросах практических, но и при абстрактном мышлении: «Например, ученый, преследуя, как ему кажется, объективную истину, иногда бессознательно подгоняет факты к предвзятым, т. е. обусловленным эмоцией, целям» [8, с. 200]. Таким образом, заключает автор, аффективность интегрирует все психические процессы в единое целое: «Создание единства психических функций и обеспечение единства поведения – важнейшая задача в структуре и динамике психики, и аффективность при этом играет большую роль» [8, с. 205].

Основные положения общей схемы действия аффективности, предложенные В. С. Дерябиным, не были опровергнуты, а получили в наше время подтверждение и уточнение на нейрофизиологическом уровне.

1. Положение о том, что для осуществления функции влечений и примитивных действий по удовлетворению органических потребностей

необходимо сохранение гипоталамических центров, но не обязательно наличие коры головного мозга, нашло подтверждение в ряде последующих работ. При разрушении различных отделов коры головного мозга или лимбических структур биологические мотивации не исчезают, а проявляются в ослабленной или усиленной форме, в то же время разрушение гипоталамических центров приводит к полному их исчезновению. При этом двухстороннее разрушение латеральных отделов гипоталамуса устраняет «голодную активацию» во всех отделах мозга [30]. Эти и подобные факты позволили П. К. Анохину и К. В. Судакову [1] выдвинуть концепцию пейсмекерной роли гипоталамических центров в формировании основных биологических мотиваций: «гипоталамическим центрам принадлежит ведущая пейсмекерная роль в организации всей центральной архитектоники мотивационного возбуждения» [26, с. 61].

2. Представления о динамике корково-подкорковых взаимоотношений при влечениях (мотивациях), изложенные В. С. Дерябиным [4; 8; 10], были детализированы последующими исследованиями, но в своей основе не были опровергнуты. Сказанное подтверждается выводом К. В. Судакова, представленным в книге «Функциональные системы организма»: «Мотивация строится на основе сложных взаимоотношений коры и подкорковых образований активирующего и тормозного характера, а также с использованием механизмов корково-подкорковой реверберации возбуждений. Иными словами, мотивационное состояние представляет собой сложную интеграцию корково-подкорковых взаимоотношений» [26, с. 58].

3. Применение В. С. Дерябиным принципа доминанты А. А. Ухтомского к пониманию динамики физиологических и психических процессов при влечениях, и в первую очередь – при голоде, нашло в последующем подтверждение в электрофизиологических исследованиях. В частности, было детализировано применительно к пищевой мотивации известное положение А. А. Ухтомского, что доминирующий очаг возбуждения в ЦНС «притягивает» к себе другие возбуждения. В ставшем классическим опыте А. А. Ухтомского раздражение электрическим током моторных отделов коры головного мозга у кошек усиливало акт дефекации, предварительно провоцируемый механическим раздражением рецепторов прямой кишки [25]. В близких условиях эксперимента у голодных кроликов раздражение аналогичных отделов коры усиливало электрофизиологические показатели «голодного» возбуждения нейронов латерального отдела гипоталамуса, т. е. способствовало нарастанию доминирующей пищевой мотивации [цит. по: 26, с. 62].

Подводя итоги своего изучения физиологии аффективности, В. С. Дерябин пишет следующее: «Исследование физиологических основ аффективности сделало в Советском Союзе огромные успехи. Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности и о взаимоотношениях коры и подкорки при аффективных реакциях является ключом к пониманию динамики аффективности. Изучение симпатической нервной системы (Л. А. Орбели), гистологическое исследование рецепторов внутренних органов (Б. И. Лаврентьев), изучение влияния коры головного мозга на внутренние

органы и внутренних органов на кору головного мозга (К. М. Быков) дают чрезвычайно ценный материал для построения учения о физиологических основах аффективности (курсив мой – О. З). Проложен путь, идя по которому, физиологическое исследование даст неоспоримые основания для монистически-материалистического понимания аффективности.

Изложенные факты дают достаточное основание трактовать чувства, влечения и эмоции как психофизиологические процессы, понимание которых может быть достигнуто при рассмотрении их с эволюционной точки зрения» [8, с. 213].

К сказанному автором следует добавить, что перечисленные им исследователи не занимались непосредственно изучением аффективности, и несомненной заслугой В. С. Дерябина является творческое приложение результатов их исследований к психологии аффективности с целью создания учения о роли чувств, влечений и эмоций в психической жизни и поведении человека.

Список литературы

1. Анохин П. К., Судаков К. В. Нейрофизиологические механизмы голода и насыщения. – Успехи физиологических наук. – 1971. – Т. 1, № 11. – С. 3–41.
2. Блейлер Э. Аффективность, внушаемость и паранойя. Пер. с нем. – Одесса, 1929. – 140 с.
3. Быков К. М., Курцин И. Т. Кортико-висцеральная патология. – Л.: Медгиз, 1960. – 575 с.
4. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений // Иркутский медицинский журнал. – 1927. – Т. 5. – № 6. – С. 5–14.
5. Дерябин В. С. Эмоции как источник силы // Наука и жизнь. – 1944. – № 10. – С. 21–25.
6. Дерябин В. С. Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 1951. – Т. 1, В. 6. – С. 889–901.
7. Дерябин В. С. Действие ацетилхолина на шагательные движения задних конечностей собак // Физиологический журнал СССР им. И. М. Сеченова. – 1953. – Т. 39, В. 3. – С. 319–323.
8. Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции: О психологии, психопатологии и физиологии эмоций. Изд. 3-е. – М.: Изд. ЛКИ, 2013, – 224 с.
9. Дерябин В. С. Письмо внуку // Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae. – 2005. – Вып. 11, № 3–4. – С. 57–78.
10. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений (публичная вступительная лекция) // Психофармакология и биологическая наркология. – 2006. – Т. 6, В. 3. – С. 1315–1321.
11. Дерябин В. С., Дерябин Л. Н., Кашкай М.-Дж. Действие ацетилхолина на мышцы задней конечности собаки при половинной перерезке спинного мозга // Физиологический журнал СССР им. И. М. Сеченова. – 1960. – Т. 46, № 2. – С. 1471–1475.

12. Зеленый Г. П. Собака без полушарий большого мозга // Труды Общества русских врачей в Санкт-Петербурге. – 1912. – Т. 79. – С. 147–149.
13. Изард К. Эмоции человека. – СПб.: Питер, 2000. – 440 с.
14. Кеннон В. Физиология эмоций. – Л.: Прибой, 1927. – 173 с.
15. Лаврентьев Б. И. Морфологические данные к вопросу о чувствительности внутренних органов // Советская медицина. – 1944. – В. 3. – С. 1–7.
16. Лакомкин А. И., Мягков И. Ф. Голод и жажда. – М.: Медицина, 1975. – 216 с.
17. Орбели Л. А. О некоторых достижениях советской физиологии // Избранные труды. Т. 2. – М.–Л.: Изд. АН СССР, 1962. – С. 587–606.
18. Психология. Словарь / Под. общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
19. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. – М.: Наука, 1981. – 215 с.
20. Симонов П. В. Мотивированный мозг. – М.: Наука, 1987. – 238 с.
21. Смирнов В. М., Трохачев А. И. О психологии, психопатологии и физиологии эмоций. Вступительная статья к книге В. С. Дерябина «Чувства, влечения, эмоции». – Л.: Наука, 1974. – С. 8–51.
22. Судаков К. В. Биологические мотивации. – М.: Медицина, 1971. – 304 с.
23. Судаков К. В. Системные механизмы мотиваций. – М.: Медицина, 1979. – 200 с.
24. Уотсон У. Психология как наука о поведении. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – 704 с.
25. Ухтомский А. А. Принцип доминанты // Собрание сочинений. Т. 1. – Л.: Изд. АН СССР, 1950. – С. 197–201.
26. Функциональные системы организма: руководство / под ред. К. В. Судакова. – М.: Медицина, 1987. – 432 с.
27. Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. – М.: Издательство политической литературы, 1961. – С. 339–626.
28. Cannon W. B. The James-Lange Theory of Emotions: a Critical Examination and an Alternative Theory // American Journal of Psychology. – 1927. – Vol. 39. – pp. 106–124.
29. Cannon W. B. The Wisdom of the Body. – New York: W. W. Norton & Company, 1939. – 332 p.
30. Fonberg E. Amygdala Functions within the Alimentary System // Acta Neurobiologiae Experimentalis (Warsaw). – 1974. – Vol. 34. – № 3. – pp. 435–466.
31. Goltz F. Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns // Archiv für die gesamte Physiologie. – 1892. – Bd. 51. – № 11–12. – pp. 570–614.
32. Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions // Brain. – 1911–1912. – Vol. 34, p. 102.

References

1. Anochin P. K., Sudakov K. V. Neurophysiological Mechanisms of Hunger and Satiety [Neyrofiziologicheskie mekhanizmy goloda i nasyscheniya]. *Uspekhi fiziologicheskikh nauk* (The Successes of Physiological Sciences), 1971, Vol. 1, № 11, pp.3–41.
2. Bleuler E. Affectivity, Suggestibility and Paranoia [*Affektivnost, vnushaemost i paranoyya*]. Odessa, 1929, 140 p.
3. Bykov K. M., Kurtsin I. T. Corticovisceral Pathology [*Kortiko-visceralnaya patologiya*]. Leningrad, Medgiz, 1960, 575 p.
4. Deryabin V. S. About Regularity of the Mental Phenomena [O zakonomernosti psikhicheskikh yavleniy]. *Irkutskiy Medicinskiy Zhurnal* (Irkutsk Medical Journal), 1927, Vol. 5, № 6, pp. 1–14.
5. Deryabin V. S. Emotions as a Source of Power [Emotsii kak istochnik sily]. *Nauka i zhizn* (Science and Life), 1944, № 10, pp. 21–25.
6. Deryabin V. S. Affectivity and Regularities of Higher Nervous Activity [Affektivnost i zakonomernosti vysshey nervnoy deyatel'nosti]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti im. I. P. Pavlova* (I. P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity), 1951, Vol. 1, № 6, pp. 889–901.
7. Deryabin V. S. The Effect of Acetylcholine on “Strided” Movement of the Hind Limbs of Dogs [Deystvie atsetilkholina na shagatelnye dvizheniya zadnikh konechnostey sobak]. *Fiziologicheskii zhurnal SSSR imeni I. M. Sechenova* (I. M. Sechenov Physiological Journal of the USSR), 1953, Vol. 39, № 3, pp. 319–323.
8. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations, Emotions: About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [*Chuvstva, vlecheniya, emotsii. O psikhologii, psikhopatologii i fiziologii emotsiy*]. Moscow, LKI, 2013, 224 p.
9. Deryabin V. S. A Letter to the Grandson [Pismo vnuku]. *Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae*, 2005, Vol. 11, № 3–4, pp. 57–78.
10. Deryabin V. S. About the Regularity of the Mental Phenomena (Public Introductory Lecture) [O zakonomernosti psikhicheskikh yavleniy (publichnaya vstupitel'naya lektsiya)]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2006, Vol. 6, № 3, pp. 1315–1321.
11. Deryabin V. S., Deryabin L. N., Kashkay M.-J. The Effect of Acetylcholine on the Muscles of the Hind Limb of Dogs at Half Transaction of the Spinal Cord [Deystvie acetilholina na myshcy zadney konechnosti sobaki pri polovinnoy pererezke spin'nogo mozga]. *Fiziologicheskii zhurnal SSSR imeni I. M. Sechenova* (I. M. Sechenov Physiological Journal of the USSR), 1960, Vol. 46, № 12, pp. 1471–1475.
12. Zeleniy G. P. A Dog without Hemicerebrums [Sobaka bez polushariy bolshogo mozga]. *Trudy Obschestva russkikh vrachey v Sankt-Peterburge* (Works of Russian Doctors in St. Petersburg), 1912, Vol. 79, pp. 147–149.
13. Izard K. Emotions of the Person. [*Emocii cheloveka*]. Saint Petersburg, Piter, 2000.

14. Cannon W. B. Physiology of Emotion [*Fiziologiya of emotions*]. Leningrad, Priboy, 1927, 173 p.
15. Lavrentev B. I. Morphological Data to the Question of the Sensitivity of Internal Organs [Morfologicheskie dannye k voprosu o chuvstvitelnosti vnutrennikh organov] *Sovetskay medicina* (Soviet Medicine), 1944, Vol. 3, pp. 1–7.
16. Lakomkin A. I., Myagkov I. F. Hunger and Thirst [*Golod i zhazhda*]. Moskow, Medicina, 1975. – 216 p.
17. Orbely L. A. About Some Achievements of the Soviet Physiology [O nekotorykh dostizheniyakh sovetskoy fiziologii]. *Izbrannye trudy, Tom 2* (Selected works, Vol. 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1962, pp. 587–606.
18. Petrovskiy A. V., Yaroshevskiy M. G. (Eds.) Psychology. Dictionary [*Psikhologiya. Slovar*]. Moscow, Politizdat, 1990, 494 p.
19. Simonov P. V. Emotional Brain [*Emotsionalnyy mozg*]. Moscow, Nauka, 1981, 215 p.
20. Simonov P. V. Motivated Brain [*Motivirovannyy mozg*]. Moscow, Nauka, 1987, 238 p.
21. Smirnov V. M., Trokhachev A. I. About Psychology, Psychopathology, and Physiology of Emotions. Introductory article to the book of V. S. Deryabin "Feelings, Inclination, Emotions" [*O psikhologii, psikhopatologii i fiziologii emociy. Vstupitelnaya statya k knige V. S. Deryabina "Chuvstva, vlecheniya, emocii"*]. Leningrad, Nauka, 1974, pp. 8–51.
22. Sudakov K. V. Biological Motivation [*Biologicheskie motivacii*]. Moscow, Medicina, 1971, 304 p.
23. Sudakov K. V. System Mechanisms of Motivation [*Sistemnye mekhanizmy motivatsiy*]. Moscow, Medicina, 1979, 200 p.
24. Watson W. Psychology as the Science of Behavior [*Psikhologiya kak nauka o povedenii*]. Moscow, OOO "Izdatelstvo AST-LTD", 1998, 704 p.
25. Uchtomskiy A. A. The Principle of Dominance [Princip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. I* (Collected Works, Vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1950, pp. 197–201.
26. Sudakov K. V. (Ed.) Functional Systems of the Body. [*Funktsionalnye sistemy organizma*]. Moscow, Medicina, 1987, 432 p.
27. Engels F. Dialectics of Nature [Dialektika prirody]. *Sochineniya, T. 20* (Works, Vol. 20). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, pp. 343–626.
28. Cannon W. B. The James-Lange Theory of Emotions: A Critical Examination and an Alternative Theory. *American Journal of Psychology*, 1927, Vol. 39. pp. 106–124.
29. Cannon W. B. *The Wisdom of the Body*. New York, W. W. Norton & Company, 1939, 332 p.
30. Fonberg E. Amygdala Functions within the Alimentary System. *Acta Neurobiologiae Experimentalis (Warsaw)*, 1974, Vol. 34, № 3, pp. 435–466.
31. Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology), 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

32. Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, Vol. 34, p. 102.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf
- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет

- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся авторское резюме (обычно 100–250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно

иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по гиперссылке с сайта нашего журнала или с pdf-версии номера эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimushchestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [Транслитерированное название книги]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109–116.

Игнатьев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3 – 5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском

языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать

употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложен подход к концепции информационного общества, требующий ее построения с учетом переосмысления фундаментальных понятий материального и духовного, проведенного на основе анализа виртуальной реальности и трудовой деятельности в сфере информационных технологий.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Желательно эти рисунки также прикреплять к письму отдельными файлами.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной

строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «Ph. D.» «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph. D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,
phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2016.